

КОГДА ЗВОНИТ МАЛЫКА

БИБЛИОТЕКА
УЖАСОВ

БИБЛИОТЕКА УЖАСОВ

Джон ФАРРИС

**КОГДА ЗВОНИТ
МАЙКЛ**

**Издательство «ВЕРБО»
Москва 1993**

ББК 84.7 США
Ф25

*Перевод с английского Марии Павловой
и Марины Яковлевой*

Художник Вячеслав Сухарев

Фаррис Дж.

Когда звонит Майкл: Роман/Пер. с англ. М. Павловой и М. Яковлевой; Предисл. Ст. Кинга; Художн. В. Сухарев.— М.: Вербо, 1993.— 256 с.: ил.— (Серия «Библиотека ужасов».)

И—16(03)

В этом выпуске нашей серии Стивен Кинг представляет одну из лучших работ своего учителя и кумира — известного американского писателя Дж. Фарриса — остросюжетный роман ужасов «Когда звонит Майкл».

Захватывающий детективный сюжет разворачивается вокруг цепи загадочных смертей, каждую из которых предвещает телефонный звонок с «того света». Но за кажущейся простотой разгадки этой невероятной связи сверхъестественного с реальным лежат совсем неочевидные причины событий, открыть которые читателю предстоит вместе с отставным следователем Д. Брайтлоу и помощником шерифа И. Милсом.

ISBN 5-7630-0011-0

- © Stephen King. Предисловие
- © Перевод с английского
М. Павловой, М. Яковлевой, 1993
- © Составление, худ. оформление,
иллюстрации фирмы «Вербо», 1993

ДЖОН
ФАРРис
КОГДА
ЗВОНЦ
МАЦКА

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Для меня гораздо труднее писать о творчестве Джона Фарриса, чем о многих других авторах. И вот почему: еще во времена отрочества, да и позже, я не просто восхищался его книгами — карьера именно этого писателя стала для меня образцом и примером, которому я решил следовать, а в дальнейшем, возможно, и превзойти. Но дело здесь вовсе не в том, что я собирался просто копировать его своеобразный стиль, чтобы со временем приобрести нечто подобное, нет. Хотя и верно, что многие молодые писатели, иногда даже помимо собственной воли, как в зеркале отражают в своих произведениях стиль обожаемого кумира — так малые дети подражают поведению своих родителей, а свежее молоко впитывает в себя запахи любых продуктов, которые вы положите рядом с ним в холодильник.

¹ © Stephen King, перевод В. Ю. Терещенко, 1993.

Однако у меня все вышло несколько по-другому. Вспоминая свой собственный период стилистической имитации и перечитывая мои первые рассказы, которые я писал еще в школе, я вдруг осознаю, что начало такого «опуса» — точь-в-точь копия Рея Брэдбери, а в конце вдруг начинают звучать мощные аккорды Г. Ф. Лавкрафта. И ладно бы еще только это, ан нет: вся середина вещи как две капли воды похожа на сочинения Корнела Вулриха, которые вообще трудно с чем-либо перепутать!

Конечно, бывает и так, что молодежь попросту завидует талантливым и удачливым писателям — их идеи кажутся свежими, новыми и прекрасно изложенными на бумаге, а язык так близок вашему сердцу! (Для меня, например, это язык Дона Робертсона, писателя из Огайо, автора замечательных романов «Падение рая» и «Самое вкусное после кусочков хлеба».) Но меня, слава Богу, миновала судьба завистника. Отчасти, наверное, потому, что те чувства, которые я испытывал в отношении работ Фарриса, были просто более детскими, хотя от этого и не менее сильными.

Я действительно хотел во всем стать таким же, как он.

Но разумеется, были причины, по которым мое желание никак не могло осуществиться. Джон Фаррис вознесся до высот общенационального признания, еще когда издательство «Делл букс» выпустило его первый роман «Школа Харрисон». Это было крупное, «увесистое» произведение, в чем-то грубо написанное и с невероятно запутанным сюжетом. Книга появилась весьма своевременно: как раз в конце 50-х годов многие родители начали понимать, что проблема подростковой преступности гораздо глубже, чем ночное катание на мотоциклах, немытые волосы и поднятый воротник кожаного пальто, как было принято считать с легкой руки авторов предыдущего поколения.

В то время по литературе и кинематографу прокатилась целая волна произведений о молодежи, не оставившая камня на камне от этих стереотипных представлений, которые не шли дальше мнения, будто самым большим злом является списывание конспектов и свидания на заднем сиденье автомобиля. Но даже среди наиболее удачных книг той волны «Школа Харрисон», бесспорно, оказалась самой лучшей, хотя, к сожалению, и последней. Она стала настоящим чемпионом в ряду ей подобных. И это, на мой взгляд, произошло во многом благодаря тому, что здесь автору удалось убедительно доказать: малолетние преступники совсем не обязательно должны быть выходцами из бедных семей. Недовольство и правонарушения в равной степени распространены и в среднем классе, и среди отпрысков самых богатых людей страны. Один из издателей так комментировал эту вещь: «Что больше всего поражает меня в «Школе Харрисон», так это угол зрения автора: Фаррис смотрит на своих героев с их же собственной колокольни, а не с высоты жизненного опыта взрослого человека, осуждающего или оправдывающего молодежь».

Сюжет романа многоплановый, персонажи прекрасно выписаны и ни в чем не уступают своим сверстникам из реальной жизни. А речь героев настолько естественна и эмоциональна, что даже обилие в ней некоторых весьма «разговорных» слов и выражений не кажется неоправданным перегибом.

Конечно, всего этого я тоже мог бы достичь при упорном труде, но было в работе Фарриса и еще кое-что, способное немедленно потрясти любого читателя: ведь хотя роман вышел в свет, когда автору уже исполнилось двадцать три, писался он в то время, когда сам Фаррис еще ходил в школу, то есть в возрасте всего восемнадцати лет! И если учесть это, то можно про-

стить ему и небольшие оплошности в сюжете, и некоторые стилистические промахи, до которых наверняка докопался бы въедливый критик, поскольку в остальном эта книга действительно уникальна.

Следующий роман Фарриса, «Долгий свет зари», рассказывает о мучительном расколе в семье и тоже являет собой феномен, назвать которому равные я, честно говоря, затрудняюсь. Действие спрессовано всего в двадцать четыре часа, но за это время читатель настолько погружается в жизнь героев, что в поисках аналогии на память приходят разве что лучшие из пьес Юджина О'Нила. А в отношении самого Фарриса создается впечатление, что этот молодой человек, не прилагая никаких особых усилий, после всего лишь одного опубликованного им романа о молодежи, легко, как само собой разумеющееся, пишет роскошную мелодраму и сразу же становится всеобщим любимцем.

В последующие годы появляется несколько продолжений «Школы Харрисон» (и, надо признать, что некоторые из них даже лучше самого оригинала), а кроме того — объемистый роман «Король Уиндом» о глубоко верующем южанине — религиозном возрожденце и врачевателе с помощью молитв.

И наконец выходит в свет «Когда звонит Майкл», ради которого я и затеял весь этот разговор. Сам Фаррис утверждает, что написал роман всего за три с половиной недели, и, прочитав его, можно поверить в эти слова. Но вовсе не потому, что написан он торопливо или неряшливо. Наоборот, страницы удивительно чисты, захватывающи и убедительны. На одну полку с этой книгой я поставил бы очень немногие: пржалуй, «Поцелуй перед смертью» и «Ребенка Розмари» Айра Левина, «Чужого» Томаса Трайона и, возможно, «Озеро» Жанет Керд. Ну а потом мне обычно остается лишь щипать себя за бороду и что-то невнятно мямлить,

потому что больше, друзья мои, настолько хороших книг я назвать не берусь. Хотя, наверное, еще стоит добавить сюда повесть Агаты Кристи «А потом никого не осталось» — но это уж точно последнее, что приходит на ум.

Вот почему мне так трудно сейчас писать predislo-

вие.

Хотя вы, наверное, заметили, что до сих пор мне легко было разглагольствовать о ранних произведениях Фарриса и о том, что, хотя мне кажется, будто он был рядом со мной всю мою жизнь (а «Школа Харрисон» увидела свет, когда мне стукнуло всего двенадцать), тем не менее и сейчас похоже, что Фаррис только вчера получил аттестат зрелости где-то на Среднем Юге и по возрасту много моложе Джона Кеннеди, когда тот вступал на пост президента. Я мог бы добавить также (ну вот, опять я пускаюсь в болтовню не по делу), что с публикации «Когда звонит Майкл» только началась по-настоящему славная карьера Фарриса как писателя, и что это еще далеко не пик его литературной деятельности. Ведь после «Майкла» им были созданы такие шедевры, как «Каперы» — о похитителях людей — книга, ничуть не уступающая знаменитому «Коллектору» Джона Фоулса;* «Темные делишки», о которой мой друг-издатель кратко сообщает только одно: что это самая лучшая книга ужасов, какую он когда-либо читал. А еще «Все головы поворачиваются, когда идет охота» — это настоящее путешествие в готику южан, продолжающее лучшие традиции Гарри Крюса, Уильяма Фолкнера и Брами Стокера; и, разумеется, «Ярость» — один из самых головокружительных романов о паранормальных явлениях, которые мне доводилось встречать. По этой книге режиссером Брайаном де Палма (по сценарию самого Фарриса) был поставлен довольно удачный фильм. Но, как всегда бывает, он

дает лишь слабый намек на тот водоворот событий и чувств героев, которые проходят перед вами при чтении книги. Нет, это ни в коей мере не умаляет достоинств фильма как кинематографического произведения, а только подтверждает, что даже самая лучшая экранизация книги от силы дает вам право как бы подглядеть в замочную скважину за тем, что происходит в самом романе (как-никак, любое кино длится всего лишь пару часов, а за это время ни рассказать, ни воспринять многое при всем желании не успеешь). Поэтому всех достоинств книги ни один фильм отразить просто не в состоянии.

Да, вот о таких вещах я могу говорить здесь, сколько мне угодно, но ни в коем случае не должен даже косвенно намекать на то, что будет происходить в романе: ни кто такой Майкл, ни куда и зачем он звонит, ни что происходит, когда он начинает звонить. Ибо это было бы с моей стороны по меньшей мере непорядочно. Ведь как и «Поцелуй перед смертью» Айра Левина, книга Фарриса — это прежде всего удивительно захватывающий сюжет, который от страницы к странице все больше накаляет ваши нервы и вдруг подводит к совершенно неожиданной развязке. Читая подобные книги, всегда можно сравнить их с игрой в так называемый «закрытый» покер, где у игроков есть только два варианта — либо сорвать банк, либо спустить все вчистую, и поэтому они находятся в постоянном напряжении. Так и здесь, с той лишь разницей, что с банкующим на этот раз вам сказочно повезло — им станет очень талантливый и умный автор. Джон Фаррис будет не спеша раскрывать перед вами карты (и иногда вам даже покажется, что вы уже догадываетесь о том, что произойдет, например, с пчеловодом, и готовы во всеуслышание объявить, что Фаррис проиграл вам в этом «покере», как вдруг что-то случается — и вот вы уже

сами в проигрыше). Но лично я не собираюсь больше давать никаких подсказок по тексту.

Однако могу отметить, что роман написан действительно великолепно. В нем есть все, что надо, чтобы назвать книгу «отличным чтивом», хотя лично мне это высокомерное британское выражение не очень-то по душе (сразу приходит на ум, что хорошо читается либо в транспорте, либо когда надо убить вечером пару часиков в промежутке, пока по «ящику» не показывают ничего приличного). Язык произведения отточен, а вся жизнь провинциального округа Шейдс описана с таким исключительным реализмом, что читается не хуже заправского репортажа из воскресной газеты. А самое главное, что каждый герой здесь имеет свой собственный, непохожий на других характер и образ мыслей — каждый, как говорится, отбрасывает свою тень.

Ну, вот; мне кажется, пора уже закругляться. И если у вас еще не разыгрался аппетит, чтобы немедленно «проглотить» эту книгу, то, уверяю, первые двадцать ее страниц превосходно пробудят его и без меня. Но если у вас есть срочные дела, то лучше отложите роман и сперва решите свои проблемы, иначе то, что вам предстоит исполнить, будет сделано плохо: ведь часть вашего мозга уже не сможет отключиться от переживаний за героев книги: за Элен Коннелли, Пэгги Коннелли, Крэга Янга... и мальчика по имени Майкл, который опоздал на автобус и ждет, когда его встретят.

А лично от себя, как давний и неизменный поклонник Фарриса (а мне действительно нравятся абсолютно все его книги, и лучшим подтверждением этому может служить тот факт, что почти все мои ранние крупные произведения, написанные еще задолго до первого опубликованного романа «Кэрри», были созданы под самым непосредственным влиянием его творчества — так,

например, толстенный, в 600 страниц, «талмуд» с отвратительным названием «Меч в темноте», в котором я описывал межрасовые столкновения в вымышленном городе Хардинге, весьма похож на «Школу Харрисон»), хочу добавить, что мне очень приятно снова видеть в печати роман «Когда звонит Майкл», ведь теперь у него появятся сотни тысяч новых читателей, большинство из которых наверняка станут истинными друзьями автора. А выше награды для писателя, по-моему, и не бывает. Я действительно рад, что «Майкл» снова увидит свет.

Это необычайно хорошая книга. И поскольку лучшей похвалы литературному произведению я дать попросту не способен, я умолкаю и передаю слово самому Джону Фаррису.

Маленькая девочка по имени Пэгги Коннелли уже только что выпорхнула из своего школьного автобуса...— а остальное, я уверен, вы узнаете дальше сами.

*Стивен КИНГ
Бангор, штат Мэн*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

елтый школьный автобус округа Шейдс притормозил на углу одной из улочек. Из дверей выпорхнула Пэгги Коннелли и еще парочка второклашек. Автобус покатил дальше. Пэгги тут же вскарабкалась на длинную каменную стену, которая огораживала владения Коннелли, и не спеша зашагала по

ней, стараясь ступать осторожно, чтобы не запачкать в пыли свои новенькие туфельки. У ворот Пэгги остановилась, заметив во дворе молодого человека, ловко орудующего лопатой. Девчушка не больно-то жаловала Рендла, и лишь завидев того, тут же пыталась куда-нибудь улизнуть. Но сейчас любопытство взяло верх — при виде свежевырытых ямок Пэгги не сдержалась и прыгнула со стены. Громко шурша опавшими листьями, она подошла к юноше.

— Ну, и что же это будет? — закинула удочку Пэгги.

Даже не оглянувшись, Гарри Рендл швырнул очередную порцию свежевырытой земли напрямик на ее

новенькие туфли. Однако Пэгги даже бровкой не повела. Она была готова к подобной выходке. Девочка как ни в чем не бывало взглянула на Гарри и всем своим видом выразила глубочайшее уважение к этому джентльмену. Мало того, сейчас она, пожалуй, с удовольствием пошла бы на примирение.

Рендл прислонил лопату к железному столбику указателя и ладонью смахнул со лба капли пота. Глядя куда-то в сторону, он с усмешкой обронил:

- Это для твоего дохлого кота.
- Но у меня нет никакого дохлого кота.
- На твоем месте я бы не торопился с ответом.
- Ну правда. Или ты говоришь о Сэтче?

Гарри Рендл не ответил. С виду юноша смахивал на самого обычного старшеклассника, однако Пэгги твердо знала, что Гарри Рендл — самый вредный и противный на свете. А чего стоила эта его фразочка насчет кота! Девочка не на шутку встревожилась и хотя была абсолютно уверена, что этот хмырь не посмеет даже прикоснуться к ее коту, тем не менее она обшарила двор цепким взглядом, надеясь обнаружить Сэтча в полном здравии. И тут Пэгги разглядела фургончик доктора Бриттона. Из багажника торчали обернутые бумагой саженцы.

— А, так вот зачем ты здесь копаешь,— с облегчением воскликнула Пэгги.— Ты будешь сажать деревья.

Рендл снова взялся за лопату и несколько раз вонзил ее в землю. Усмешка не сходила с его губ.

— Из дохлых котов получается отличное удобрение. От этого дерева быстрее растут.

— Врешь ты все! Ты Сэтча и пальцем не тронешь!

— Тогда следи, чтобы и духу его здесь не было,— посерьезнев, заявил Рендл.— Я чуть не уколошил этого мерзавца час назад.— Он приподнял лопату и с силой всадил лезвие в рыхлую землю.— Раз! И нету.

Пэгги шагнула вперед и, с упавшим сердцем, заглянула в ямку. Убедившись, что та пуста, девочка окончательно успокоилась и направилась к дому.

Гарри Рендл подрабатывал на ферме у доктора, однако раз в неделю он заглядывал и к Коннелли, выполняя самые разные поручения, на которые у

хозяйки дома Элен Коннелли не хватало времени. Пэгги неоднократно пыталась завязать с Рендлом знакомство, но, в конце концов, отчаялась. Похоже, тот просто терпеть не мог маленьких девочек. А этого Пэгги уж совсем не могла понять.

Возле крыльца Пэгги почувствовала, что Рендл идет за нею следом. Она резко обернулась и нахмурилась. Однако в этот раз никакой гадости он не замышлял.

— Ну чего ты дергаешься? — проворчал Гарри, наслаждаясь замешательством девочки. — Раз уж ты все равно идешь в дом, передай доктору Бриттону, что мне надо отлучиться на пару минут. Я должен забрать свою машину — она торчит на бензоколонке.

— О'кей, — кивнула Пэгги и важно направилась к застекленной террасе двухэтажного особняка. Здесь мать держала уйму потрясающих вещей: массивные прятки, прессы для изготовления яблочного вина и даже самую настоящую старинную печь. Но несмотря на это, свободного места на террасе оставалось в избытке. Антикварный магазинчик Элен Коннелли совершенно не походил на остальные лавки древности. Все вещицы были скрупулезно разложены по полочкам. Ни свалок, ни куч бесполезного хлама, как это частенько случается у торговцев раритетами. К Элен то и дело наведывались постоянные клиенты из Сент-Луиса, Канзас-Сити и даже из далекой Оклахомы. Заглядывали сюда и известные декораторы, а кое-кто навещал ее раз шесть за год в поисках очередной древней и редкостной вещицы. И хотя настоящий антиквариат являлся здесь чуть ли не музейной редкостью, связи Элен год от года крепили, и она почти всегда находила возможность удовлетворить самые изысканные и щепетильные вкусы.

И холл, и прихожая, и веранда представляли собой выставочный зал магазина. Пэгги пересекла холл, скользнув любопытным взглядом по двум витринам с настоящими раритетами — иногда ей даже давали их потрогать, в присутствии взрослых, разумеется. Она зашвырнула портфель прямо на лестницу, ведущую на второй этаж, и ворвалась в кухню. Мама вместе с доктором Бриттоном и его женой Эльзой пили кофе.

— Эх, если бы сегодня ночью похолодало, — сразу затарахтела Пэгги. — Мне уже надоела эта жарища. — И принялась рыться в коробке печенья.

— Если немного подождешь, получишь горячие пончики, — донесся голос поварихи Бренды.

— А я думала, ты их уже давно нажарила.

— Если жара спадет, мы туристов отсюда и палкой не выгоним, — заметила Эльза Бриттон.

— Надеюсь, что осенью погода будет лучше летней, — вклинился в разговор доктор Бриттон. — От этих проклятуших дождей столько людей заболело, вспомнить страшно...

Элен размешивала сахар в чашке и наблюдала, как Пэгги, подойдя к холодильнику, открыла его и встала на цыпочки, пытаясь дотянуться до пакета молока.

— Энди, ты что-нибудь слышал об их проекте насчет горы Бен-Ломонд? Они там собираются протянуть для горнолыжников подвесную дорогу.

— Подвесную дорогу? — фыркнула Эльза. — Интересно, как они будут кататься? Снега-то здесь кот наплакал.

— Судя по всему, компания притащит сюда и эти мудреные штуковины, изготавливающие искусственный снег для покрытия горных склонов.

— Деньги в это предприятие вкладывают в основном дельцы из Сент-Луиса, — задумчиво произнес Эндри Бриттон. — Им же принадлежит и тот самый курортный пляж на озере Озаркс. Но там нет гор — одни холмики, вот они и подались сюда.

— Они испоганят нам все горы, — подхватила Эльза и недовольно покачала головой. — Помните, что они сотворили с поместьем Блу-Ай?

— Может быть, — вкрадчиво вставила Элен. — Но только мне кажется, что жители теперь в этом поместье постоянные, а не «сезонники». А ведь для нашего округа это совсем неплохо.

— В нашем округе и двадцать лет назад все было распрекрасно, — язвительно возразила Эльза. — Задолго до того, как сюда приехали эти «вечные сезонники». Сами увидите, весь округ вот-вот запрудят бесчисленные трейлеры, кегельбаны на открытом воздухе и толпы

сумасшедших юнцов, сметающих все на своем пути. То же самое ведь случилось в местечке Тейбл-Рок всего два года тому назад.— Она взглянула на мужа.— Кто-то должен воспрепятствовать этому, иначе действительно наступит конец. Подвесная дорога! У нас здесь и без того хватает народа — взять хотя бы этих так называемых свободных художников. Тоже мне, явились не запылились, жалкие барды!

— Пэгги, пончики горячие, смотри, не обожгись! — крикнула Бренда, стоя у плиты.

— Не думаю, что все у них пойдет как по маслу, — засомневался доктор Бриттон. — А вообще, я удивляюсь, как в этих местах еще сохранилась дикая природа и ее до сих пор не покорили все эти предприимчивые дельцы.

Он растянулся в кресле, затем, встав, передвинул его на солнце, которое в это время как раз бросило лучи на пол веранды. Бриттон был коренастым мужчиной шестидесяти пяти лет от роду. В округ Шейдс его занесло в незапамятные времена, в конце двадцатых годов, когда эти дикие места были почти недоступны. Долину со всех сторон окаймляли высокие горы, и проникнуть сюда могли лишь немногие смельчаки — бывалые альпинисты да сборщики налогов.

— Если все жители встанут на защиту этих мест и не польстятся на соблазны толстосумов, все и останется по-старому. А что касается художников — так они еще самобытней, чем мы. Они явились сюда в поисках уединения, им нужна дикая красота наших гор, и уж им-то точно не захочется ничего здесь менять.

— Пэгги, не ешь стоя, — обратилась Элен к дочери.

— Доктор Бриттон, а у вас есть пчелы? — встряла в разговор девочка.

Доктор улыбнулся:

— Да, именно сегодня я приобрел неплохую пчелиную семейку — целый рой вместе с маткой...

— А сколько их там?

— Ну, в улье сейчас их уже где-то тысяч пятнадцать, не меньше.

Пэгги восхищенно уставилась на доктора, а потом присела на стул рядом с матерью:

— А что вы с ними будете делать? Зачем вам так много пчел?

— Я буду их приручать.

Это заявление явно сбило с толку Пэгги. Как ни старалась она представить себе ручных пчел, это ей так и не удалось.

— А можно и мне посмотреть, как это делается?

— Конечно, приходи ко мне и увидишь.

— Но ведь это же пчелы...— неуверенно протянула Элен.

— Это совершенно безопасно,— убедительно отозвался доктор.

— А помните того мальчика из Спрингфилда, которого этим летом пчелы зажалили до смерти?

— Наверное, у него была аллергия на их укусы.

Пэгги задумчиво кивнула головой.

— А вас когда-нибудь жалили?

— Миллион раз.

— А вы приручите новых пчел так, чтобы они не жалились,— посоветовала Пэгги.

В прихожей зазвонил телефон.

— Это наверняка Розалинда,— сообщила девочка.

— Что ей сказать? — бросила на ходу Элен, направляясь к телефону.

— Скажи ей, что я немножко опоздаю.

— Хорошо.— Проходя мимо брошенного портфеля, Элен скорчила недовольную гримасу. У двери в холл на маленьком инкрустированном столике стоял старинный телефон. Элен сняла трубку.

— Тетушка Элен?

Она уставилась через стеклянную дверь во двор на лопату, которую Рендл прислонил к столбу. На последнем была прибита табличка с надписью «Элен Коннелли — антиквариат». Лопата эта так заняла ее воображение, что Элен не сразу поняла, о чем говорят на другом конце провода.

— Да... Да, я слушаю. Розалинда, это ты?

— Тетушка Элен...

Элен нахмурилась. Голос не принадлежал Розалинде.

— Тетушка Элен, я опоздал на школьный автобус. Вы можете прийти за мной?

«Наверное, кто-то ошибся номером»,— подумала Элен, а вслух произнесла:

— Кто это?

— Это Майкл, тетушка Элен.

— Кто?

— Это Майкл.

Остолбенев, Элен не могла вымолвить ни слова.

— Так вы придете?..

— Подождите минуточку... Кто звонит, я спрашиваю?..— Не успев договорить, она поняла, что связь прервалась.

Несколько секунд Элен стояла молча, все еще сжимая трубку и тупо уставившись во двор. Мимо мчались какие-то детишки на велосипедах. Вдали поднимались крутые склоны гор, поросшие золотистым лесом — деревья уже успели сменить свое одеяние на праздничный осенний убор. По голубому небу торжественно скользили пышные облака, а солнце вычерчивало повсюду длинные острия теней.

— Все нормально,— пробормотала Элен скорее самой себе, чем в трубку, а потом опустила ее и вернулась на кухню.

— Ты передала Розалинде, что я не успею?

— Воробушек, это звонила не Розалинда.— Элен села и, заглянув в свою чашку с недопитым кофе, снова уставилась в окно.

— Элен, ты чем-то расстроена? — забеспокоился доктор Бриттон.

— Мне сейчас кто-то...— Тут она спохватилась и взглянула на дочь. Убедившись, что девочка занята своими делами, Элен продолжала уже потише: — Ну знаете, так бывает, кто-то звонит...

— Разыгрывают?

— Вот ведь! — злобно выпалила Эльза, как будто речь опять зашла обо всех этих пресловутых бардах и художниках.

— Нет, то есть, не совсем так, Энди. Наверное, это

кто-то из детишек балуется. Звонил мальчик — по голосу лет десяти, как мне показалось.

— И что же он тебе наговорил? — сурово выпытывала Эльза.

— Он сказал... — На лице Элен застыло недоумение. — Он сказал, вернее, просил, чтобы я его встретила. Он звонил из школы, он не успел на автобус и хотел, чтобы я...

— И это все? — Эльза была явно разочарована. — А уж впечатление такое, будто тебя гремучая змея укусила.

— Но это как-то... жестоко, потому что кто бы там ни звонил, он назвался Майклом.

— Майклом? — как эхо повторил доктор Бриттон, а Бренда, перестав печь пончики, остолбенела.

— Именно так.

Воцарилось молчание. Дожевав пончик, Пэгги удивленно разглядывала взрослых. Доктор Бриттон улыбнулся.

— Хочешь, я тебе покажу пчел прямо сейчас, малышка?

— Мне только надо переодеться, — спохватилась Пэгги и умоляюще уставилась на мать. Та кивнула.

— Сотри с губ сахарную пудру, — проронила Элен каким-то чужим голосом.

Пэгги схватила салфетку, вытерла рот и вскочила со стула. Внезапно девочка вспомнила, что спешить и суетиться в доме категорически запрещалось, медленно и чинно прошествовала до лестницы и, сохраняя достоинство, начала подниматься, перешагивая сразу через две ступеньки.

Когда она скрылась из виду, доктор Бриттон нарушил молчание:

— Странное дело, обычно дети не шутят таким образом. Кто бы это мог быть? К тому же десятилетние мальчики, наверное, вообще ничего не слышали о Майкле Янге.

— Не знаю, — еле слышно откликнулась Элен и закурила.

— Ну-у, — протянула Эльза, как бы подводя черту, — в конце концов, он уже позвонил и, наверное, в

восторге от своей выходки. Так что теперь все уже позади, и волноваться тебе больше не стоит.

— А я и не волнуюсь.— Элен так весело рассмеялась, что на щеках у нее проступили ямочки.— Но что странно — я никак не могу выкинуть этот звонок из головы — ведь мальчик назвал меня «тетушка Элен». А меня так больше никто не называл. Никто, кроме Майкла Янга.— Она встревоженно оглядела гостей.— А вас это не удивляет?

— Да брось ты,— только и проворчала Эльза.— Интересно, зачем он это сделал?

— Вот и спроси у него сама в следующий раз,— посоветовал доктор Бриттон.

Толстуха Бренда, стоя у плиты, недовольно пробубнила что-то себе под нос.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Как и девяносто процентов всех жителей Йеллоу-Шейдс, Элен Коннелли не являлась уроженкой этого округа. Да и к этой новой породе современных переселенцев, которых привлекала местная экзотика вкупе с колоритной, ни на что не похожей колонией свободных художников, ее уж никак нельзя было отнести. Элен родилась в Чикаго, затем, переехав в Уэст-Пойнт, обвенчалась там в местной церквушке с молодым офицером. Не прошло и года, как ее новоиспеченный супруг отдал Богу душу. Корабль, на котором служил муж Элен, держал курс на Северную Африку и был торпедирован.

Все военные годы Элен провела в Вашингтоне, а затем перебралась в Нью-Йорк. За это время она сменила уйму самых разных профессий. Однако для всех ее родных и знакомых одна проблема в жизни Элен оставалась загадкой — почему эта молодая женщина наотрез отвергает любое предложение о замужестве. А с объяснениями Элен особенно не канителилась. Всем своим многочисленным воздыхателям она отказывала с неиз-

менной вежливостью и вполне обоснованно. Правда, один из них попытался-таки влезть в ее душу. И затеял однажды душесипательный разговор.

— С Беном у тебя все было отлично, тут вам чертовски повезло,— начал этот новоявленный кандидат в мужья.— Ведь в этом возрасте увлечение проходит, как правило, через пару месяцев, если не раньше. Можешь мне поверить, я и сам женился таким же неоперившимся птенцом. Так вот, женитьба эта была просто великолепной, или, если называть вещи своими именами, мы составляли идеальную пару для секса. А ведь если супруги счастливы в постели, то как бы ни был их брак неудачен в остальных отношениях, он имеет шанс протянуться чуть дольше, чем какой-либо другой. К счастью (если, конечно, это можно назвать счастьем), мы не успели испытать никаких серьезных семейных проблем, потому что наш союз очень скоро распался. Твой муж погиб через год после свадьбы, и в тот злополучный день ты любила его так же, как и во время первого свидания, а может быть, и больше. Тебе скоро тридцать, а второго Бена на горизонте нет, да и быть не может. Если ты выйдешь замуж, тебе не избежать всех сложностей и забот настоящей семейной жизни. Немало придется покорпеть над собой, притираясь к новому мужу, будь то сам ангел, чтобы жизнь эта стала более или менее сносной. А тебе сие не по силам. Ты ведь не сможешь смириться с тем, что в дальнейшем придется столкнуться и со ссорами, и с разочарованиями. Ты в очень затруднительном положении, Элен, и я тебе от всей души сочувствую.

Она ответила тогда просто:

— Я не представляю себе только одного, мой друг: как можно любить иначе? Другой любви для меня просто не существует.

И в то время такой ответ казался ей единственно верным. Прошло немало лет, прежде чем она усомнилась в своей правоте. В душе она сохранила воспоминания о своем муже, о единственном и неповторимом Бене, как будто он мог когда-нибудь снова вернуться к ней. День за днем воскрешала она в памяти тот самый счастливый год в ее жизни. Что это было — трусость,

страх перед будущим? «Он ведь никогда не придет», — уверяла себя Элен. Да, она знала это, знала всегда, и все же...

Как-то раз она проснулась и внезапно со всей ясностью осознала горькую правду. И чуть не задохнулась от охватившего ее ужаса.

Призрачное счастье, которым она жила и в которое искренне верила, почти полностью заслонило для нее действительность. Для Элен единственной реальностью, ради которой она жила, являлся Бен. Все чаще и чаще одолевало Элен предчувствие, что стоит ей чуточку сосредоточиться, и тот их счастливый год супружества станет явью. А все остальное время, заполненное одними только воспоминаниями о Бене, — канет в вечность и сотрется в мозгу, потому что на самом деле его-то никогда и не существовало.

Осознав это, Элен пришла к выводу, что нервная система ее истощена до предела, и в скором будущем ей грозит самое настоящее помешательство. Однако сопротивляться она не могла. По крайней мере, решила Элен, это будет приятное безумие. Обманув себя, она избежит надвигающейся старости и одиночества...

Выход из этого тупика нашелся совершенно неожиданно. Через неделю после своего печального открытия Элен решила податься куда-нибудь в глубинку — туда, где на каждом шагу подстерегали трудности и ежедневная рутина. Где на выколачивание места под солнцем уходили все силы. На первых порах обитание в округе Йеллоу-Шейдс и в самом деле оказалось для нее нелегким. Зато мало-помалу призрачная семейная жизнь и незаменимый Бен отодвинулись на второй план. И в конце концов Элен влюбилась. Сначала объектом любви стал домик в живописном местечке Шейдс, а потом, уже значительно позже, и один из его обитателей — Эд Коннелли.

Элен с Пэгги уже отъехали от деревенской почты на приличное расстояние, когда дочь спросила:

— Мам, а кто такой Майкл?

Любой, даже самый невероятный вопрос не смог бы

застать врасплох Элен, которая давно уже привыкла к дочкиным подковыркам. Однако в этот раз она опешила, и Пэгги пришлось пояснить:

— Ну, тот мальчик, который тебе недавно звонил.

— А, тот...— Элен чуть притормозила на развилке, потом свернула на дорогу, ведущую к дому, и продолжала: — Я действительно не знаю, кто это был. Видимо, какой-нибудь озорник. Делать ему больше нечего, как накалывать взрослых.

— Но ты говорила, что это был Майкл? А как его фамилия?

Элен на секунду задумалась и наконец решительно заявила:

— Майкл был братом твоего кузена Крэга. Но он давно умер. Тебя тогда еще на свете не было, а Крэгу в то время исполнилось только одиннадцать лет.

— А что случилось с Майклом?

— Он убежал из дома. Майкл частенько сбегал, но тогда, в последний раз, он заблудился и напрямик угодил в лапы метели.

— Его так и не нашли?

— Нашли, но только через несколько месяцев.— Элен подъехала к дому и припарковала свой фургончик на асфальтированной стоянке для посетителей магазина.— Поэтому, как ты сама понимаешь, этот племянник мне никак не мог позвонить. Видимо, какой-то шалопай решил подшутить, вот и все.

Теперь Элен находилась во всеоружии и была готова ответить на любой вопрос, который мог возникнуть в головке любознательной Пэгги, но, к ее удивлению, девочка вполне удовлетворилась этой версией и моментально забыла про Майкла.

— Мам, а если Флетчер Эймс поймает скунса и отдаст его мне, можно, зверек будет у нас жить?

— Нет, нельзя. Скунсов в доме никто не держит.

— А можно я заведу котеночка?

— Наверное, тогда Сэтч обидится. Он не потерпит соперника.

— Опять этот Сэтч,— пренебрежительно фыркнула Пэгги.— Вот его-то точно не надо держать в доме. Этот постоянно куда-то намыливается.

— Да уж. А ты-то разве нет? Кстати, Бренда подаст сегодня ужин немного раньше, имей в виду.

Осенью наплыв туристов сокращался, городок посещали обычно не более десятка человек, поэтому Элен уже после двух часов закрывала свой магазин.

Однако на сегодня она назначила встречу со своей старинной клиенткой, которая коллекционировала антикварные предметы из матового стекла. Пока Элен развлекала эту даму приятной беседой, к магазину подкатил автобус из Иллинойса. Из дверей вышли несколько пожилых туристов, горевших желанием тут же осмотреть все сокровища Элен. Они ковыляли по магазину из угла в угол до самой темноты, но так и не сподобились купить хоть какую-нибудь финтифлюшку. Однако это было в порядке вещей. Дважды звонил телефон. Первый раз Элен спрашивал оформитель из Канзас-Сити. Он интересовался, не поступал ли в магазин овальный бело-синий настенный коврик. Второй раз Элен потревожил гробовщик из Стилвилля, который счел своим долгом сообщить весьма важную новость. В их городишке скончалась одна старая дева. Так вот, после нее осталась куча любопытных антикварных штучек. И вероятнее всего, эти потрясающие вещицы пойдут с молотка, как только наследники организуют аукцион.

Элен терпеть не могла всю эту суету, однако допустить конкурентов к такому лакомому кусочку было выше ее сил. Посему она выведала у гробовщика все подробности. Разумеется, тот уже успел побывать в доме усопшей и поэтому смог детально описать все предметы. Да, похоже, там было чем поживиться, и Элен тут же решила подать заявку на участие в аукционе. Пока иллинойские любители раритетов взглядами полировали стеллажи ее магазинчика, беспрестанно гундя и жалуясь на баснословные цены («Помню денечки,— проворчал один из них,— когда вот таких кувшинов в каждом доме была пропасть — не знали, куда и девать их... А теперь только взгляните!..»), хозяйка тем временем улизнула в свой кабинет и принялась за кое-какие подсчеты. Рабочий день был уже на исходе, однако она позвонила в Сент-Луис и связалась с вице-президентом Брентвудского банка. С ним Элен

была на дружеской ноге, и стоило ей только заикнуться, кредит предоставляли Элен незамедлительно. Затем она посудачила с адвокатом в Сейлеме, и тот обещал посодействовать в сделке. Мало того, оказалось, что адвокат знаком с наследниками. Он уверял Элен, что любой из них просто «обалдеет от счастья, когда узнает, какую кругленькую сумму она готова выложить за всю эту рухлядь».

Такой поворот дел вселял надежды. Элен чиркнула себе записочку, чтобы не забыть отправить гробовщику перевод на двадцать долларов. После этого она со спокойной совестью вымыла руки и отправилась ужинать. Бренда уже несколько раз пыталась разогреть еду и, похоже, сама начинала закипать.

Пэгги с жаром повествовала о подробностях очередной ссоры с Розалиндой, собирая на тарелке реповую кашу в небольшой холмик. Вообще-то Розалинда была ее самой лучшей подругой. Однако уж больно частенько та задирала нос.

Зазвонил телефон. Элен встала из-за стола и по дороге в прихожую отметила про себя, что в доме стало прохладнее. Очевидно, температура резко упала.

— Я слушаю.

— Тетушка Элен?

«Бог ты мой, опять», — вздрогнула Элен. Но тут же совладала с собой и строго заговорила:

— Не могу понять, зачем вы меня разыгрываете, однако должна вас огорчить: на меня это не действует. И прекратите сюда звонить, понятно вам?

— Тетушка Элен, почему вы не пришли за мной? — раздался в трубке детский плачущий голос.

— Послушайте!..

— Уже темно, я не могу один добраться домой. На меня мама будет сердиться...

— Кто это?

Ответа не последовало. Вместо этого на другом конце провода послышался вздох. Сердце у Элен сжалось, а по спине побежали мурашки. Однако через пару секунд она поняла, что это всего лишь ветер завывает в

трубке. Она заворуженно уставилась в окно, разглядывая, как в свете уличного фонаря собираются в небесный хоровод осенние листья.

— Пожалуйста, приходите,— вновь захныкал мальчик. На этот раз голос был совсем жалким и измученным.— Что случилось, тетушка Элен? Вы на меня сердитесь?

— Я не...— начала было Элен, но связь вдруг оборвалась, как и в первый раз. Элен потерла лоб указательным пальцем, словно с минуты на минуту ожидая, что в трубке опять послышится тревожный детский голос. Затем швырнула ее на рычаг.

— Теперь я и впрямь начинаю сердиться,— угрюмо проворчала Элен. В этот момент Пэгги крикнула из кухни:

— Мам, кто это был?

— Призрак,— устало бросила Элен, появляясь в кухне. Она мельком взглянула на висевший термометр.— Воробушек, тебе не холодно в этом свитере?

— Нет,— нетерпеливо откликнулась Пэгги.— Какой еще призрак?

Элен подошла к плите и в который раз налила себе чашку кофе.

— Да никакой, я пошутила. Это был... какой-то озорник. Он просто дурачится.

— Как Розалинда?

— Нет, не как Розалинда. Розалинда просто... То есть, Розалинда не делает так, чтобы... Послушай, давай поговорим о чем-нибудь другом, ладно? — И Элен бросила многозначительный взгляд на нетронутый холмик реповой каши в тарелке дочери.

— Мне почему-то не нравится сегодняшняя каша,— заявила Пэгги и нахмурилась.— Значит, как Майкл?

— Что?

— Этот призрак, с которым ты разговаривала... он такой же непослушный, как Майкл?

— Ну, если уж говорить правду, то... Каша сегодня здорово переперченная, да?

Пэгги кивнула:

— Да, но Бренда не виновата.

— Может, ты хочешь черничного морса?
— Да!
— Ладно, я сейчас его приготовлю, а ты пока вымой свою тарелку.
— А твою тоже мыть?
Элен посмотрела на свою почти нетронутую порцию.
— Да, и мою тоже захвати,— мрачно произнесла она.

Пэгги безропотно вымыла тарелки и, подойдя к матери, сочувственно обняла ее за плечи.

— Кто бы там ни звонил,— серьезно возвестила она,— лучше бы он этого больше не делал!

— Воробушек, ничего страшного в этом нет. Не волнуйся.

Однако теперь Элен осознала, что ее раздражение и негодование, вызванные этими дурацкими звонками, распространяются уже и на окружающих. Весь вечер напролет Элен из кожи вон лезла, пытаясь развеселить дочку и отвлечь ее от грустных размышлений. Эх, если бы просто выкинуть из головы эти странные звонки и вообще не напоминать Пэгги о Майкле... Элен не была уверена, что эта история с кузеном задела за живое Пэгги, но, подумав, все же решила никогда больше об этом не заикаться, и уж тем более сейчас.

Еще не было и восьми, а телефон уже дважды трезвонил. Каждый раз, дрожащей рукой снимая трубку, Элен внутренне напрягалась. Но оба раза нарушители спокойствия оказывались ее старыми знакомыми.

Сегодня Пэгги отправилась спать чуть позже обычного, но уснула не сразу. Еще долго ворочалась она в постели. Ветер, обрушиваясь на окно, протяжно и угрожающе завывал, деревья дрожали от его порывов и шелестели полуоблетевшими кронами. Когда дочь наконец задремала, Элен тут же перебралась в свой уютный кабинет, где любила засиживаться в одиночестве. Здесь стоял огромный секретер с раздвижными дверцами. Сюда, в свое заветное гнездышко, перетаскивала постепенно Элен все те вещицы, с которыми не в

силах была расстаться. Взгляду посетителя открывались многочисленные светильники и канделябры в стиле барокко, бронзовые статуэтки детей в самых разных позах, куча чернильниц и фарфоровых пресс-папье. Стены кабинета украшала целая коллекция миниатюр, а также бесчисленное количество фотографий викторианской эпохи, причем глаза у всех людей на этих снимках казались почему-то остекленевшими. Тут же, в рамке, висел и автограф Франклина Пирса¹. Неподалеку, в уголке, притулилась миниатюрная плюшевая скамеечка для ног, расшитая бисером. Повсюду были расставлены древнейшие фолианты в кожаных переплетах, которые источали едва уловимый запах плесени, навевавший мысли о бесконечном движении маятника столетий. Все эти предметы словно дышали вечностью, и здесь, в их компании, Элен отдыхала и расслаблялась. Поэтому, когда на душе было особенно муторно или же приходилось с головой погружаться в какие-нибудь очередные бумажные дела, Элен шла именно сюда.

Около одиннадцати вечера раздался телефонный звонок. Вздвогнув, Элен чуть было не выронила из рук альбом с фотографиями самых роскошных особняков в штате Луизиана. Ветер ревел за окном, а в кабинете было так тепло и уютно, что Элен, зевая, погрузившись в сладкие мечты, почти задремала. Услышав звонок, женщина резко выпрямилась в кресле, и взгляд ее упал на бронзовый бюстик мальчика.

— Все хорошие мальчики в это время видят уже седьмой сон,— пробубнила Элен себе под нос и взглянула на ходики, пытаясь сообразить, сколько же времени она провела здесь с этим альбомом. Элен охватило смутное беспокойство. Женщина вдруг осознала: волнуется она вовсе не потому, что этот проказник опять может позвонить. Внезапно Элен со всей очевидностью поняла, что уже к а ж д ы й звонок вызывает в ней уверенность, будто это именно он. Негодуя, Элен с раздражением отметила в уме, что озорник все же добился цели — она чувствовала себя не в своей тарелке.

¹ Франклин Пирс — четырнадцатый президент США (1853—1857 гг.).— (Прим. перев.)

— Ну, это мы еще посмотрим...— процедила она сквозь зубы и бросилась в холл, чтобы успеть снять трубку до того, как проснется Пэгги.

— Ну вот, ты и добился своего,— собралась было выпалить Элен, но не смогла — в горле пересохло, и слова так и застыли на устах.

Ребенок уже просто заходился в рыданиях, и Элен не на шутку перепугалась: так притворяться дети не умеют. В этом она была абсолютно уверена. Мальчонка стоял где-то вдали, совершенно один, перепуганный насмерть и беспомощный.

— Тетушка Элен...

— Д-да,— запинаясь, отозвалась женщина.

— Я... пришел домой... а здесь... никого нет.

— О Боже! — не выдержав, воскликнула Элен.— Прекратите немедленно! Кто бы вы ни были, я прошу...

— Никого... здесь никого нет. Где моя мама?

Ветер внезапно изменил направление и шквалом обрушился на дом. Входная дверь яростно застучала. Элен в ужасе отступила назад и облокотилась на стол. Она дрожала как осиновый лист.

— Где Крэг? Где мой брат?

— Я умоляю вас,— шепотом заговорила Элен.— Что вам от меня нужно?

Ребенок снова заплакал. Элен выронила трубку и бросилась вон из холла. Она ворвалась на кухню, но черные квадраты окон только усилили беспокойство. Оставаться здесь было еще страшнее. Получалось, что Элен так и не удалось отделаться от этого хулигана. Женщину трясло с головы до ног, она никак не могла избавиться от панического ужаса, сковавшего ее сознание. Элен всегда казалось, что она неплохо разбирается в детской психологии и уж чем-чем, а подобными шалостями вывести ее из состояния равновесия не так-то просто.

«Да, но это когда нормальные дети,— думала она.— А здесь мы имеем дело с настоящим садистом. Ну, просто с каким-то чудовищем...»

Чутьочку успокоившись, Элен вернулась в холл и снова подняла трубку. Она слышала лишь приглушен-

ные вздохи — вернее, порывы ветра, которые поначалу приняла за чье-то неровное дыхание.

«Ну уж нет, я все-таки от тебя отделаюсь,— твердо решила Элен.— Я заткну тебя за пояс, даже если для этого потребуется...» И собравшись с духом, заговорила:

— Алло. Вы хотели со мной побеседовать. Это неплохая мысль. Разумеется, мне тоже очень хочется с вами поговорить.— Элен немного помолчала и продолжала: — Я знаю, что вы еще там, почему же вы молчите? Вы что, думаете, я буду...

И в этот момент она услышала пронзительный детский крик. Сердце у нее вновь упало.

— Майкл! — взвизгнула Элен, уже не осознавая того, что с ней происходит.— Май!..— И запнулась.

— Я умер, да? Я умер! Я умер!!!

Элен выронила трубку и уставилась в пустоту. На ее глаза навернулись слезы.

— Мама? — позвала из спальни Пэгги.

— Что? Что такое, Пэгги?

— Ты с кем говоришь?

— Извини, я тебя разбудила. Пожалуйста, постарайся заснуть. Это звонил... преподобный Бартлетт. С ним-то я и разговаривала.

— Очень громко.

— Я знаю. Извини, воробушек. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

«Наверное, я так громко кричала, что Пэгги проснулась,— решила Элен. Она находилась на грани отчаяния. А тут еще и сердце заныло.— Звонки продолжают. Надо взять себя в руки и посмотреть правде в глаза. Это был не Майкл».

Внезапно Элен замерла, пораженная тем, что ей приходится убеждать себя в этом.

«Разумеется, это был не Майкл,— мысленно повторила она.— Никаких привидений не бывает».

А все-таки лучше кому-нибудь звякнуть, окончательно приуныв, решила Элен, и рука ее потянулась за сигаретницей, которая стояла тут же, рядом с телефоном.

Набирая номер, она внезапно осознала, что, воз-

можно, именно сейчас теряет в себе уверенность. С тех самых пор, как умер ее муж, Эд Коннелли, они с Пэгги жили в доме совершенно одни. Однако за все эти долгие годы ей ни разу не пришлось в голову позвонить кому-нибудь, позвать на помощь в трудные минуты, а уж сколько было таких минут... Но теперь...

До утра протянулась целая вечность, и Элен поняла, что не высидит все это время в одиночестве. Слишком сильно взбудоражили ее звонки «Майкла», да и тревожить сейчас знакомых был не самый подходящий момент.

— Крэг? Извини, что я беспокою тебя в такое время, но... Что? Ты еще не ложишься? Вот хорошо. Понимаешь, у меня тут что-то неладное творится... Что? А ты сможешь? Я была бы тебе крайне признательна... Нет, только езжай не спеша. Дорога сейчас ужасная. Не такое уж это срочное дело.

Пропощавшись с племянником, Элен, к своему удивлению, почувствовала себя значительно спокойней. «К черту самоуверенность», — с облегчением подумала она и отправилась на кухню варить кофе.

Крэгу Янгу стукнуло уже двадцать восемь лет — вполне солидный возраст для его профессии. Крэг работал психоаналитиком, и многие его коллеги в тридцать лет обладали весьма внушительной наружностью. Крэг же, к своему глубочайшему сожалению, смахивал скорее на студента-первокурсника, а уж это никак не прибавляло ему авторитета. Он был высок — шесть футов и четыре дюйма, крепкого телосложения. В свое время Крэг состоял в университетской баскетбольной команде и считался неплохим игроком. Но был он тогда таким худым, что зрителям частенько приходила мысль, будто состоит этот юноша из одних только углов, вроде складной линейки, а посему особого доверия они к нему не испытывали. Со временем на лбу у Крэга образовалась приличная залысина, обрамленная нежным пушком. Но это не особенно беспокоило молодого человека, ибо, к счастью, многие его однокашники тоже успели значительно полысеть. Компенсируя недостаток шевелюры, Крэг отпустил невероятные рыжие усы. Он курил трубку. Однако, частенько попыхивая этой трубкой,

Крэг чувствовал себя не в своей тарелке. Но подобные мелочи даже не брались в расчет, ведь сам Крэг был уверенным в себе молодым специалистом, и ему удалось выхлопотать место в гринлифской школе-интернате для трудных детей, а не пришлось скитаться по больницам в поисках работы или продолжать чахнуть при университете. Он вырос здесь и так свыкся с родными местами, что не мыслил себе жизни вдали отсюда.

— Кто бы ни был этот мальчик,— уверенно констатировал Крэг, наливая себе третью чашку кофе,— очевидно, он порядком наслышан и о Майкле, и обо всей нашей семье.

— Даже слишком много.

— Могу предположить, что, возможно, кто-то еще вспоминает и мою мать, и, конечно же, Майкла. Встречаются чересчур впечатлительные дети, которые склонны частенько убегать из дома, а некоторым из них смерть Майкла может показаться даже романтической, чем-то вроде подвига. Вполне вероятно, что такой ребенок, выслушав рассказ старших, впитал в себя всю информацию и в конечном итоге вообразил себя Майклом Янгом.

— Это не просто впечатлительный мальчик, Крэг. У него невероятные способности вживаться в роль.

— Что вы имеете в виду?

— Он убежден в том, что он — Майкл. Ведь то, что я слышала по телефону,— не просто детская игра или примитивный розыгрыш. Он не притворялся. Все, что он говорил, звучало потрясающе правдиво и искренне. А как он плакал! — Элен покачала головой.— Жаль, что я уже плохо помню голос Майкла...

Крэг качнулся на стуле и скептически улыбнулся:

— Вы знаете, по телефону у всех десятилетних мальчиков голоса кажутся похожими. Уж не хотите ли вы мне сказать, что у нас в округе объявился настоящий призрак?

— Он называл меня «тетушка Элен»,— распалаясь, продолжала женщина.

— Ну и что? Я тоже вас так называл в детстве.

— Нет,— перебила его Элен.— Ты не называл. Только Майкл. И никто другой. Я должна сознаться, что

этот самозванец здорово напугал меня. Я не понимаю смысла всех этих звонков, однако очень странно — откуда он знал, что меня надо называть именно «тетушка Элен»?

Крэг задумался, а потом беспомощно развел руками и широко улыбнулся:

— Ваша взяла. Я зашел в тупик. Но все равно и здесь надо искать разумное объяснение.

— Да? — Слова племянника только еще сильнее взволновали Элен.

— Я работаю с трудными детьми. Вот уже шесть лет, как они стали для меня смыслом жизни. Вас поражает этот маленький самозванец, он постоянно звонит, вам даже становится страшно... И я вас не виню, но только помните: он самозванец и все тут. Рано или поздно ему наскучит эта забава, и он предпримет что-нибудь новенькое. Скорее всего, обратит свой взор на секс.

— А когда ему это надоест?

— Не знаю. К сожалению, должен предупредить вас, что чем глубже они погружаются в свои фантазии, тем дольше может длиться само преобразование. Это я знаю по опыту своей работы. Иногда уходят месяцы, а то и годы на то, чтобы избавить ребенка от его фантазий и вымыслов.

Элен прикрыла ладонями лицо и застонала.

— Смените номер телефона, — посоветовал Крэг, — а новый номер не давайте никому, кроме закадычных друзей.

— Видишь ли, мой мальчик, дело в том, что я занимаюсь продажей антиквариата, и многим, очень многим людям необходим номер моего телефона. А кроме того, пока поменяют номер, пройдет несколько дней. — Элен снова закурила. — Кто же это может быть? Мне казалось, я тут наперечет знаю каждого мальчика и девочку. Но не могу поверить, что это кто-то из местных. Крэг, а может быть, это твой голубчик из интерната мне называет?

— Да, я мог бы назвать нескольких ребят, обладающих болезненной фантазией и к тому же подверженных

эмоциональным взрывам, но у них нет доступа к телефону, тем более в одиннадцать вечера.

— А бывает так, что они сбегают от вас по вечерам?

— Да, бывает, но уже после второго побега мы принимаем самые строгие меры, и тогда виновники сидят подолгу взаперти.

— Ну в таком случае он мог сбежать из школы и...

— И в следующий раз перепоручить это дело своему дружку.

Элен вздохнула:

— Я просто пытаюсь найти хоть какое-нибудь разумное объяснение.

Крэг встал со стула, потянулся и отнес чашку с блюдцем в раковину.

— Хотите, я останусь здесь на ночь?

— Что? Нет-нет, так далеко это не зашло.— Элен взглянула на большие настенные часы и тут же вскочила.— Ради Бога, извини меня, Крэг. Уже без двадцати час — тебе давно следовало напомнить о времени.

— Ну что вы! Я уже целую вечность не приезжал сюда.

— А как поживает Эми?

— Она тут навевалась к родителям, но сегодня вечером как раз должна вернуться.

— Тогда в скором времени и соберемся все вместе,— предложила Элен, провожая племянника к входной двери.

Крэг снял с вешалки свою каракулевую шубу и, на ходу облачаясь в нее, зевнул.

— Этот ветер, наверное, не уляжется до утра. Мне иногда кажется, что такой сквознячок запросто может сдуть человека с горы Бен-Ломонд. Да, передайте привет Пэгги. Жаль, что вы меня поздно пригласили и я не смог с ней поболтать.

Элен вышла с племянником на порог и там, дрожа от ночной прохлады, дождалась, когда он сядет в машину.

В этот момент в доме зазвонил телефон, но из-за сильного ветра она не сразу услышала его. Когда же звонок наконец донесся до нее, Элен встрепенулась и крикнула:

— Крэг!

Племянник уже сидел за рулем, но, услышав голос тетушки, поднял голову.

— Телефон! — Она пальцем показала на дом и бросилась внутрь.

Крэг вышел из машины и несколько секунд стоял в замешательстве, а потом, захлопнув дверцу, направился к дому. Торопясь снять трубку, Элен машинально закрыла дверь. Крэг подергал ручку и понял, что она заперта. Тогда он протянул руку к звонку, но тут же, спохватившись, прислонился лицом к стеклу и начал всматриваться в сумрак. В холле было темно, но Крэг сумел различить фигуру тетушки на фоне полосы света, падающего из кухни. Одной рукой Элен оперлась о стол, а другой крепко прижимала к уху телефонную трубку.

Крэг постучал пальцами по стеклу:

— Элен!

Она услышала его, повернулась и, швырнув трубку на рычаг, выскочила на улицу. Крэг отметил про себя, что в этот раз Элен напугана пуще прежнего — лицо ее побелело, глаза остекленели.

— Опять шутничок на проводе? — нахмурившись, осведомился Крэг.

— Да, это звонил Майкл.

— Кто? Послушайте, Элен, вы не должны... — Крэг осторожно взял ее под руку и проводил в комнату. Здесь царил покойствие, и можно было говорить, не пытаясь перекричать ветер.

— Тетя Элен, это был не Майкл, не мой брат Майкл. Он не мог вам звонить. Пожалуйста, не позволяйте себе впадать... — Тут Крэг запнулся, ибо понял, что она не слушает его. — И что же он выдал в этот раз? — Крэг сильно сжал тетушкин локоть, и она вскрикнула.

— Осторожно, Крэг, мне больно!

— Извините. — Он отпустил ее руку. — Но вы выглядели так, будто...

— Не беспокойся. Со мной все в порядке. В этот раз он просто... сказал, что...

— Ну что же, Элен?

— Его голос звучал по-другому. Ему очень холодно. Он... послушай, я лучше присяду, если ты не возра-

жаешь.— Она прошла в кабинет и тяжело опустилась в массивное кресло. Крэг застыл на пороге.

— Однако много он наговорить не успел, вы ведь находились у телефона секунд тридцать, не больше.

Элен медленно подняла глаза.

— Он только и сказал: «Моя мама умерла, да? Зачем вы послали ее на смерть, тетушка Элен?»

Крэг молчал, грустно разглядывая Элен. Спустя некоторое время он, наконец, заговорил:

— Если мы когда-нибудь отыщем парнишку, надо будет припомнить ему и это. Наверное... я должен сообщить обо всем шерифу.

— Зачем? Какой от него толк?

— Ну...— Крэг неопределенно пожал плечами.— Наверное, и в самом деле никакого, но мне почему-то показалось, что вам так будет спокойнее.

— Бог ты мой, Крэг, я не до такой степени переживаю! — Элен улыбнулась, лицо ее смягчилось.— Извини, я сегодня слишком резка. Наверное, надо хорошенько выспаться.

— Но перед сном не забудьте обернуть телефон толстым полотенцем и запихните его в кладовку. Если нашему хулигану приспичит еще разок побеседовать с вами, пусть он натрет себе на пальце мозоль, набирая номер.

Элен кивнула.

— Я понимаю, ты не можешь точно сказать, когда, наконец, этот мальчуган остановится, но все же... Как ты считаешь, может быть, теперь он будет звонить пореже? А что если он не ограничится одними звонками?

— Что вы имеете в виду?

— Вдруг у него появится желание... навестить меня?

— Нет, вряд ли, Элен.

— Но ты не можешь этого сказать наверняка?

— Пока нет, конечно...

— Он сердится на меня, Крэг. Он считает, что я его предала.

Элен уставилась на племянника, в ее глазах застыло сострадание.

— Может быть... вам с Пэгги лучше побыть не-

сколько дней у меня, в горах... если вы боитесь оставаться здесь одни?

— Нет, тогда мне пришлось бы ей все объяснять. Пока что эти звонки ее не беспокоят, а вызывают лишь здоровое детское любопытство. Если Май... то есть, если этот мальчик будет опять звонить, я должна буду приготовиться к любой его выходке. Мне кажется, я смогу с ним справиться. Не на ту напал.

Крэг некоторое время молчал, а потом заговорил, тщательно подбирая слова:

— Я думаю, есть все основания предположить, что мы больше о нем не услышим. Он уже и так достаточно запугал вас последний раз, когда обвинил в том, что вы — причина смерти его матери. — Элен вздрогнула от ужаса, но Крэг продолжал: — И это хорошо. Может быть, именно здесь и содержится разгадка. Очевидно, последняя фраза и стала центральным звеном его фантазии, слепленной из обрывков разговоров о жизни нашей семьи. Скорее всего, у этого мальчика тоже умерла мать или бросила его, и ему совершенно не известна ее дальнейшая судьба. Теперь же объяснение получено, и он знает, кто виновен в ее смерти. Нужда в дальнейшем развитии придуманного образа сама собой отпадает. Неважно, сколько времени потребовалось ему, чтобы вжиться в этот образ и представить себя Майклом, теперь он может прекратить игру в один момент.

Элен недоверчиво уставилась на племянника.

— Ты же психоаналитик, Крэг. Может, ты просто хочешь меня подбодрить?

Крэг простодушно улыбнулся:

— По-моему, здесь все логично. Когда я вернусь домой, попробую еще раз разложить все по полочкам, если, конечно, вы не передумаете и не оставите меня здесь...

— Нет, Бога ради, езжай домой. Я уже начинаю засыпать, и через минуту буду зевать в открытую.

— Спорю на доллар, что мы никогда больше не услышим о нем.

— Мне начинает казаться, что ты — самый гениаль-

ный психолог. Не исключено, что ты умеешь околдовывать людей.

— Тогда завтра вечером я загляну к вам. Надо же будет получить доллар,— шутливо предупредил Крэг, направляясь к двери.

— Прекрасно. И учти: ты останешься у нас на ужин, иначе Пэгги перестанет жаловать тебя.

Крэг наклонился, чтобы чмокнуть тетушку в лоб, и вышел на улицу, поеживаясь от ветра. Элен сразу же нырнула назад в дом, еле сдерживая зевоту, которой пыталась напугать своего племянника. Затем погасила свет на первом этаже, размышляя одновременно о том, когда же, наконец, Эми заставит Крэга сбрить эти нелепые усы. Тут ей вспомнился спор на доллар. Элен тепло улыбнулась. Все, что говорил Крэг о несчастном мальчишке, звучало довольно правдоподобно. Она попыталась поверить во все его теории и отправилась наверх в спальню.

В этот момент зазвонил телефон.

«Проклятье!» — пронеслось у нее в голове.

Стиснув зубы, Элен подняла трубку.

— Эй, Бертрам! Привет, старина, еще не дрыхнешь?

— Приятель,— с облегчением выдохнула Элен,— вы ошиблись номером. И за это вам огромное спасибо.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Гринлифская школа-интернат располагалась в двух милях от городского центра. Здесь на целых полмили протянулась лощина, окаймленная горными хребтами, которые, будучи совершенно отвесными, вздымались на высоту от четырехсот до тысячи футов. Со стороны спортивных площадок лощина была выровнена и засеяна травой. Над спортивными площадками на вершине южного хребта находились школьные корпуса, образовавшие квадрат с таким же ровным прямоугольным двориком внутри. Здания были выстроены лет

двадцать назад из цельного камня. Весь комплекс окружала невысокая стена, подчеркивающая целостность ансамбля; эта стена была воздвигнута здесь вовсе не для того, чтобы каким-то образом ограничить свободу школьников или посетителей, ибо большинство обитателей этого интерната происходили из уважаемых и обеспеченных семей. На годовое содержание одного мальчика в гринлифской школе уходила куча денег, однако несчастные родители, находившиеся на грани отчаяния, не скупились. Тщательно подбирались и персонал: помимо высококвалифицированных учителей, специально подготовленных для обучения способных, но взбалмошных ребят, здесь работали два психиатра и два психолога. Психиатры навещали сюда раз в неделю из Сент-Луиса, расположенного милях в ста пятидесяти от этого живописного уголка. Таким образом, основное бремя ложилось на плечи Крэга Янга и его ассистентки Эми Лоулор, потому что более двадцати мальчиков нуждались в ежедневном лечении.

Как-то раз, обедая с Эми в школьной столовой, Крэг невзначай обмолвился о странных телефонных звонках его тетушке. Эми живо заинтересовалась этой историей и попросила Крэга рассказать ее подробнее.

— А может, это один из наших,— предположила Эми после того, как Крэг выложил ей все детали необычной тетушкиной истории.

Крэг не спеша набил в трубку табак, раскурил и, время от времени затягиваясь, заговорил:

— Ту же самую мысль высказала и Элен, однако я с вами не согласен. Здесь, конечно, присутствует синдром потери родителей. Но я сомневаюсь, что кто-то из наших мальчиков хоть краем уха слышал о моем брате Майкле. Ведь это случилось шестнадцать лет назад. Да и кто вообще знает теперь о его существовании? Во всяком случае, сам я давно о нем не говорю, да и вспоминаю-то уже не так часто. Да и вряд ли у кого из местных промелькнет в памяти Майкл. Такие вещи стараются побыстрее забыть.

— Да, но тот мальчик, который звонит Элен, несомненно, знает о Майкле очень много и фантазии его

довольно складные. И страшные. На месте Элен я бы потеряла покой.

— Да, но вот сегодня он не звонил,— бодро заявил Крэг.— Я разговаривал с Элен перед тем, как мы пришли сюда. Так что мои предположения, вполне возможно, окажутся верными: мальчику надоело играть в «Майкла», и он придумал себе новое развлечение.

Эми налила в свой стакан немного чаю и бросила туда кубик льда. Ассистентка была годом моложе Крэга. Высокая стройная блондинка, Эми обладала хорошеньким личиком и хитрющими глазами, которым наверняка позавидовала бы любая восходящая звезда Голливуда. Она сама пыталась стать кинозвездой и даже пару раз снималась, но очень скоро поняла, что изнурительная жизнь и работа актрисы — не ее стихия.

— Да, возможно,— согласилась Эми, чуточку поразмыслив.— Но ведь твоя тетя была уверена в том, что звонил именно Майкл.

— Она просто не знала, что подумать.

— Крэг, я знаю, ты не веришь в привидения, но все же...

— Никогда не верил и не собираюсь.

— Да,— твердо произнесла Эми.— Я знаю. Зато я верю.

Застонав, Крэг улыбнулся:

— Ну, в этом-то случае ничего сверхъестественного быть не может.

— Правда? А я как раз считаю, что наоборот.

— Ну, валяй. Попробуй, убеди меня. Ты, кстати, будешь доедать пирог?

— Нет. Если хочешь, возьми мой кусок. Крэг, ты сказал, что мальчик, который звонит тете, настолько вжился в историю твоей семьи, что и взаправду считает себя Майклом. А с другой стороны, ты сам только что уверял меня в том, что ни один десятилетний парнишка ничего не может знать о твоём брате, погибшем шестнадцать лет назад.

— Ну, на все сто процентов я не стал бы этого утверждать.

— Я это учту. Но ведь этот мальчик обращался к

Элен именно «тетушка Элен», и она клянется, что кроме Майкла Янга ни один человек в мире так ее не называл.

— Однако по меньшей мере человек сто слышали, как он называл ее «тетушка Элен», когда был жив.

— Позволь с тобой не согласиться. Это не те слова, которые раз и навсегда врезаются в память, тем более, если речь идет о соседях или знакомых.

Крэг подцепил вилкой последний кусок вишневого пирога и снисходительно глянул на свою собеседницу:

— Ну, и какие же отсюда выводы?

— Может быть, дух твоего брата Майкла...

— Снял телефонную трубочку и несколько раз звякнул Элен. Какую трубочку? И где снял? В астральной приемной, о которой частенько судачат оккультисты?

— Если тебе так нравится подкалывать меня...

— Нет, конечно нет. Ради Бога, извини. Валяй дальше.

Эми вздохнула и, рассудив, что повода для обиды нет, улыбнулась и вполне серьезно продолжала:

— Дух твоего брата вполне может вселиться в самого обыкновенного мальчика, который живет неподалеку и обладает повышенной психической чувствительностью.

— Одержимость? Ну, если бы это произошло, то не явилось бы тайной для остальных жителей городка. Родители незамедлительно приволокли бы мальчугана к нам для изгнания дьявола, или чего-то в этом роде, уж не знаю, что с этими демонами принято делать.

— Не совсем так. Может быть, иногда мальчик себя странно ведет, чем озадачивает родителей, да и только. И ничего здесь серьезного не возникало до тех пор, пока этот дух, дух Майкла, не начал заставлять свое новое тело выполнять дикие вещи. Может быть, все получается не совсем так, как этого хочет дух. Или Майкл просто желает войти в контакт со своей тетушкой.

— Господи Боже мой, Эми, где ты набралась такой чертовщины?

— В университете у меня имелся приятель — настоящий медиум. Он занимался спиритизмом. Кстати, потом он стал блистательным психиатром. Так вот он, между прочим, даже не сомневается, что некоторые из

душевных заболеваний вызываются именно демонами. И я с ним вполне согласна.

— И когда же в последний раз ты встречалась с демоном?

Эми махнула рукой в сторону школьных корпусов:

— Вон там их больше сотни.

— А конкретно?

— К счастью, мне не приходилось встречаться пока что ни с демонами, ни с привидениями. Но на спиритических сеансах я многожды слышала, как разговаривают духи.

Крэг бросил на нее умоляющий взгляд, но Эми не заметила его и лишь быстро поправила упавшую на лицо пушистую прядку волос.

— Теперь в твоём арсенале еще одна теория происхождения телефонных звонков, и я считаю, что она ничуть не хуже других. Пораскинь мозгами на досуге.

— Ты не хочешь сейчас прокатиться?

— С удовольствием. Но послушай, ты действительно со мной согласен?

— Я в восторге.

— Ну, это уже кое-что,— слегка растерявшись, пробормотала Эми.

— В восторге от того, что проведу с тобой еще, по крайней мере, целый час,— добавил Крэг и рассмеялся.

* * *

Они сели в машину Крэга и тут же выехали на городское шоссе, представлявшее собой старую, разбитую, хотя и покрытую асфальтом, дорогу. Крэг окрестил ее как-то «слепой», ибо пролежала она большей частью через непроходимые леса. Спустя несколько минут психолог решил задать Эми еще парочку вопросов относительно ее теории:

— Ну, допустим, это призрак Майкла. Тогда где же он пропадал все эти шестнадцать лет?

— Вот этого-то я и не могу тебе сказать, потому что сама ничего не смыслю в спиритизме.

— Он что, мог обитать в городе?

— Ты, конечно, пытаешься убедить меня в том, что это маловероятно, но, поверь, существует куча документов, подтверждающих случаи, когда дух умершего подолгу скитается вблизи своего физического тела.

— Итак, он всегда был здесь, но так как он — дух, следовательно, его никто не видел.

— Не обязательно так. Если дух встретит психически чувствительного человека, тот сразу ощутит его присутствие. Некоторые люди даже имеют способность видеть духов так же ясно, как я сейчас вижу тебя.

— Ты встречала медиумов?

— В этой местности — нет. А что?

— Просто любопытно. Я никогда не присутствовал на таких сеансах.

Эми усмехнулась:

— Искренний и простодушный медиум второпях мог бы принять тебя за верующего.

— Не будь так самоуверенна. Кстати, куда мы сейчас направляемся? У тебя уже созрел план?

Воздух к этому часу успел прогреться. Чистое небо поражало почти идеальной голубизной. Крэг не старался жать на газ, но только они миновали городок, тут же удвоил скорость. Длинные волосы Эми разлетелись по ветру, и она восхищенно улыбалась, любуясь красивой местностью. Они мчались сквозь тенистые рощи, тронутые осенним багрянцем, мимо древних крутых утесов, кое-где треснувших или расколовшихся от времени. Затем, оставив позади деревянную дамбу, пронеслись по старому железному мосту. Внизу пробегал ручей глубиной фута четыре. Его сверкающая вода была до того чистой, что пить ее можно было без опаски.

В этот момент Крэг начал было что-то рассказывать, но Эми не расслышала и жестом попросила его сбавить скорость.

— Мы когда-то жили неподалеку отсюда, — громко крикнул Крэг. — Вон на той горе. Там еще до сих пор стоит наш дом. Хочешь посмотреть?

Крэг впервые заикнулся о своем детстве. А разговор за обедом только распалил любопытство Эми. Ей не

терпелось узнать о трагедии, случившейся много лет назад.

Эми с ходу согласилась, испытав, однако, при этом некоторое замешательство, потому что прекрасно понимала, что на этот раз Крэг коснулся в разговоре святая святых. Получалось, что он посвящал ее в свою сокровенную тайну.

Крэг притормозил, не доезжая до перекрестка, где узкое, посыпанное гравием шоссе пересекало проселочную дорогу. Здесь на обочине возвышались три столбика с почтовыми ящиками. Эми успела разглядеть их. Последний ящик основательно проржавел, однако Эми без труда прочитала фамилию «Янг».

Дорога пошла круто вверх, и тут Крэгу пришлось трудновато: то и дело приходилось лавировать между ухабами и объезжать булыжники, которыми была сплошь усеяна эта Богом забытая дорога. По левую сторону до самой вершины хребта тянулся вырубленный лес. Редкие сохранившиеся деревья казались огромными и величественными. Солнце заливало землю своим сиянием. Однако несмотря на теплую красновато-оранжевую палитру листвы, раскинувшийся справа лес удручал. Он выглядел словно непроходимая стена, от которой так и веяло каким-то враждебным холодком.

— Кто живет здесь, я не знаю, — объявил Крэг, указывая на непокрашенный деревянный дом. — Наверное, хозяева приезжают только на лето. А семья Крофутсов обитает в самом конце дороги. По крайней мере, они там были, когда я последний раз навещал эти места.

— А когда?

— Уже не помню, — задумался Крэг. Внезапно он помрачнел, и Эми никак не могла понять причину такой резкой смены настроения. — Может, пару месяцев назад, а может, и лет.

Крэг поднялся еще футов на пятьсот по дороге, которая выглядела все более и более разбитой, а потом свернул с нее на какую-то широкую тропу, поросшую травой и мелкими кустиками, которые скрывали все рытвины и ямы. Наконец они добрались до каменной площадки на вершине хребта. Обернувшись, Эми едва разглядела внизу шоссе, а впереди, в проеме между

остроконечными хребтами, известном как «Седло Кларка», расстилалась долина Шейдс — в десять или даже в двадцать квадратных миль; пожелтевшие участки пастбищ сменялись огненно-рыжими осенними лесами.

— Какая красота,— прошептала Эми.— Как здорово здесь жить!

— Я тоже всегда так думал.— Крэг вышел из машины и, сунув очки в карман рубашки, направился к заброшенному коттеджу. На полпути он остановился и, повернувшись, вопросительно посмотрел на Эми.— Ты идешь? Хотя, конечно, не больно-то здесь и интересно.

Эми быстро подошла к нему, и вскоре они очутились перед небольшим домиком, двери которого выходили на восточную сторону. Крыша отсутствовала, как, впрочем, и одна из стен. Повсюду валялись почерневшие камни. Здесь царствовал мох, все вокруг было покрыто им. В отдельных окнах еще темнели осколки закопченного стекла. Над руинами склонился гигантский древний дуб, который хотя и пострадал от огня, все же остался на месте и, как согбенный старец, пытался прикрыть собой развалины.

Эми заворуженно уставилась на дом. Внезапно появившаяся гладенькая белочка прервала ее мысли. Зверек скользнул по верху обгорелой стены. Эми взглянула на Крэга и поняла, что все это время он пристально наблюдал за выражением ее лица.

— Как видишь, дом сгорел,— констатировал он.

— А что случилось?

— Из-за матери. Она в трезвом-то состоянии не всегда нормально себя вела, ну а уж когда напивалась, от нее просто житья не было. В доме у нас был камин, и его вполне хватало, чтобы согреться холодными зимними вечерами. Но за огнем надо следить, ты же понимаешь. А мать имела привычку класть слишком много дров на угли, а потом сразу же засыпала на диване. В ту злополучную ночь несколько искр попало на ковер. К счастью, мать проснулась и, более того, успела еще и нас вытащить через черный ход... Внутри показывать нечего. От дома остался один скелет. Дело было зимой,

и снег с крыши в конце концов потушил пожар, иначе даже этот каркас не уцелел бы.

Эми осмотрела площадку и заметила в углу целую кучу мусора: какие-то бумажки и консервные банки.

— Похоже, здесь частенько устраивались пикники. Кто сейчас владеет этой территорией?

— Я. Я унаследовал ее в возрасте двадцати одного года.

Эми подошла поближе к дому.

— Вот здесь и стоял этот самый Майкл, как он уверял, когда звонил вчера вечером твоей тетушке. Интересно, а...

— Ради Бога, Эми,— строго оборвал ее Крэг.— Пошли отсюда. Я больше ничего не хочу слышать о призраках.

Он стремительно зашагал к машине, и Эми едва поспевала за ним.

— Я ляпнула, не подумав,— извинилась она.— Я знаю, что здесь ты провел не самые лучшие годы.

Крэг посмотрел на нее, но взгляд его ничего не выражал.

— Нет, Эми, ты не права. Мы с Майклом были счастливы. Я бы даже сказал, очень счастливы.— Он прислонился спиной к машине и, доставая трубку, задумчиво разглядывал через «Седло Кларка» долину Шейдс.— Мы росли в естественных условиях, мы бегали по лесам, и нам было хорошо с матерью, словно она приходилась нам старшей сестрой. Теперь-то я знаю о ней гораздо больше, чем тогда и, разумеется, понимаю ее вину. Она пила и... не совсем верно воспринимала мужчин, не больно-то разбиралась в них, частенько она вообще забывала о нас, но мы тогда не замечали этого. Мы знали, что если она не вернулась сегодня домой, то обязательно придет завтра и снова приготовит нам еду, постирает, уберет дом, выкупает нас и выслушает все истории про наши подвиги и приключения. Даже теперь мне кажется, что она была тогда счастлива с нами, хотя сегодня оцениваю прошлое по-другому.

— Наверное, твоя мать была очень милым человеком, несмотря на все свои недостатки.

— Да, теперь-то я знаю, что на первой стадии развития маниакальной депрессии люди бывают просто очаровательными, пока не начинаются приступы. А мы с Майклом не часто наблюдали их. Мать была умной женщиной и в такие периоды старалась уйти из дома. Возможно, она понимала, что в один из таких приступов может убить нас. И еще одна мудрая штука, на которую мать решилась: когда болезнь начала прогрессировать и постепенно у нее развился настоящий психоз, она сблизилась с тетей Элен.

Эми подошла поближе и уткнулась в его плечо.

— А что случилось с твоей матерью, Крэг?

— После того, как сгорел дом, Элен поняла, что мать представляет опасность и для нас обоих. Сначала она пыталась уговорить мать добровольно обратиться в психиатрическую лечебницу Кэмптона. Но мать смертельно боялась подобных заведений. Поэтому пришлось отправить ее туда принудительно. Она умерла буквально через несколько часов после того, как ее доставили в больницу. Мать сразу же попыталась сбежать оттуда и погибла от кровоизлияния в мозг. Ей было всего двадцать девять лет.

— Это ужасно.

— Она относилась к тем самым обреченным людям, которые изредка и нам с тобой встречаются. Стоит только взглянуть на них, и ты нутром чувствуешь, что они умрут очень рано. Наверное, и на Майкле лежал этот отпечаток, но я сейчас плохо помню брата и не могу сказать наверняка. Он был копия матери. темноволосый, вечно напряженный, полный энергии и легко поддающийся сменам настроения — Неожиданно Крэг рассмеялся: — А интересно, какой вид у меня? Неслабый, вероятно, компотик из плодов со всего генеалогического древа.

— А мне очень нравится твой вид, — мечтательно произнесла Эми, закрывая глаза. — И не разрушай мой идеал.

Крэг нежно обнял ее одной рукой.

— А ты встречалась с интересными мужчинами в Калифорнии?

— И очень часто.

— И все они, конечно, в тебя влюблены.

— По крайней мере, когда я уезжала, они мне клялись в этом.

— Тогда не надо было уезжать.— Крэг покачал головой.

Эми шагнула назад и внимательно посмотрела на него.

— Иногда я просто не могу понять, когда ты шутишь, а когда говоришь серьезно.

— Конечно, я шучу.

— А может, ты и вправду хочешь, чтобы я уехала назад в Калифорнию?

— Эми, не глупи.

— Я весь день мечтаю, что ты меня, наконец, поцелуешь и поздравишь с возвращением, но, видимо, не дождусь ни того ни другого.

Крэг предпринял робкую попытку вновь коснуться девушки, но Эми, отпрянув от него, произнесла:

— Ну уж нет, если я об этом прошу сама, значит, ты уже опоздал.

Казалось, Крэг колеблется и не знает, что делать. Он никак не мог подобрать нужных слов.

— Крэг, мы с тобой поженимся?

— Надеюсь, что да.

— Это уже кое-что. А когда?

— А когда ты хочешь?

— А ты когда?

— Сегодня вечером.

— Это неправда

— А собственно, чем это мы с тобой занимаемся? — вдруг спросил Крэг, невинно заморгав. Сейчас он выглядел очень привлекательным и каким-то растерянным.— Мы же гоняемся один за другим по кругу. Так ведь можно очень легко с него сойти.

— Мы знаем друг друга уже полтора года,— осторожно начала Эми.— Теперь я уверена, что уже давно люблю тебя. Полгода назад я могла сказать то же самое и о тебе. А вот теперь я снова ни в чем не уверена, и никак не могу понять, что же произошло. Может, я одеваюсь, как клуша? Или моя косметика ни к черту? А может, у меня испортилась фигура?

Крэг едва заметно улыбнулся:

— Ну, так в чем же дело?

— Эми, я тебя очень люблю.

— Либо ты говоришь мне неправду, либо ты ко мне просто привык.

— Не думаю.

— Возможно,— рассердилась Эми.— А может, я слишком часто езжу с ночевкой на Бен-Ломонд? Не в этом ли причина, Крэг?

— Черт, ты же сама все прекрасно понимаешь... никаких причин быть не может, Эми. Я хочу быть с тобой, как и прежде.

Она опустила голову.

— Да, ты так говоришь. Но я этого почему-то не чувствую.

— Мне кажется... надо решить более определенно насчет нашей свадьбы.

— Нет, когда я об этом прошу сама, то уже поздно.

Он усмехнулся:

— Ничуть не поздно!

Эми сделала вид, что собирается убежать от него.

— Не думай, что меня очень просто вот так схватить и...

Крэг рванулся вперед, и она едва успела добежать до ближайшего дерева. Сначала он притворился, что не может догнать Эми, а потом неожиданно в два больших прыжка настиг и прижал ее, сопротивляющуюся, к стволу. Эми со зверским выражением лица врезала ему коленом по бедру, но так, чтобы не причинить боли. Крэг, пытаясь ее успокоить, легко удерживал девушку одной рукой, а другой гладил по голове.

— У тебя очень красивые глаза,— с серьезным видом заметил он.— Тебе надо было сниматься в кино.

— А я снималась.

— Докажи.

— Главная женская роль в фильме «Голливудские зериюги»!

— По-моему, я его смотрел,— соврал Крэг.— Раз, наверное, пятьдесят.

Он начал целовать ее сначала в щеки, а потом, все более распалаясь, со всей страстью, которой ей так не

хватало, в губы. Счастье захлестнуло Эми, она таяла в его объятиях, перестав, наконец, сопротивляться.

Через несколько минут они уже возвращались к машине, шагая рядом и держась за руки. Лица их полыхали. У Эми в волосах застрял кусочек коры.

— Бен-Ломонд, мы идем к тебе,— мечтательно произнесла Эми.

— Ну... немного попозже. Боюсь, что мне придется задержаться в школе часов до девяти.

— Значит, попозже,— согласилась она.

Пока они выбирались на шоссе, Эми успела расчесать волосы. Всю обратную дорогу хорошее настроение не покидало их. Эми уже забыла и о Майкле Янге, и о звонках, и даже о разрушенном обгоревшем коттедже, когда вдруг Крэг неожиданно заговорил:

— Скорее всего он был здесь, на пикнике, вместе с родителями и услышал всю эту историю от них.

— Кто?

— Тот мальчик, который названивает Элен. И видимо, его заинтриговала история нашей семьи. Впрочем, это уже неважно. Ведь звонки прекратились.— Крэг посерьезнел.— По крайней мере, я на это надеюсь.

— Да, хорошо бы. Бедная Элен. Наверное, нелегко ей пришлось. Надо ведь было воспитывать двух мальчиков.

— Собственно, я-то не причинял ей особых хлопот. Но Майкл никак не мог примириться с тем, что она взяла нас к себе. По-моему, он решил, что именно она виновата в смерти матери, и я так и не сумел переубедить его. Он то и дело удирал из дома, но я всегда отправлялся искать его и вовремя находил. Конечно, он сопротивлялся, доходило даже до драк, и хотя я был всего на полтора года старше, физически я его значительно превосходил. И каждый раз благополучно конвоировал Майкла домой. Но вот как-то ночью, месяцев через десять после смерти матери, он снова сбежал и попал в сильную пургу. Такие бураны не часто случаются в наших краях. И я не смог найти его. Его обнаружили только летом в лошине, милях в пяти отсюда. Остался один скелет на дне ручья. Вот так. А осенью я пошел в школу и приезжал в Шейдс только на летние и

рождественские каникулы. Может, это и к лучшему. А то я бы затосковал по Майклу.

— Но ты сделал все возможное, чтобы помочь ему.

— Ты так считаешь? — Он улыбнулся, но улыбка получилась какая-то перекошенная. — Я ведь тоже был мальчиком и не понимал, как нужно вести себя, когда у него начинались приступы депрессии. Мы хорошо уживались с ним, дружили, как братья, но в такие минуты Майкл словно отключался. Он просто вычеркивал меня из своей жизни.

— А ты знаешь, с тобой тоже такое случается иногда.

— Что именно?

— Вычеркивать людей из своей жизни. Когда ты забываешь о моем существовании, я тоже не знаю, что делать, и прихожу в отчаяние.

— Прости, Эми. Сегодня все будет по-другому.

— Да,— откликнулась она.— Я очень на это рассчитываю.

Из канавы выскочил белый щенок с коричневыми пятнами, и Элен резко крутанула руль, чтобы не задеть песика. Машину понесло на встречную полосу, и лишь на противоположной обочине Элен удалось справиться со своим фургончиком. Эльза Бриттон вскрикнула, слегка ударившись о приборную доску.

— Бог мой, Эльза! Ты не ушиблась?

— Нет-нет, все в порядке.— Эльза мельком взглянула на подругу.— Да ты вся побелела как полотно. Он же был далеко.

— Это ужасно, но я сейчас — просто сплошной комок нервов.

— Ты плохо спала?

— Точнее, вообще не спала.

— В нашем возрасте бессонница — уже непростительная роскошь. Это сказывается на внешности,— решительно заявила Эльза, и Элен улыбнулась: Эльзе стукнуло уже шестьдесят три.

Эльза протянула руку и нежно похлопала Элен по плечу:

— Не волнуйся так. Давай-таки оставим всех психов и придурков Крэгу, он по этой части дока. Крэг ведь уверял тебя, что мальчик больше не будет звонить.

— Ну, пока он и не звонит, но в дальнейшем...

— Если ты так беспокоишься, то бери Пэгги и приходите сегодня ночевать к нам.

— Меня беспокоит то... что... — пробормотала Элен и притормозила. Они стояли у дома.

— Так что же?

— Эльза, понимаешь, первое, о чем спросила сегодня Пэг, так это «звонил ли Майкл опять».

— Это вполне естественно.

Они вышли из машины, и Элен, открыв задний борт, попыталась извлечь оттуда два старинных стула, которые ей удалось приобрести в Глэддене.

— И еще она попросила меня показать фотографию Майкла.

— А у тебя есть? — удивилась Эльза, помогая вытаскивать стулья.

— Я и сама не помнила этого. Только я подумала, что если ей показать снимок, то, может быть, она успокоится и быстрее обо всем позабудет. Поэтому я перерыла все старые альбомы и наконец нашла снимок. Майкл там в четвертом классе.

Элен облокотилась на спинку стула и задумчиво разглядывала дорогу. Небо еще оставалось голубым, но сумерки начали постепенно сгущаться.

— Ну, она осталась довольна?

— Эльза, она лишь мельком взглянула на фотографию и тут же заявила буквально следующее: «Все правильно, я его видела».

— И это вполне естественно, — стояла на своем Эльза. — У девочки отличное воображение.

— Не думаю, что она это вообразила. Пэгги говорила вполне уверенно и, кроме того, упомянула, что этот мальчик не из их школы. Понимаешь, этот мальчик — Майкл — он не ходит в школу Шейдс.

— А где она его видела?

— На школьной спортивной площадке. Помнишь, на прошлой неделе она оставалась после уроков на репети-

ции? Ну, они готовились к празднику города. Собираясь забрать Пэгги, я еще тогда опоздала к ней на целый час. Так вот, она оставалась на этой площадке совершенно одна до самой темноты. Я хочу сказать, что кроме нее и этого мальчика больше никого там не было. Пэгги уверяла, что он подошел сзади и стоял буквально в нескольких шагах от нее, а когда она повернулась, мальчик бросился бежать в сторону леса.

Эльза попыталась улыбнуться.

— Наверное, он из Гринлифа,— предположила Элен.— Но видишь ли, в такое позднее время у них бывает проверка по комнатам, и все мальчики обязаны находиться на своих местах. Эльза, ты хорошо помнишь Майкла?

— Да, очень хорошо.— Эльза подняла один стул.— И я так же ясно помню его похороны,— заявила она.

— Нет-нет, не надо,— запротестовала Элен.— Я сама все занесу в дом, не волнуйся. Энди, небось, уже голову ломает, куда же ты запропастилась. Спасибо, что составила мне компанию.

— Да что ты, мне очень понравилось,— возразила Эльза.— Будь так добра, сделай мне небольшое одолжение. Выкинь из головы всех этих призраков и прочую чертовщину.

— А я и не думала о них. Но вот в последнее время что-то уж больно много совпадений. Ну, теперь иди, а то сейчас Энди начнет обрывать телефон и задаст мне порядочную взбучку.

— Да он даже и не заметил, наверное, моего отсутствия,— отмахнулась Эльза.— У него по горло работы: надо красить сарай, а тут еще эти пчелы... Его на обед-то можно теперь только пушечным залпом зазвать. Никогда не предполагала, чтобы мужчине так могло затянуть его увлечение. Ну, спокойной ночи, Элен. Позвони мне сегодня, если что не так.

Элен проводила Эльзу до машины, которая была припаркована у дома, а потом, прихватив один стул, направилась к крыльцу, где ее уже поджидала разъяренная Бренда.

— Ужин давно готов, а я никак не могу дозваться эту хулиганку Пэгги. Она мне даже и не отвечает.

— А где она, Бренда?

— Смылась в свою халупу на дереве. И молчит как рыба.

— Ну, я ее сейчас приведу. Подавай на стол.

Элен оставила стул у крыльца, принесла туда же второй, потом заперла машину и, обогнув дом, направилась в сад. Темнело, идти приходилось медленно, иначе можно было очень легко споткнуться о корень дерева и вывихнуть ногу.

— Пэг! — позвала Элен, подойдя к старому ореховому дереву, где девочка соорудила себе из досок маленький домик наподобие собачьей конуры. Но ответа не последовало. Элен уже было подумала, что дочка, возможно, заигралась где-нибудь в другом месте.

И тут она услышала плач.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ферма Бриттонов, расположенная милях в четырех от города на восточном склоне Блу-Ай-Ноб, славилась на всю округу. Когда-то Энди Бриттон был здесь единственным врачом. Ближайший госпиталь находился в сорока трех милях отсюда, подъездные дороги к нему были в плачевном состоянии, и больным стоило больших трудов добраться туда. Теперь же и в самом городке построили собственную больницу на тридцать коек. Там помимо Энди работали еще три молодых доктора. Энди же, который, кстати, и основал эту больницу, являлся сюда лишь один раз в неделю на осмотр пациентов. На ферму Энди выкроил из своего драгоценного времени два дня, остальную же часть недели ею занимался помощник, человек надежный и настолько опытный специалист, что стадо неизменно приносило немалые прибыли.

Таким образом, у доктора оставалась уйма свободного времени, и он посвящал его либо охоте или

рыбалке, либо с головой уходил в свое любимое занятие — пчеловодство.

Для этой цели на территории фермы были оборудованы четыре здоровенных амбара, где и содержались в зимнее время пчелы. Температура и влажность поддерживались здесь в надлежащем режиме, который соблюдался, пожалуй, даже более неукоснительно, чем на молочной ферме.

С утра до вечера доктор разгружал сегодня сено вместе с Гарри Рендлом, единственным работником на ферме, который не боялся заходить в пчелиные амбары. Здесь временами роилось до полумиллиона насекомых.

Для доктора Рендл был темной лошадкой. Молодой человек числился у Бриттонов вот уже почти год и, если не считать их самого толкового помощника Сэма Клэйпула, являлся наиболее способным и старательным работником. За все это время Гарри еще ни разу не опоздал, никогда не ныл, что ему «нездоровится». Короче, он в поте лица отрабатывал свое жалованье. Он знал толк в сельскохозяйственной технике, время от времени чинил ее собственными руками. Кроме того, этот юноша запросто мог найти подход к самой бодливой корове, а уж такая способность, безусловно, относилась к врожденным талантам. Рендл схватывал все буквально на лету, все так и плыло ему в руки. И в конце концов доктор Бриттон решил, что помощь Рендла будет неплохим подспорьем Сэму. Однако в глубине души он все-таки колебался и не спешил предлагать Гарри постоянное место на ферме, ибо не раз слышал о нем весьма нелестные отзывы.

— Шесть ульев уже подготовлены для зимовки, — сообщил доктор, когда они перетаскивали сено в амбар. — Рабочие пчелы уже в основном уснули, а трутней уже давно выгнали, несколько недель назад.

— Похоже, их тут немало, — засомневался Рендл, не решаясь войти в амбар. Как раз в этот момент мимо его носа пролетела пчела.

— Это разведчики из тех ульев, которые постоянно кормятся и будут подкармливаться в течение всей зимы. Но они тебя не тронут, к тому же не так уже их и много.

Они уложили сено и остановились немного передохнуть.

— Да тут все кишмя кишит ими,— заметил Рендл, но сказал это так спокойно, будто пчелы на самом деле нисколько не волновали его.— А откуда вам известно, что они не собираются сбиться в рой и напасть на нас?

Доктор Бриттон засмеялся:

— Если мы их не будем обижать, ничего страшного произойти не может. Но вот если, например, мы отнимем у них кормушки... У каждой пчелы есть внутри свои собственные биологические часы, которые точно указывают, когда наступает время кормления. До еды еще несколько часов, и я наполню их кормушки. А пока надо будет обкурить ульи, чтобы все рабочие пчелы вылетели оттуда. Ты когда-нибудь работал на пасеке, Гарри?

— Да, несколько лет назад.

— А где? По-моему, ты мне никогда не рассказывал, откуда родом.

— В самом деле, никогда,— отозвался Рендл, не глядя на доктора. Бриттон дружелюбно разглядывал его и ждал, когда тот заговорит. Гарри снял свою бейсбольную кепку цвета хаки и почесал в затылке. У него была чудесная густая и темная шевелюра. Гарри улыбнулся, осознав, что доктору и в самом деле интересно узнать о нем кое-что.

— Где я только не жил. И везде мне нравилось.

— Но ведь должен у тебя быть либо родной город, либо деревня.

— Разумеется. Где-нибудь я наверняка родился.— Он повернулся к доктору и уставился на него, не переставая улыбаться. Однако улыбка эта скорее напоминала маску.— Но я не знаю, где именно. Я родился, потом меня бросили, потом кто-то меня воспитывал. Ну, так ведь часто бывает. Вот и начал я шляться с места на место. Надоест одно — сразу еду дальше.

— Наверное, тебе нравится здесь у нас. Ведь ты почти год у меня работаешь, правда?

— Точно,— подтвердил Гарри, едва сдерживая зевоту и давая этим понять, что любопытство доктора

пришлось ему не очень-то по вкусу.— Здесь нормально. Может, закончим лучше с сеном, пока еще не стемнело?

Они не спеша покинули амбар.

— Могу тебя заверить,— снова начал доктор,— что я очень доволен твоей работой на ферме. Я говорил недавно с Сэмом. Ему нужен помощник, и лучшего кандидата, чем ты, он мне не смог назвать.

— Вот как,— буркнул Гарри и замолчал. Он не произнес больше ни слова, пока они перетаскивали в амбар сено. Потом молодой человек внезапно остановился, стер со щеки пыль и медленно произнес, внимательно глядя на доктора: — Меня это не интересует.

— Может быть, ты мне объяснишь почему?

— Я как раз через месяц-другой собирался сматываться отсюда,— неохотно заговорил Гарри.— Когда точно, еще не знаю.

— Понимаю. А я думал, что ты испугался взять на себя такую большую ответственность.

Рендл пожал плечами.

— Послушай, Гарри. Тебе ведь уже двадцать шесть лет. Ты не можешь бродить вот так с места на место всю жизнь. Конечно, у меня не самая роскошная ферма в округе, но работая здесь, ты сможешь скопить неплохие деньжата. Я ведь знаю, что ты не лентяй. И мне бы очень хотелось, чтобы ты занялся более интересными вещами, чем быть тут на побегушках, как до сих пор.

Гарри перестал улыбаться и помрачнел:

— А почему это вас так беспокоит?

— Потому что так будет лучше для тебя. Потому что ты совсем неглупый парень, и у тебя все должно получиться. А когда-нибудь ты даже сможешь построить свою собственную ферму.

Рендл усмехнулся:

— Ну уж нет, спасибо!

Доктор Бриттон грустно улыбнулся:

— Ты уверен, что правильно поступаешь, Гарри?

— Мне нравится немного поработать, потом немного побездельничать. И я не хочу быть привязанным к одному месту. Нет уж, спасибо.

— Ну хорошо.— Они снова вышли из амбара. Солнце уже скатывалось за горы.

— Ну, раз уж мы с тобой разоткровенничались,— снова подал голос доктор,— то позволь мне дать тебе совет, Гарри.

— Пожалуйста,— согласился Гарри, вовсе не потому, что обожал выслушивать советы, а просто приличия ради. Он был крайне напряжен.

— Ты ведь недавно отсидел срок в тюрьме, верно?

Гарри Рендл на секунду застыл на месте, собираясь поднять очередную перевязанную охапку сена.

— Я думаю, вам это известно не хуже меня,— с какой-то наигранной легкостью отозвался он.— Именно так оно и было. Три года. Я угнал машину.— Бриттону даже показалось, что Рендл произнес это с некоторой гордостью, словно совершил подвиг.

— Но у тебя еще и до этого случались разные неприятности, пока ты был мальчишкой. Ну так вот, я хочу сказать, что единожды оступившись, не так-то просто порвать со своим прошлым. Может, ты и не ищешь на свою голову неприятностей, но ведь тебя тянет в питейные заведения, где, скорее всего, ты снова влипнешь в какую-нибудь сомнительную историю. Ну, например, в кафе «Удар молнии». В пятницу вечером там вообще завязалась настоящая поножовщина, как мне потом рассказали. Да, я знаю, что в тот день ты там не присутствовал. Но все же...

— Послушайте,— резко перебил его Гарри. Взгляд его на несколько секунд стал жестким. Казалось, он вот-вот швырнет на землю охапку сена и, повернувшись, уйдет отсюда навсегда. Но вдруг дежурная улыбка вновь наполнила на его лицо, и он заговорил уже без всякой злобы: — Я вкалываю у вас по восемь — десять часов в день. Остальное время — мое личное. Я знаю, как надо избегать неприятностей. Знаю, что надо заниматься своим делом и не совать нос в чужие дела. Если вы не возражаете, доктор, то я сам о себе позабочусь.

Доктор Бриттон не обиделся, у него и в мыслях не было ссориться с Гарри, поэтому он решил поскорее свернуть этот неприятный разговор. Однако ему хотелось помочь Гарри, прежде чем тот навсегда покинет их края в поисках нового пристанища.

— Твое дело, Гарри. Давай-ка лучше закончим с сеном.

Для своего возраста доктор был человеком достаточно сильным и постоянно поддерживал форму. Ему нравилось работать, но с сеном они покончили лишь после наступления темноты. Вдвоем перетащили они его из грузовика и обложили охапками внутренние стальные стены амбара, обеспечив таким образом хорошую теплоизоляцию на всю зиму.

— Оставь грузовик возле дома Сэма, хорошо? Ты только глянь-ка, какой туман поднимается! — воскликнул Бриттон.

В округе Шейдс из пяти осенних сезонов четыре обязательно выдавались туманными. Доктор посмотрел в сторону своего дома, который находился всего футах в пятидесяти от амбара, и увидел, что тот весь окутан дымкой. Крыша его словно плыла по белым волнам, а чуть ниже едва проглядывали светящиеся пятна окон.

Как только Гарри Рендл ушел, доктор сразу же направился к амбару и, войдя внутрь, плотно прикрыл за собой стальную дверь. Все здесь было залито ослепительным электрическим сиянием. Лампы располагались в потолке таким образом, чтобы освещалось все помещение вплоть до самых потаенных уголков. И горели они все двадцать четыре часа в сутки. Бриттон медленно двинулся вперед по дощатому полу, с удовольствием осматривая ульи, которые были выкрашены в цвета, без труда различимые пчелами: синий, желтый, черный и белый. На столах стояли разноцветные кормушки.

Несколько насекомых-разведчиков кружили над пустыми кормушками. Бриттон улыбнулся. Одна из пчел вдруг взлетела и устремилась к ульям. Доктор проследил за ней взглядом, а когда снова повернулся к столам, ощутил внезапно какую-то перемену. И тут же понял: в амбаре резко потянуло холодом. Бриттон огляделся по сторонам и заметил, что вторая дверь, расположенная в задней стене, приоткрыта. Похоже, оттуда и сквозило. Доктор нахмурился: дверь всегда запиралась на замок, причем изнутри, а сам он крайне редко поль-

зовался ею. Бриттон торопливо подошел к двери, распахнул ее и выглянул наружу.

За амбаром начинался спуск длиною футов тридцать. Далее извивалась тропинка, поросшая с обеих сторон молодыми деревьями. Тропинка эта вела на гору Блу-Ай.

Но сейчас в этом тумане различить дорогу не было никакой возможности. Лишь деревья неясными силуэтами маячили где-то вдали.

Работники фермы, за редким исключением, боялись пчел и предпочитали подальше держаться от пасеки, если, конечно, крайняя необходимость не толкала их заходить сюда. Поэтому Бриттону даже и в голову не могло прийти, кто же в его отсутствие мог заглянуть в амбар днем, да еще и отворить заднюю дверь... А вдруг дверь эта оставалась открытой уже несколько дней? Ведь у него и в мыслях не было проверять ее. И теперь уже не имело смысла искать виновного. После драки кулаками не машут.

Но это событие могло повлечь за собой весьма печальные последствия, если дверь действительно оставалась открытой в течение нескольких суток, потому что постоянный приток холодного воздуха мог пагубно сказаться на пчелах, по крайней мере, на некоторых их породах.

Затворив дверь, Бриттон понял, что не на шутку рассердился.

Поблизости располагалась оранжерея. Сейчас она пустовала и выглядела непривлекательно. Кроме того, здесь находился и еще один недостроенный, но весьма любопытный отсек, представляющий собой стеклянную клетку размерами примерно десять на двенадцать футов. Передняя стенка этого сооружения была оборудована скользящими рамами. Именно отсюда наблюдал доктор в свой мощный цейсовский бинокль пчел в момент роя. В этой клетке Бриттон разместил и рабочий стол, и многочисленные ящички, и только-только приобретенный новенький улей.

В тот момент, когда доктор запирает деревянную дверь, зазвонил телефон. Бриттон поднял трубку.

— Энди? Я только что вернулась, так что ужин будет готов не раньше половины седьмого.

— Вот и хорошо, я тут как раз успею пометить парочку пчел. Ну, как себя чувствует Элен?

— Все еще не может прийти в себя.

— Вот это плохо. Звонки продолжаются?

— Нет, будем надеяться, что они действительно прекратились. Тогда, я думаю, через пару дней она отойдет.

— Это было бы здорово. Ну, перезвони мне, когда все приготовишь.

Поговорив с Эльзой, доктор уселся за стол и принялся работать. Он достал с полки, уставленной множеством различных баночек и пузырьков, одну бутылочку янтарного цвета, на которую был надет пульверизатор и наклеена этикетка с надписью «Хлороформ». Потом выложил на стол несколько баночек с красками и тоненькие кисточки. Пометить насекомых — дело простое, но довольно кропотливое. А нужны эти метки для того, чтобы следить за отдельными пчелами. Сначала пчелиную колонию необходимо усыпить, затем, не торопясь, выбрать подходящих особей. С помощью элементарного цветового кода, где красный означал единицу, желтый — двойку и так далее, доктор мог пометить до шестисот пчел, используя при этом всего пять основных цветов и нанося несмываемую краску на брюшко каждой пчелы. Яркая и хорошо различимая издали краска останется на пчелах в течение нескольких недель, и со своего удобного наблюдательного пункта Бриттон без труда сможет уследить за всеми перемещениями насекомых.

Улей, стоящий сейчас перед доктором, представлял собой кубический деревянный ящик со съёмными рамами и крышкой. Пчелы уже выстроили в рамах соты. Весной и ранним летом сравнительно небольшой улей вмещал до семидесяти тысяч пчел. Но сейчас стояла осень, и, как Бриттон и объяснял Пэгги, в улье находилось не более пятнадцати тысяч пчел, подросших и окрепших за время летнего сезона.

Доктор нацепил на лицо марлевую повязку, прикрывшую нос и рот, осторожно сдвинул крышку улья,

одной рукой взял лупу, а другой — бутылочку с хлороформом, и не спеша начал опрыскивать внутреннюю часть улья.

Бриттон не заметил, как вылетела первая пчела. Она тут же ужалила его, но даже и теперь доктор не встревожился. Такое встречалось и раньше. На некоторых пчел не сразу действовал хлороформ и, вылетая, насекомое инстинктивно устремлялось к свету. Кроме того, ужаленное место не болело, словно это был просто укол булавкой. Не доверяя повязке, доктор задержал дыхание и отступил назад, чтобы выждать несколько секунд, пока хлороформ заполнит соты. А затем приоткрыл верхнюю заслонку.

Целый сгусток черных пчел тут же поднялся из образовавшейся щели и молниеносно облепил незащищенную руку Бриттона. Десятки жал вонзились в кожу. Доктор отдернул руку, и весь улей, перевернувшись, рухнул на пол, крышка отвалилась, и вся внутренняя часть улья моментально обнажилась.

В ужасе Бриттон начал стряхивать пчел с руки, давя и размазывая десятки жужжащих телец. Но из упавшего улья в воздух поднимались тучи насекомых. Доктор отупевшим взглядом уставился сначала на пчел, а потом на бутылочку с хлороформом, которую до сих пор удерживал в руке. Бриттон скинул марлевую повязку и понюхал пузырек. И тут вместо хлороформа в нос ему ударил совершенно иной запах — сладковатый аромат спелых бананов.

Вскрикнув от испуга, доктор повернулся и бросился к двери, но запах бананов уже пропитал его одежду, и пчелы плотной массой со всех сторон облепили Бриттона.

Когда доктор подбежал к двери, он уже не помнил себя от боли: Бриттону казалось, что его жгут раскаленным паяльником.

И тут они добрались до глаз.

Доктор Бриттон издал душераздирающий вопль и упал на деревянный пол. Он слишком хорошо разобрался в пчеловодстве, чтобы недооценить ситуацию. Бриттон понял, что сейчас умрет. Однако ужас и инстинкт самосохранения заставляли его сопротив-

ляться. Он катался по полу, давил пчел, но их, похоже, даже не убавлялось. Каждый раз, когда ему удавалось подняться, они снова и снова валили его с ног. Бриттон разъярил их этим банановым запахом, и теперь пчелы обезумели. Они ослепили и оглушили своего хозяина, забив его нос и рот и покрыв все его тело страшной коркой. Казалось, что вся его одежда внезапно ожила и зашевелилась.

Бриттон снова упал и через несколько секунд замер.

* * *

Эльза уже собралась было разогреть отбивные, как вдруг в кухне зазвонил телефон.

Она вытерла руки о фартук и сняла трубку.

— Эльза? Это Элен. Я не знаю, надо ли мне было звонить, но Пэг до того расстроена...

— Что с Пэгги? — перебила Эльза.

— Нет-нет, с ней-то все в порядке. Но... Эльза, мне опять звонили. Снова этот Майкл. Как раз в то время, когда мы с тобой возвращались из Глэддена. Не знаю, где в эту минуту находилась Бренда, наверное, в подвале, потому что к телефону подошла Пэг.

— Она разговаривала с ним? Что-то у тебя голос...

— Да, она с ним говорила, Эльза. А где Энди?

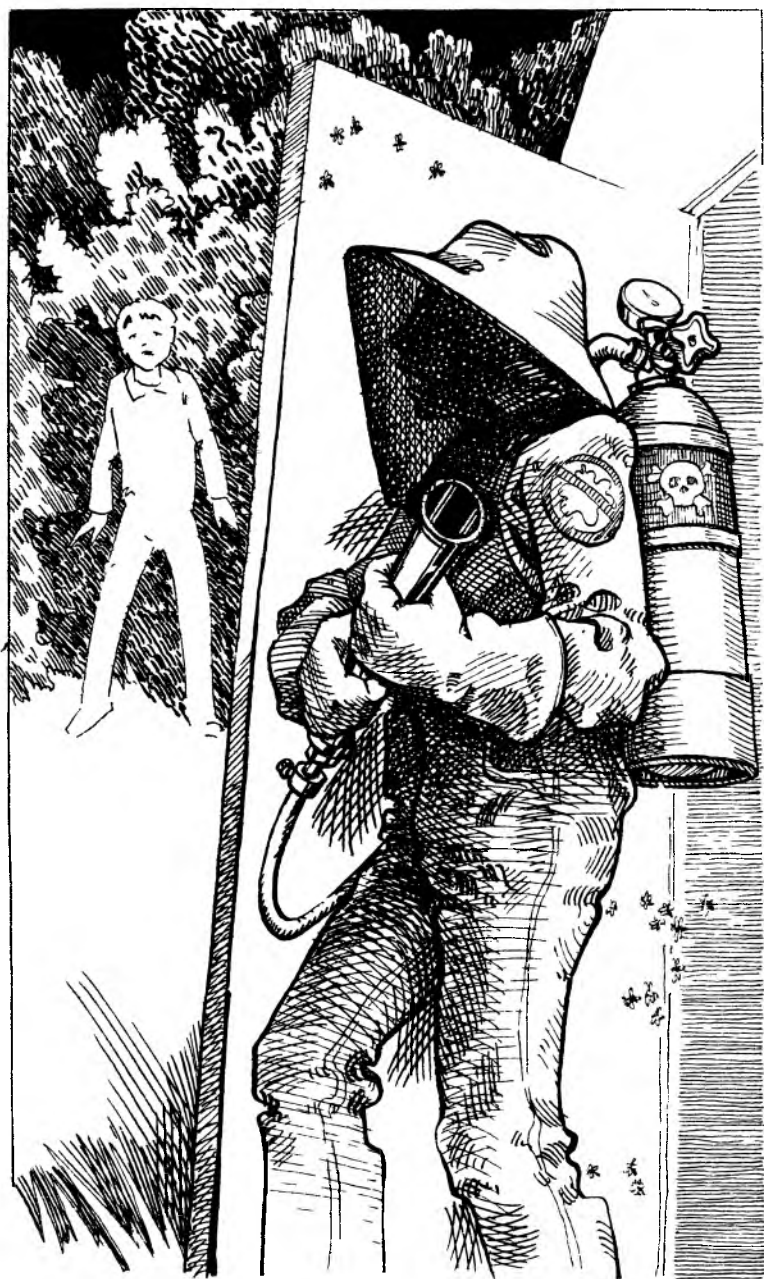
— Возится со своими пчелами. А что такое?

— Майкл сказал Пегги, что... в Шейдс с одним нашим другом случится беда.

— Что-что? — заволновалась Эльза, тут же забыв об отбивных.

— Вот поэтому я и хочу знать, где Энди. Майкл сказал, что... он сказал, что Энди...

Но Элен не успела закончить фразу. Эльза выронила трубку из рук бросилась к окну. Сквозь густой туман она едва различала огни в окнах пчелиного амбара, с трудом проглядывали и контуры самого строения. Несколько секунд стояла Эльза, как громом пораженная, всматриваясь в туман, а потом вернулась к телефону.

— Я тебе скоро перезвоню,— резко бросила она Элен в трубку.

— Что-нибудь не так?

Эльза не ответила и, нажав на рычаг, сразу же набрала три цифры — телефонный номер пасеки. Вцепившись в трубку, Эльза стояла, не шелохнувшись, целую минуту. Так и не дождавшись ответа, она швырнула трубку на рычаг и бросилась к задней двери, споткнувшись по дороге о ножку стула.

— Энди! — в страхе закричала она.

До амбара было рукой подать, но дорога шла под уклон, а Эльза вдобавок не разбирала пути в тумане и двигалась наобум. Два раза она споткнулась о корни и чуть было не упала. Сердце ее разрывалось на части. Эльза холодела от мысли, что Энди постигнет очередной сердечный приступ, но пуще всего ее испугал этот зловеющий звонок от Майкла. Эльзе было необходимо сию же минуту увидеть мужа, и если с ним все в порядке... Что ж, она согласна выглядеть полной дурой, лишь бы все было в порядке.

— Энди? — еще раз позвала она.

Эльза попыталась отворить стальную дверь, но та никак не открывалась. Эльза едва сдерживала рыдания. Она пнула дверь ногой. Наконец дверь поддалась и Эльза шагнула внутрь амбара.

В ослепительном сиянии перед ней предстал кошмар — смерть в облике роящихся и обезумевших пчел.

У двери на стене висела сетка пасечника, защитные перчатки, комбинезон из плотной джинсовой ткани и красный цилиндр, по виду напоминающий огнетушитель, в котором находился инсектицид. Спустя мгновение, показавшееся Эльзе вечностью, женщина нащупала рукой сетку, накинула комбинезон и открыла клапан баллона с инсектицидом. В эти минуты Эльзе казалось, что сердце ее не выдержит подобного испытания.

«Сейчас я умру», — пронеслось в ее голове, и неожиданно для самой себя Эльза начала молить Бога о смерти, потому что Энди не двигался.

Отравленные пчелы, все еще пытаясь ужалить ее, падали на пол и уже не взлетали. Самые стойкие допол-

зали до ее сапог, а она медленно продвигалась в глубь амбара. Пчелы градом сыпались на сетку и соскальзывали с комбинезона.

«Он сильный,— мелькнула вдруг мысль,— он выживет...»

Но едва увидев его лицо, Эльза поняла, что надежда оказалась тщетной.

Эльза стояла над мужем и разбрызгивала яд во все стороны, пока чад внутри амбара не стал таким же густым, как и туман на улице. Наконец все насекомые погибли или спрятались в щели. Внезапно Эльза выронила из рук баллон. Неуклюже опустившись на колени, она с трудом приподняла мужа и подтащила его к ближайшей двери. Эльза на мгновение отпустила тело, отперла замок, а когда вновь нагнулась, то почувствовала, что силы оставляют ее. Собрав всю свою волю в кулак, женщина снова поволокла тело. Эльза выбралась из амбара, и холодный туман начал обволакивать женщину. Она повернулась и сквозь белую пелену заметила, что невдалеке кто-то стоит.

«Помогите!» — воскликнула Эльза, но про себя, ибо сил произнести это вслух у нее не осталось.— «Помогите мне».

И тут она внезапно увидела его. Туман вдруг рассеялся. Мальчик стоял молча, юное круглое личико ничего не выражало, а печальные темные глаза вопросительно уставились на Эльзу. Вид у него был настолько жалкий и потерянный, словно его одного бросили в этом тумане. А ведь именно так он всегда и смотрел на Эльзу.

— Майкл! — в ужасе выдохнула она и без чувств свалилась подле мужа.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Кузен Арона Ландерса Чак наведалься в гости из соседнего городка всего на денек, но уже порядком успел поднадоесть своему брату. И жизнь бедняги

Арона превратилась в сущий ад. Чак был всего на два года старше своего кузена, однако, не по возрасту дерзкий, он слыл среди сверстников эдаким тертым калачом.

Начал Чак с того, что без спроса завладел велосипедом кузена, на котором, правда, сам Арон так еще и не научился толком кататься. И теперь Чак демонстрировал свое мастерство двум девочкам — сестре Арона Мелиссе и ее подружке Кэрол-Сью. Чак небрежно нажимал на педали, выкруливая на гравиевую дорожку и почти не касаясь руля, потом мчался назад и на полной скорости неожиданно давил на тормоза, выписывая на гравии невероятные фигуры. Внезапно он застыл перед остолбеневшими девочками, притормаживая еще и левой ногой, а правую продолжая держать на педали.

— Ты мне сотрешь шины,— возмущался Арон.

— Если шины хорошие, с ними ничегошеньки не случится,— возражал Чак.

В глубине души Арону даже хотелось, чтобы велосипед испортился и этот выпендирежник Чак свалился бы с него и схлопотал себе пару ссадин или, на худой конец, синяк. Вот бы порадовался тогда Арон. Однако и Чак был малый не промах. Ведь если что-то подобное и произошло бы, он, скорее всего, обвинил в этом злоключении либо кузена, либо его велосипед.

Казалось, мытарствам Арона и не виделось конца. Все, похоже, должно было завершиться для него весьма плачевно. Мальчик еле сдерживал слезы — а уж это вообще никуда не годилось, ведь здесь все время торчали девчонки.

Неожиданно на горизонте появилась надежда. Окутанный дымом, по дороге катил красный тарыхтящий мотороллер. Двигался он с черепашьей скоростью. На мотороллере восседал долговязый мужчина в очках. Он был настолько высок, что его колени находились почти на уровне руля.

— Доремус! — радостно взвизгнул Арон и бросился навстречу мотороллеру, проскочив мимо Чака и не обращая на того ни малейшего внимания, в то время как

зловредный братец пытался затормозить, взметнув в воздух переднее колесо велосипеда.

Мотороллер неистово затрясся, стоило Доремусу Брайтлоу сбавить скорость. Поравнявшись с Ароном, Доремус воскликнул, пытаясь перекричать шум мотора:

— Ну, Арон, как ты поживаешь?

Арон, пристроившись рядом с мотороллером, так и затрусил возле Доремуса, краешком глаза изредка поглядывая на Чака. Тот из кожи вон лез, пытаясь уследить за ними. Мелисса и Кэрол-Сью, которые тоже хорошо знали и очень любили Доремуса, сломя голову помчались ему навстречу.

— Вы поедете в город, Доремус? — с надеждой в голосе спросил Арон.

— Скорее всего, да. — И тут он заметил Чака, который пытался пересечь дорогу. — А кто это там на твоём велосипеде? — поинтересовался Доремус и, протянув к клаксону руку, два раза просигналил Чаку к великому восхищению Арона.

— Это мой двоюродный брат, он живет в соседнем городе.

— Привет, Доремус!

— Привет, Мелисса! Как поживает твоя киска?

— Она все еще у ветеринара.

— Что-то долго он ее лечит. Наверное, она серьезно прихворнула?

Чак продолжал буравить Доремуса презрительным взглядом, однако в последний момент мальчик все-таки передумал и отъехал в сторону, решив не связываться с приближающимся мотороллером.

— Мой папа сейчас в городе, — сообщил Арон, начиная уже понемногу задыхаться. — И если вы меня возьмете с собой, я вернусь домой с папой. — Сколько раз видел Арон, как Доремус катал подростков, но все эти ребята были старше Арона. И поэтому у мальчика даже дыхание перехватило от собственной дерзости.

Притормозив, Доремус нахмурился, потому что мотор сразу же начал оглушительно чихать и капризничать. Но стоило Доремусу взглянуть на Арона, лицо его тут же прояснилось. Доремусу Брайтлоу стукнуло уже за сорок, вид у него был усталый, словно его изрядно

потрепала судьба, а кое-где в волосах проглядывала чуть заметная седина. Доремус снял солнцезащитные очки, чтобы протереть стекла, и тогда на этом худом изможденном лице засияли глаза — светло-голубые, добрые и внимательные. Доремус моментально понял, что происходит сейчас между братьями, и, не вдаваясь в подробности, заявил:

— А я как раз хотел спросить, не хочешь ли ты прокатиться в город, Арон. Ну-ка, устраивайся сзади.

Как только Арон уселся поудобней, Доремус нажал на газ. Девочки какое-то время бежали рядом, провожая их. Доремус помахал им рукой, Арон же, прижавшись к его штормовке, ничего не замечал вокруг. Мальчика охватило сильнейшее возбуждение, и он восхищенно уставился вперед.

— Похоже, твой братец превосходно устроился здесь,— прокричал Доремус, когда они въехали в город и тащились теперь по улицам со скоростью пятнадцать миль в час.

— Да, неплохо,— согласился Арон. Он торжествовал и испытывал к Чаку в эти минуты что-то похожее на снисхождение. У входа в кафе «Рокуэлл» Арон увидел несколько знакомых ребят, однако тут же притворился, будто не замечает их. Он надеялся, что Доремус прокатит его по всему городу, но тот неожиданно свернул к стоянке возле почты и остановился.

— А где сейчас твой папа? — осведомился Доремус.

— Он в клубе художников. Доремус, если вы поедете назад до обеда, то...

Доремус улыбнулся.

— Нет, Арон, мне придется задержаться.

— Ну, ладно.— Арон соскочил с мотороллера и помчался по улице.— Мы еще увидимся,— пообещал он.— Большое спасибо!

— Заходи ко мне, когда будет время!

Доремус заглянул на почту, отправив несколько писем. Одно из них адресовалось сестре Доремуса, живущей в Бервине, неподалеку от Чикаго. Он писал ей каждую неделю, а раз в год обязательно навещал. Другое письмо предназначалось для Владислава Арщенко, который жил под Москвой. Доремус понятия не имел, в

каком уголке карты затерян этот городок, где проживал его приятель, но желания навестить его до сих пор не испытывал. Подойдя к своему почтовому ящику, Доремус выгреб оттуда почту. Он тщательно просмотрел письма и половину из них, даже не вскрывая, тут же выбросил.

— Так можно и упустить свой шанс,— резюмировал кто-то сзади.

Доремус оглянулся:

— Видишь ли, Хэп, это просто необходимо. Я и без того, наверное, один из счастливейших людей на белом свете. Деньги так и сыплются на меня; если уж я играю в лотерею, то обязательно выигрываю. Боюсь, что если начну участвовать во всех розыгрышах сразу, то государственному казначейству придется открывать филиал прямо у меня на дому.

Хэп Уошбрук прислонился к почтовым ящикам, просунув толстые пальцы под широкий кожаный ремень. Именно благодаря портупее да еще лихо заломленным широким полям своей шляпы Уошбрук как две капли воды смахивал на шерифа из одного популярного телесериала. Этот выдавший виды телевизионный шериф был невероятно падок на всякого рода подкупы и взятки. Почерневшее на солнце лицо вкупе с усталым выражением глаз еще больше усиливали сходство. Однако на самом деле Уошбрук был честным малым, да к тому же и неглупым. В свое время он состоял в военной полиции и к моменту демобилизации дослужился до полковничьего чина. В округ ежегодно наезжало не менее четверти миллиона отдыхающих, и большинство из них составляли охотники. Разумеется, они прихватывали с собой и ружья. При этом частенько выходило так, что целились они почему-то не в дичь, а друг в друга. И далеко не всегда подобный выстрел оказывался непредвиденным. За двадцать лет у Хэпа выработалось безошибочное чутье, и он с первого взгляда мог отличить несчастный случай от преднамеренного убийства. Кроме того, Хэп являлся докой по части огнестрельного оружия и не хуже любого эксперта разбирался в ранениях.

— Да-а,— задумчиво протянул Хэп.— Если бы мне

повезло, и я бы выиграл «кадиллак», набитый деньгами, то я бы сразу перегнал его в Мексику, в Акапулько. Я уже целую неделю мечтаю о Мексике. Ты что-нибудь знаешь об Акапулько?

— Ровным счетом ничего.

— А у меня это золотая мечта детства. Там солнце жарит напропалую и куда ни плюнь — всюду самые что ни на есть роскошные фемины. Ну, разумеется, эти детские грезы овладевают моим разгоряченным воображением именно в тот момент, когда охотничий сезон уже на носу. Впрочем, я, пожалуй, согласен жить в любом другом месте, хоть у черта на куличках, но только не в округе Шейдс во время охотничьего сезона. А как насчет чашечки кофе?

Доремус согласился. Они неторопливо вышли на улицу и направились в самый центр городка мимо небольшого местного театра и антикварного магазина Уэлдона. Затем они миновали центральную художественную галерею.

— Да вот уже недели две я что-то не изволю лицезреть тебя в городе,— проронил вдруг Хэп.— А ведь я тешил себя мыслью о том, что у Вашего Величества есть задумки остаться навсегда в этом райском уголке.

— Хэп, я ведь обитаю в здешних местах вот уже два года и считаю, что по праву являюсь жителем округа Шейдс.

— Кроме того, я очень рассчитывал на то, что ты, наконец, решишься открыть здесь частное сыскное агентство.

Доремус улыбнулся, но так ничего и не ответил.

— Причем агентство, самое процветающее на всем Среднем Западе,— не унимался Хэп.— Я и сам не прочь открыть такое дельце.

— Хэп, а вот тебя заставили бы носить на работу галстук. И к тому же все это — жуткая тягомотина. Примерно то же самое, что торговать обувью.

— Сегодня утром я и обувью торговать был бы радешенек.

Войдя в кафе, они заняли отдельный кабинет, и Хэп подозревал официантку. Доремус заглянул в усталые покрасневшие глаза шерифа и встревожился:

— Что-то серьезное, Хэп?

— Вчера вечером умер Энди Бриттон. Ты его знал?

— Доктор? Он меня зимой лечил от обморожения.

А что случилось?

— Его пчелы зажалили насмерть.

— Медоносные пчелы?

Хэп бросил сердитый взгляд на Доремуса.

— А я-то, дурак, и не знал, что бывают другие. Ну, в общем, там этих тварей собралось не меньше полумиллиона, и они все разом набросились на Бриттона.

— Ни с того ни с сего?

— Ну, наверное, он не слишком осторожно с ними обращался.— Подошла официантка и поставила перед ними кофе.— Долорес, принеси мне еще булочку с вареньем,— попросил Хэп.

— А давно он разводил пчел? — поинтересовался Доремус.

— Эльза говорила, что, насколько помнит свою семейную жизнь, пчелы у них водились всегда, а женаты они уж тридцать восемь лет. Именно она нашла его в амбаре и сразу же потеряла сознание. В общем, у нее случился сердечный приступ. Ночью ей стало хуже, но я уверен, что Эльза выкарабкается. Эти немки такие живучие.— Он мрачно уставился на дымящийся кофе.— Сама по себе смерть — это уже несчастье. Но тут дело гораздо серьезней. Если интересно — я расскажу.

— Конечно, Хэп.

Торопливо и несколько запутанно шериф поведал Доремусу о телефонных звонках некоего мальчика, называющего себя Майклом. Потом вкратце изложил историю семьи Янгов, а в заключение огорошил заявлением, будто бы Эльза мельком видела возле злосчастного амбара «Майкла собственной персоной».

Когда он закончил, Доремус достал из кармана крохотную сигару, раскурил ее и только после этого заговорил:

— И ты веришь, что именно пчелиный яд явился причиной смерти Бриттона?

— Ты бы видел его тело! Уж я точно бы удивился, если бы узнал, что это не так. Конечно, на всякий слу-

чай, тело будет сегодня же отправлено на вскрытие. Еще кофе?

— Нет, Хэп, спасибо. А тот мальчик, которого видела миссис Бриттон, он не мог оказаться их соседом?

— Нет, она уверяет, что видела его впервые. В том смысле, что он не живет здесь. Более того, Эльза абсолютно уверена, что это был именно Майкл Янг.

— Да, а что с тем мальчуганом, который предсказал несчастье и разговаривал с дочерью Элен Коннелли?

— Это еще не выяснено до конца, — признался Хэп. — С утра пораньше я отправился к Элен Коннелли, чтобы поговорить с Пэгги и выяснить, что она помнит об этом звонке, но девочка находилась в страшной депрессии. Она переживала гибель доктора и отказывалась с кем-либо общаться. Пэгги ведь не знала своего настоящего отца, и доктор в какой-то мере заменил его девочке.

— Миссис Коннелли — вдова?

— Ее муж — Эд Коннелли — был моим закадычным другом. Он работал егерем и погиб много лет тому назад во время очередного весеннего наводнения. Вот о чем я подумал, Доремус... мне очень важно узнать подробности того телефонного разговора между Пэгги и неизвестным мальчиком. Ты ведь так легко находишь с детьми общий язык. Я так не умею. Вот если бы ты...

— Хэп, ты же знаешь, я больше не служу в полиции.

— Да, да, я понимаю. Но разве это похоже на ежедневную полицейскую рутину?

— Ну, даже и не знаю... Конечно, буду рад помочь тебе, Хэп. Но эта маленькая девочка — как ее — Пэгги — она ведь точно так же может не захотеть разговаривать и со мной...

* * *

К дому Коннелли они поехали в машине Хэпа. Однако воспользовались они не полицейским, а его личным автомобилем. Элен все еще находилась на ферме

Бриттонов, ухаживая за Эльзой. На пороге дома их встретили Крэг и Эми.

— Доремус работал раньше в чикагской полиции,— сообщил Хэп после того, как представил всех друг другу.

Крэг внимательным взглядом окинул Доремуса. Казалось, он заинтересовался бывшим полицейским.

— В самом деле? — изумился он.— А в каком отделе?

— Я работал следователем.

— В отделе расследования убийств,— уточнил Хэп.

Крэг улыбнулся, а это со всей очевидностью означало, что к последней фразе он отнесся с должным трепетом.

— А что привело вас сюда, в Шейдс, мистер Брайтлоу? Вы в отпуске?

— Нет, я живу здесь уже два года у озера под названием «Гармония».

— Мы с Доремусом зашли сегодня выпить по чашечке кофе, и я рассказал ему о смерти Энди Бриттона...

— Вы считаете, что это был несчастный случай, шериф? — вклинилась в разговор Эми.

— А мне больше ничего не остается, Эми. Пока, возможно, не раскроются иные обстоятельства дела.

— Наверное,— начала Эми и смутилась, заметив, что Доремус пристально смотрит на нее своими внимательными и добрыми глазами: — Наверное, вам необходимо будет выяснить, кого же вчера видела Эльза.

— Да, этот мальчик здорово будоражит мое воображение, но на этот счет у меня пока нет никаких предположений. Однако сейчас самое главное — телефонные звонки, поэтому-то я и попросил Доремуса заехать к вам. Может быть, ему удастся разговорить Пэгги.

— О, это вряд ли,— засомневался Крэг.— Все утро напролет я понапрасну пытался успокоить ее и уговорить выбраться из этого домика на дереве.

— Домик на дереве,— повторил Доремус.— А где это?

— На заднем дворе. Там рядом с гаражом растет огромное дерево, я вам покажу.

— Не надо, я найду его сам.— Доремус сунул руки в карманы своей штормовки и не спеша направился к выходу.

Эми взглянула на Крэга, но тот лишь усмехнулся:

— Похоже, он чувствует себя как дома,— заявил он, когда Доремус скрылся из виду.

— Я и раньше видела его в городе,— задумчиво произнесла Эми.— Значит, когда-то он работал следователем. Эх, кожа да кости. Но вообще, ужасно милый. Интересно, Элен успеет его застать здесь?

* * *

Доремус приблизился к дереву и, вглядываясь в густую крону, медленно обошел вокруг мощного ствола. Под ногами шуршали опавшие листья.

— Эй! — позвал вдруг Доремус. Он снял солнцезащитные очки и, протерев их о рукав фланелевой рубашки, прислушался. Потом порывшись в карманах, достал пластинку коричневой жвачки и, развернув, положил ее в рот. Доремус задумчиво изучал лестницу, представленную к дереву. Наконец он решился и начал карабкаться вверх, отчего ступеньки под ним жалобно заскрипели.

Лаз в домик был крохотный, рассчитанный на ребенка, и Доремус едва ли просунул бы туда даже плечи. Он заглянул внутрь и увидел Пэгги. Девочка забилась в дальний угол домика и, как затравленный зверек, уставилась на незваного гостя. Доремус тут же прикинулся, что его интересует не Пэгги, а ее необычное восхитительное сооружение.

— Потрясающе,— заявил он, прищулив глаза.— Чуть тесноват, правда. Если бы я строил на деревьях дома, я бы поднимал крышу немного повыше. И вообще, сделал бы домик попросторней, чтобы хватило места и для моей собаки. Она все время торчит на деревьях, вот я и подумал: хорошо бы и у нее была крыша над головой? Как ты считаешь?

Помолчав, Пэгги равнодушно возразила:

— Собаки не умеют лазать по деревьям.

— Большинство собак действительно не умеют лазать по деревьям. Но к моей это не относится.

Пэгги задумалась, почему в ее домике нет такой собаки. Однако объяснение этому прискорбному факту было моментально найдено:

— Мою собаку задавила машина.

— Как жаль.

Девочка выглянула из маленького окошка, которое находилось возле нее.

— Правда, это была ужасно непослушная собака,— сообщила она и вздохнула.— И еще она кусалась.

— Собаки не всегда кусают по собственному желанию, им частенько приходится это делать.

— Все равно она кусалась. А ваша собака кусается?

— Нет, она уже очень старая.

— А у меня есть... старый кот.

— А вот у меня никогда кота не было.

— И он тоже... непослушный. Он царапается.

— Коты тоже не всегда царапаются по своему желанию,— заметил Доремус.— Так же как и пчелы не всегда хотят ужалить.

— Нет... всегда! — воскликнула Пэгги, и по щекам ее заструились ручейки слез.— Ненавижу пчел!

— Иногда, Пэгги, это, правда, случается редко, пчелы сильно жалят людей на пасеке. И люди даже умирают от этого. Никто не знает, почему это происходит.

Пэгги не переставала всхлипывать.

— Это Майкл их заставил!

Ей так хотелось разрыдаться, но присутствие Доремуса удерживало девочку. Стиснув зубы, Пэгги вытерла слезы.

— А он тебе говорил, что заставит их, Пэгги? Он говорил, что доктора Бриттона будут жалить пчелы?

— Он сказал... что произойдет несчастье. И еще он сказал, что оно произойдет с Энди... Это он во всем виноват, это он все подстроил! Я ненавижу Майкла!

— А ты его хорошо знаешь? — осторожно закинул удочку Доремус. Он не торопил Пэгги с ответом и в то

же время не допускал, чтобы та погрузилась в тягостные раздумья.

— Нет.

— А вот я знаю одного мальчика по имени Майкл — это Майкл Ландерс, кузен Арона. Ты с ним дружишь?

— Да, ему двенадцать лет.

— Правильно. Но ведь ты не с ним разговаривала вчера?

— Нет. Вчера был Майкл Янг.

— Это он тебе так сказал?

— Он сказал... что его зовут Майкл, и еще он сказал, что уже разговаривал с мамой. Я знала, кто это.

— Но раньше ты с ним не разговаривала?

— Нет, но я его однажды видела. На школьной площадке. Но Майкл сразу же убежал.

— И даже не поговорил с тобой? — удивился Доремус.

— Нет, он просто... убежал.

— Мне бы очень хотелось его увидеть, — задумчиво произнес Доремус. — Ты ему это передашь, когда снова будешь с ним разговаривать?

— Я не хочу... я вообще не хочу с ним больше разговаривать, — вскричала Пэгги и замотала головой.

— Ну, он всего лишь маленький мальчик, Пэгги. И он никому не может сделать ничего плохого. Может быть, он вовсе не хотел тебя пугать. Ему плохо, потому что он один-одинехонек на всем белом свете.

— Совсем-совсем один?

— Да, кто бы он ни был, мне кажется, что он очень одинок.

— Вы думаете, он мертвый?

— Нет, Пэгги, я так не думаю.

Пэгги пришлось по душе уверенность Доремуса.

— Мама показывала мне его фотографию, — вспомнила вдруг Пэгги, но Доремус чувствовал, что ей уже надоело говорить про Майкла. Девочка перестала плакать, и слезы в детских глазенках успели подсохнуть. — А вы будете строить домик на дереве? — спросила она.

— Да, я серьезно раздумываю над этим.

— А где вы живете?

— У озера «Гармония». Слыхала про такое?

Пэгги кивнула.

— Эми и Крэг возили меня туда летом купаться.

— Значит, ты видела и мой дом. А меня зовут Доремус. До-ре-мус.

— До-ре-мус,— повторила Пэгги, тщательно выговаривая каждый слог.

— Как ты думаешь, твоя мама даст мне попить, если я ее попрошу?

— Конечно. Только ее сейчас, наверное, нет. Она ушла к...

— Ну и ладно. Тогда я сам найду стакан, если ты, конечно, поможешь мне.

— Я вам помогу,— тут же согласилась Пэгги. Она встала и поспешно юркнула в лаз.— Осторожней, когда будете спускаться,— предупредила девочка.— Я один раз упала отсюда, и мама целую неделю не пускала меня на дерево.

Очутившись на земле, они сразу же направились к заднему крыльцу.

— А вот и мама! — радостно воскликнула Пэгги и бросилась вперед к идущей навстречу Элен Коннелли.

Женщина была одета в строгое платье из черной шерстяной ткани.

— Привет, воробушек.— Элен нагнулась и поцеловала девочку, а потом, взглянув на Доремуса, приветливо улыбнулась. Следователь заметил, что издали эта женщина выглядела несколько моложе. Ее шею избороздили многочисленные еле заметные морщинки, но по-прежнему густые и прекрасные волосы отливали на солнце медным блеском. А взглянув на стройные ноги Элен, легко было предположить, что в молодости эта женщина, несомненно, слыла красавицей.

— Он хочет попить,— объявила Пэгги.

— Доброе утро, миссис Коннелли. Меня зовут Доремус Брайтлоу.

— Рада познакомиться, мистер Брайтлоу. Не хотите ли пройти в дом? Мы обычно собираемся на кухне.

После того, как Пэгги выпила стакан молока, мать увела ее наверх, чтобы девочка приняла ванну. Возвра-

тившись, Элен обнаружила, что Доремус оживленно беседует с Крэгом, обсуждая телефонные звонки «Майкла».

— Миссис Бриттон уверяет, будто видела мальчика, очень похожего на Майкла Янга, каким она его помнит,— объявил Доремус.— И Пэгги встречала неизвестного мальчугана, которого считает Майклом. Конечно, это, возможно, никак не связано с таинственными звонками. Более того, даже смерть доктора Бриттона может оказаться случайной.

— Как вы можете говорить такое? — неожиданно вскинулась Эми.— Ведь вчера этот телефонный хулиган сообщил, что Энди должен умереть, и буквально через час его нашли в амбаре, насмерть искусанного собственными пчелами.

— Ну пока что,— вступил в разговор Хэп,— у нас имеются лишь показания Эльзы, будто какой-то мальчик действительно появился перед ней. А ведь в этот момент Эльза находилась в тяжелом состоянии — на грани обморока. Как же можно верить в то, что ей, возможно, померещилось? Вполне вероятно, это мог оказаться какой-нибудь подросток, которому вдруг взбрело в голову срезать путь к дому, вот он и поплелся на ферму.

— А я верю Эльзе,— уже спокойнее заявила Эми.— Не исключено, что это было привидение, но именно Майкла, а не кого-нибудь постороннего.

Крэг уныло покачал головой.

— Ну вот, опять призраки.

Элен протянула Доремусу небольшую фотографию.

— Мистер Брайтлоу, вам, наверное, будет интересно взглянуть на этот снимок. Это школьная фотография Майкла Янга, ее сделали за пару месяцев до его гибели.

Доремус внимательно рассмотрев снимок, передал его Хэпу. Эми и Крэг через плечо полицейского тоже изучали фотографию.

Крэг внезапно помрачнел, а Эми, бросив на него виноватый взгляд, неуверенно улыбнулась. Она не могла простить себе, что завела этот глупый разговор о привидениях.

— Он мне чем-то напоминает среднего сына Бойеров,— пробормотал Хэп.— Только этот еще более тщедушный.

— Видите ли, в этом возрасте мальчики часто похожи друг на друга,— вмешался Крэг.— Некоторые наши ребята...— Тут он неопределенно пожал плечами.

— Скажите, а ваши мальчики из Гринлифа находятся под постоянным надзором? — поинтересовался Доремус.

— Нет, мы стараемся давать им как можно больше свободы. Но если бы тот парнишка оказался нашим подопечным, ну, тот, которого увидела Эльза, то меня поставили бы в известность. Ведь для того, чтобы добраться с фермы, ему пришлось бы отмахать миль двадцать, и тогда он непременно опоздал бы на вечернюю проверку — в восемь тридцать.

— Если, конечно, он не поймал попутную машину.

— Да, это я упустил из виду,— вежливо согласился Крэг, и Доремус улыбнулся.

Хэп встал из-за стола.

— Элен, если вы не возражаете, я пока подержу у себя эту фотографию. Мне надо будет показать ее кое-кому.

— В том числе и Эльзе? — насторожилась Эми.

— Боюсь, что да.

— Хэп...— начала было Элен, но замолчала и опустила глаза.

— Доремус, ты не хочешь проехаться со мной до фермы Бриттонов? — спросил Хэп, не рассчитывая на положительный ответ. Однако Доремус охотно принял его предложение.

Элен проводила мужчин до дверей.

— Мистер Брайтлоу,— обратилась она к Доремусу.— Спасибо вам за Пэгги. Вам так легко удалось успокоить ее.

Доремус смутился.

— Ну что вы, миссис Коннелли. Пэгги — очень симпатичная девочка, и с ней совсем нетрудно разговаривать. Она мне понравилась.

В серых глазах Элен мелькнула печаль.

— Вы нам поможете? Хэп говорил, что вы раньше работали следователем.

— Все верно. Хотя сейчас я даже и не представляю, чем смог бы помочь вам.

— Майкл снова позвонит, я точно знаю...

— Если это случится,— прервал ее Хэп,— сразу же свяжитесь со мной, в любое время дня и ночи.— Он нахмурился.— Жаль, что вы сразу не сделали этого.

Они сели в машину шерифа и поехали на ферму Бриттонов.

— Эта женщина держится молодцом,— заметил Хэп.

— А как у нее продвигается торговля антиквариатом?

— Судя по всему, довольно успешно. У конкурентов, правда, чуток побойчее — у Уэлдонов и Вильгельмины Карли, но те так и норовят подsunуть настоящую рухлядь.— Хэп почесал живот и усмехнулся.— Года два или три назад я и сам подумывал о том, чтобы приударить за Элен. Однако ничего не вышло. Да и кто я такой? Простой парень из Шейдс, а вот у нее такое романтическое прошлое! — Он мельком взглянул на Доремуса.

— Надеюсь, когда-нибудь ты мне расскажешь эту историю поподробнее,— задумчиво протянул Доремус, выпуская клубы сигарного дыма и глядя в окошко автомобиля. Что-то, казалось, встревожило его. И вплоть до самой фермы Доремус не произнес больше ни слова. Когда Хэп указал на амбар, где обнаружили тело доктора Бриттона, Доремус моментально оживился.

— А можно заглянуть внутрь и походить вокруг этого сарая?

— Конечно, амбар не запирают. А я пойду переговорю со старушкой Эльзой. Только ты там поаккуратней, внутри еще до черта живых пчел.

— Скажи-ка мне вот что, Хэп. Где именно находился доктор, когда на него напали пчелы?

— В рабочем кабинете. Ты его увидишь.

Доремус кивнул и, выйдя из машины, направился к амбару. На секунду замешкавшись, он потушил сигару.

Войдя в амбар, Доремус какое-то время постоял, не двигаясь. Он внимательно изучал все вокруг, затем медленно шагнул к тому месту, где погиб доктор. Этот участок уже успели огородить колышками, обтянутыми проволокой. Амбар был залит ослепительным сиянием люминисцентных ламп, отчего все предметы казались какими-то неестественными. Доремус окинул внимательным взглядом опрокинутый баллон с инсектицидом и, достав из брючного кармана перочинный нож, присел на корточки. Рядом с баллоном валялось несколько пчелиных трупиков. Доремус осторожно подцепил один из них лезвием и, прищурившись, поднес к глазам. Затем Доремус вынул коробку сигар, снял с нее целлофановую оболочку и опустил погибшее насекомое в этот импровизированный пакетик. Сунув пакетик в карман, Доремус несколько раз прошелся вдоль колышков. Пол амбара был усеян мертвыми пчелами. Время от времени Доремус опускался на корточки и подбирал трупики лезвием ножа.

Наконец его пакетик наполнился мертвыми пчелами. Доремус выпрямился. От частых приседаний заныли колени. Доремус направился в сторону ульев. Не колеблясь, он приподнял на одном из них крышку и осмотрел соты и пчел.

Проверив таким образом пять ульев, Доремус пошел в недостроенное здание оранжереи, служившее доктору Бриттону рабочим кабинетом. Дверь в стеклянное сооружение с плоской крышей оказалась открытой. Доремус с опаской приблизился к ней и тут же, возле стола, увидел разбитый улей. Тот лежал на полу с отломанной крышкой, а вокруг с жужжанием носились оставшиеся пчелы. В воздухе стоял резкий запах инсектицида, который постепенно проник в самые укромные уголки амбара, уничтожая всех насекомых без исключения. Убедившись в том, что дверь позади него так и осталась отворенной, Доремус шагнул в кабинет. Он осмотрительно пытался держаться подальше от рухнувшего улья. Доремус заметил, что оставшиеся в живых пчелы начали заново обживать свое разбитое пристанище.

Доремус исследовал содержимое всех баночек и пузырьков, расставленных на полках, затем на столе

обнаружил краски и тряпицу, напоминавшую хирургическую повязку. Он нахмурился. Несколько минут простоял Доремус в оцепенении, раздумывая над чем-то. Затем нагнулся и на полу заметил пузырек с пудрой-затором. Видимо, тот упал со стола и закатился под нижние полки. Доремус достал его и прочитал на этикетке: «Хлороформ».

Тогда он поднес бутылочку к носу и глубоко вдохнул.

Но вместо хлороформа почувствовал совсем другой запах. Доремус остолбенел от удивления. Он чуть было не прыснул немного жидкости на руку, и только инстинкт удержал его от этого рокового шага. Доремус еще раз внимательно оглядел разбитый улей и, выпрямившись, поставил пузырек на стол.

— Что-то не так? — раздался вдруг за спиной голос.

Доремус обернулся. На пороге стоял Гарри Рендл.

— Вот, нашел на полу, — дружелюбно откликнулся Доремус. — А вы кто такой будете?

— Рендл. Я работаю у Бриттонов.

— Я и не слышал, как вы вошли.

Гарри кивнул в сторону открытой задней двери:

— Вы из полиции?

Доремус улыбнулся и покинул кабинет. На этот раз он решил воспользоваться задней дверью. Рендл не спеша последовал за ним. Снаружи у самого выхода почва была каменистой, затем начинался спуск, и землю здесь покрывали сплошные сорняки, слегка подернутые морозцем. У дороги близ ухоженного белого забора росли могучие вязы и несколько кустов боярышника.

Доремус извлек новую сигару и, прикурив, затушил спичку и сунул ее в карман.

— Скажите-ка на милость, — обратился он к Рендлу, — доктор всегда запирает заднюю дверь?

Гарри уставился прямо в глаза Доремусу.

— Понятия не имею, — наконец ответил он и пожал плечами. — Вообще-то я редко сюда заглядываю.

— То есть сами вы не изволите заниматься пчелами?

— Да мне наплевать на них. А вы пашете на шерифа, насколько я понимаю?

— В каком-то смысле. А вчера вы случайно не видели доктора днем перед тем, как он погиб?

Гарри кивнул:

— Да, мы выгружали сено, которое вы только что видели в амбаре. Закончили, когда уже стемнело. Потом я откатил грузовик к Клэйпулу. Наверное, пчелы напали на него как раз после того, как я уехал.

Доремус задумался.

— А не заметили вы что-нибудь из ряда вон выходящее, пока находились в амбаре?

— В смысле, насчет пчел? Несколько штук там летало. Но доктор всегда говорил, что это в порядке вещей. А еще он говорил, что они никогда не нападают целым роем, если их... не разозлить. Наверное, он каким-то образом и разозлил их. Ну, мне-то здесь вообще нужно было забрать грабли, так что я лучше пойду.— И он повернулся к амбару.

— Пожалуйста, не трогайте ничего внутри, если это возможно.

— А я и не собирался. Может, лучше дверь запереть на замок?

— Неплохая идея.— Доремус обогнул амбар и зашагал к машине Хэпа. Шериф уже вернулся из дома и теперь по рации передавал что-то в участок.

— Ну, выяснил что-нибудь насчет пчел? — окликнул он Доремуса, укладывая на место радиомикрофон.

— Нет.— Доремус достал из кармана самодельный целлофановый пакетик и показал его Хэпу.— Вот, я тут парочку одолжил, если, конечно, не возражаешь.

Хэп поморщился от отвращения.

— Да забирай хоть всех. В любом случае Эльза намеревается сжечь их.

— Правда? Очень жаль. Ведь у доктора был только один улей с немецкими пчелами. Похоже, именно они и напали на него. По-моему, это американские пчелы немецкой породы, а не привезенные. А еще у него неплохие итальянские колонии да два улья кавказских пчел. Самые злые пчелы — кипрские, но они желтой окраски, и к тому же я не нашел среди мертвых насекомых желтых пчел.

Шериф улыбнулся. Восхищению его, казалось, не было границ:

— Так ты, оказывается, еще и специалист по пчелам?

— Упаси Бог! Просто мой дядюшка Суэн разводит пчел на своей ферме в Висконсине. Однако я уже основательно подзабыл все, чему он меня когда-то учил. Я собираюсь позвонить ему.

— Так ты обнаружил что-нибудь стоящее? — с надеждой в голосе спросил Хэп.

— Точно не уверен. Но есть тут одна загвоздка, которая не дает мне покоя. Что могло заставить насекомое внезапно напасть на опытного пчеловода? Ведь тот всего в нескольких футах находился от двери, а значит, и от спасительного свежего воздуха. Выходит, они еще в кабинете начали жалить его. И получил он никак не меньше ста ранений.

— Даже вскрытие не могло точно определить этого. А что здесь необычного?

— Черт возьми, все необычно.— Доремус засунул пакетик в карман штормовки и глубоко затаился, рассеянно глядя в небо. Хэп нервно покусывал ноготь большого пальца.

— Но ведь это просто несчастный случай, Доремус, да?

— Думаю, доктор был достаточно опытен, чтобы избежать опасности, открывая улей с немецкими пчелами. Может, его преследовал злой рок или что-то в этом роде. Как часто он заходил сюда, Хэп? Два-три раза в неделю?

— Гораздо чаще. Наверное, каждый день.

— А вот если бы мне непременно понадобилось найти доктора, смог бы я встретить его именно в этом амбаре, скажем, во второй половине дня?

Хэп кивнул.

— Тебе что-то известно, Доремус?

— Ты не в курсе, встречался ли Бриттон перед смертью с кем-нибудь, не считая Гарри Рендла?

— Я переговорил со всеми, кто находился тогда поблизости. Гарри единственный, кто не боится пчел: все остальные работники стараются держаться по-

дальше от ульев. Ну хорошо, а что из того, если там находился еще кто-то?

Вместо ответа Доремус спросил:

— Ты показывал фотографию миссис Бриттон?

— Да. И она готова поклясться на Библии, что видела именно Майкла Янга. Она утверждает, будто к тому времени поднялся туман, но она все равно отчетливо видела мальчика, словно днем. Представляешь? — Хэп часто заморгал. Глаза его покраснели от усталости и напряжения. — Ну и что ты теперь думаешь?

— Я не исключаю, что призрак находился внутри амбара в тот момент, когда пчелы атаковали доктора, — отозвался Доремус. Лицо его посерьезнело.

— Я бы... — начал Хэп, но тут же замолчал и мрачно добавил: — Так ты, выходит, еще и в призраках разбираешься, Доремус?

— Нет. Но у меня есть тетушка в Индиане, которая занимается спиритизмом и весьма преуспевает в этом деле. Может быть, я ей тоже позвоню.

— Черт побери, Доремус...

Хэп оторопел. Он ошарашенно уставился на приятеля. Доремус спокойно и уверенно выдержал взгляд Хэпа.

— А если это не призрак, то остается предположить, что тут не обошлось без юного маньяка лет эдак девяносто. Так вот от этой мысли у меня кровь стынет в жилах. Кто-то ведь растревожил пчел, Хэп. Я пока не могу понять, почему произошла трагедия, но, если хочешь, я это выясню.

— Значит, его все-таки убили?

— В этом-то и вся загвоздка. Похоже, здорово придется покорпеть, доказывая, что произошло именно убийство.

— Проклятье! — с отчаянием в голосе выпалил шериф. — Что же теперь?

— Ну, до начала оленьего сезона еще уйма времени, Хэп. В любом случае ты пока не больно-то перетрудился.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Доремус владел несколькими акрами леса и небольшим деревянным домиком, который словно прорастал из гигантской известковой скалы. Окнами домик выходил на разлившуюся реку Компетишен. Река эта отличалась строптивым нравом, но именно здесь, на протяжении полумили, она вела себя на удивление спокойно. Глубина ее чуточку подкачала, чтобы реку можно было по праву назвать озером. Однако ее восхитительные темно-изумрудные воды так успокаивающе действовали на жителей, что с незапамятных времен этот райский уголок так и окрестили «озеро Гармония». Неподалеку от пристанища Доремуса ревел водопад, срывающийся со скалы бурным потоком. Но сырость ни в коей мере не угрожала сейчас домику: сквозь по-осеннему редкую медно-рыжую листву солнце свободно проникало и согревало крышу, сохраняя жилище от плесени.

Когда Доремус приобрел домик, тот находился в весьма плачевном состоянии. Новоиспеченный хозяин был вынужден срочно овладеть профессией кровельщика, а для человека, ни разу в жизни не державшего в руках молоток, это явилось настоящим подвигом. Со временем Доремус настолько овладел плотницким мастерством, что в одиночку выстроил себе небольшой флигель, а затем переоборудовал и веранду.

Возвратившись с фермы Бриттонов, Доремус провел остаток дня на коленях, в поте лица приколачивая доски к ступеням своего новехонького крыльца. За этим кропотливым трудом следили трое местных ребятишек, усевшихся, подобно любопытным птичкам, на ближайшую изгородь. Время от времени Тим, Мэйси или Сет спрыгивали со своего доморощенного насеста и подавали своему кумиру то гвозди, то инструменты. При этом они умудрялись сидеть молчком, словно воды в рот набравши, ничем не досаждая Доремусу.

В доме зазвонил телефон. Это был уже десятый звонок за сегодняшний день.

Мэйси резко обернулась, когда Тим с нескрываемым злорадством громко крикнул:

— Спорим, это твоя мама!

— Не моя!

— Эй, помощнички, кто-нибудь, поднимите же трубку,— не повышая голоса, попросил Доремус.

Сет, самый старший, смерив Мэйси презрительно-высокомерным взглядом, процедил сквозь зубы:

— Теперь она, наверное, подумала, что ты свалилась в озеро.

— Я уже в прошлый раз снимал трубку,— проворчал Тим.

Доремус взял очередной гвоздь и безукоризненно вогнал его в доску.

— Я жду важного звонка из другого города,— крикнул он.

Все трое притихли и сделали вид, что это их не касается. Каждый боялся, что звонит именно его мать, и она тут же заставит свое чадо вернуться домой. А вот уж этого-то не хотелось никому.

— Ну, ладно,— вздохнул, наконец, Доремус, поднимаясь с колен.

Однако и на этот раз звонил не дядя Суэн из Висконсина. В трубке раздался голос Элен Коннелли:

— Мистер Брайтлоу, мне так неловко беспокоить вас... Видите ли, дело в том, что... вы сегодня так мило поговорили с Пэгги, что я подумала...— Женщина замолчала, а потом неожиданно выпалила: — Она не у вас?

— Нет, миссис Коннелли, с тех пор как я от вас уехал, мы не виделись. А разве девочка не дома?

— В том-то и дело, что нет. Сегодня днем я отвезла Пэгги и еще нескольких соседских ребятишек в церковь. У них там проходят репетиции к празднику города. В общем, сначала все торжества хотели отменить из-за происшедшей трагедии, но потом Эльза узнала об этом и воспротивилась. Энди не допустил бы, будь он жив, срыва праздника. Ну вот, я оставила детей в церкви, а сама помчалась к Эльзе. Сначала я намеревалась остаться у нее на часок, не больше, но когда я ее увидела, то поняла, что Эльзу нельзя сейчас надолго оставлять одну. И поэтому я вернулась домой только что, а Пэгги здесь нет. Моя соседка обещала привезти ее

обратно, но там в церкви было столько детей — буквально сотни, и они могли растеряться...

— А не соорудила ли Пэгги где-нибудь укромный уголок, где любит прятаться?

— Я вас не поняла.

— Ну, кроме домика на дереве.

— А, теперь понимаю. Нет, только этот домик. Я уже обзвонила всех, с кем она дружит, но Пэгги ни к кому сегодня не заглядывала. Потом я соединилась с церковью, и преподобный Бартлетт вспомнил, что видел ее с Мэйси Дункан, вот поэтому-то я и решила позвонить сразу же вам. — Элен неуверенно засмеялась, но в голосе ее продолжала звучать тревога. — Пэгги — послушная девочка и никогда без разрешения надолго не отлучается. .

— Подождите, давайте спросим у Мэйси, — предложил Доремус и подозвал девочку. — Ты сегодня разговаривала с Пэгги Коннелли? — спросил он.

Мэйси кивнула:

— Да, в церкви.

— А потом Пэгги вместе с тобой поехала домой?

— Нет.

— Ты с мамой приехала домой?

— Нет.

— А с кем же?

— Я забыла.

— Постарайся вспомнить, пожалуйста.

Нахмутив лобик, Мэйси закатила глаза, пытаясь сосредоточиться.

— Вместе с миссис Каммингс.

— Может быть, Пэгги тебе рассказывала, куда она собиралась сегодня пойти?

Но Мэйси отрицательно покачала головой.

— Ну, хорошо, — сдался Доремус. — Там в морозилке найдешь газировку. Достань пару бутылочек и угости мальчиков, ладно? — Он пересказал в трубку те нехитрые новости, которые узнал от Мэйси.

— Что ж, придется садиться в машину и ехать на поиски, — не на шутку встревожилась Элен. — Еще раз извините за то, что...

— Простите, миссис Коннелли... Что ты сказала, Мэйси?

Белокурая девчушка поднялась на цыпочки, пытаясь дотянуться до морозилки.

— Она говорила, что хочет поискать Майкла.

— Что-что? Почему же ты мне раньше об этом не рассказала?

Мэйси неопределенно пожала плечами и принялась извлекать из холодильника бутылку за бутылкой.

Доремус взглянул на часы. Пять минут пятого. Он прикрыл ладонью трубку и обратился к Мэйси:

— А как фамилия этого Майкла?

— Ну-у... Я не знаю.

— Открывалка вон там, на буфете, Мэйси.

Доремус с некоторым сомнением окинул взглядом трубку, которую держал в руке, а потом возобновил разговор:

— Мэйси вспомнила, что Пэгги говорила ей, будто собирается искать Майкла.

После короткого молчания Элен в ужасе выдохнула:

— Господи Боже мой!

— Миссис Коннелли, я хотел бы помочь вам разыскать Пэгги, если, конечно, вы не против. Может быть, у вас появились какие-нибудь предположения, где может сейчас находиться девочка?

— Понятия не имею. Может быть, позвонить шерифу?

Доремус почувствовал, что женщина вот-вот запаникует, и поспешил ее успокоить:

— Ну что вы, пока в этом нет никакой надобности.— Он взглянул на Мэйси, безуспешно пытавшуюся откупорить бутылки с лимонадом — Видите ли, у меня тут сейчас соседские ребятишки, и я минут через десять отправлю их по домам. А вы пока что выезжайте в направлении моего дома.

— Уже еду, спасибо вам,— согласилась Элен

— Хорошо. Мой дом находится в самом конце Компетишен-роуд.

Когда Элен Коннелли добралась до жилища Доремуса, солнце уже опускалось за лес, а сам Доремус ждал ее, прислонившись к темной веранде

Отъехав от дома, Элен опять засомневалась:

— Я не понимаю, что заставило Пэг уйти куда-то без разрешения. Не больно-то она любит приключения. Наверное, Пэг все еще взбодоражена Май... то есть тем мальчиком. Я, как могла, пыталась убедить ее в том, что Майкл Янг умер много лет назад, но она заупрямилась. Пэгги считает, что разговаривала по телефону именно с Майклом, и для нее он существует реально, как любой другой мальчишка.— Элен натянуто улыбнулась.— Впрочем, и для меня он тоже, кажется, начал существовать.

— А где находится эта церковь, миссис Коннелли? Это ведь недалеко от деревни, да?

— Да, возле Пайн-роуд.

— А были у Пэгги какие-нибудь деньги?

— Ну, может, центов двадцать оставалось в кошельке, не больше.

— Скорее всего она добралась до центра, хорошенько гульнула там на свои двадцать центов, а теперь плутает где-то и не может найти дорогу домой.

Элен хваталась за любое мало-мальски логичное объяснение, как за спасительную соломинку.

— Наверное, я начинаю терять материнский инстинкт,— с грустью в голосе подытожила она.— Мне почему-то кажется, что Пэгги сидит сейчас в своем любимом кафе у Хаффейкера и без умолку болтает с Чарли. Чарли — ее последнее увлечение. Ему пятнадцать лет, и он недавно научил Пэгги плавать.— Элен затормозила у дорожного знака «стоп». Небо на востоке начинало темнеть — собирались грозовые тучи.— Наверное, я напрасно отняла у вас столько времени, мистер Брайтлоу. Похоже, вам нет смысла ехать со мной в город, у вас же столько дел...

— Смысл есть во всем. И если можно... называйте меня просто Доремус.

— Только если вы перестанете обращаться ко мне «миссис Коннелли».

Доремус улыбнулся, и Элен сделала для себя маленькое открытие. Раньше ей казалось, что Доремус не обращает на нее внимания, потому что дел у него просто невпроворот; но теперь женщина вдруг поняла:

причиной этому — скромность Доремуса. Даже, скорее, какая-то робость. Весьма необычная черта для полицейского, вернее, бывшего полицейского, отметила про себя Элен. Да и назвать Доремуса «мужчиной в годах», то есть в том возрасте, когда пора и в отставку, просто язык не поворачивался. Наверное, Брайтлоу не поладил с кем-нибудь, а может, на работе не слишком преуспевал. Хотя нет, ведь Хэп Уошбрук буквально благоговел перед ним, а уж Хэп-то обычно вообще ни с кем не считался.

— Как я успела заметить, вы много чего знаете о детях и неплохо разбираетесь в их поведении, Доремус. У вас есть дети?

— Нет. Зато у моей сестры их целый выводок. Поэтому мы с Марианной частенько брали их как бы напрокат.

— Вы женаты?

— Я был женат. Вы не против, если я закурю?

Элен не возражала. Прикурив, Доремус как по мановению волшебной палочки сбросил с себя застенчивость и как будто оттаял изнутри. Они заговорили, как старые добрые друзья, словно общались вот так — по-домашнему — уже целую вечность. Солнце клонилось к западу, заливая все вокруг спелым золотистым светом. Сгушавшиеся впереди тучи напоминали огромные синие горы, перед которыми холмы округа Шейдс казались настоящими карликами.

Элен остановила машину возле закусочной Хаффейкера и зашла внутрь, но очень скоро вернулась, покачивая головой.

— Чарли ее сегодня не видел. Надо подумать... Магазин сувениров уже закрыт, но я знаю еще пару местечек, куда Пэгги любит наведываться.

Вдоль заброшенных железнодорожных путей направились они в сторону южной окраины, где располагалась еще одна уютная забегаловка, что-то вроде молочного бара. Но Пэгги не оказалось и там — это сразу же стало ясно, и им даже не пришлось выходить из машины. Оставалась еще хлебопекарня Койла. Пэгги обожала наблюдать, как плавно проплывают по ленте

конвейера румяные и пышущие жаром батоны. Но и на хлебопекарне сообщили, что сегодня девочка здесь не появлялась.

— Надо позвонить домой,— растерянно пробормотала Элен.

Трубку взяла Бренда, которая сообщила, что Пэгги «носу не показывала да и не звонила».

Когда Элен, вконец расстроенная, вернулась к машине, небо уже сплошь заволокли тучи, а Доремус раскуривал вторую сигару. Какое-то время Элен молча сидела, положив руки на руль, а потом срывающимся голосом заговорила:

— Меня начинает пугать все это. Ведь уже шестой час.

— Может, она заболталась с какой-нибудь подружкой? — спокойно возразил Доремус. — Ужин не за горами, вот тогда-то Пэгги и вспомнит, что пора возвращаться. Отправляйтесь-ка домой, потому что Пэгги может позвонить в любую минуту, а я выскочу у депо, там сяду на шестичасовой автобус, а уж он-то останавливается в двух шагах от моей усадьбы.

— Нет, так не пойдет,— отсутствующим голосом произнесла Элен, все еще поглядывая на освещенную телефонную будку, откуда она только что звонила. Под ослепительным сиянием люминесцентных ламп, заливающих стоянку, кожа Элен выглядела неестественно белой, а верхняя губа, чуть приподнявшись, так и застыла. Элен нервно вздохнула и внезапно призналась: — Чего я начинаю бояться... Она ведь хотела отыскать Майкла. А вместо этого он сам нашел ее. Опять. Но на этот раз он никуда не убежал.

Доремус резко повернул голову в ее сторону.

— Ну-ка, расскажите мне подробнее.

— Когда я показала Пэгги фотографию Майкла Янга — ту же самую, что и шерифу,— дочка сказала: «Ну да, я его видела». А потом я поинтересовалась, где именно... — Элен замолчала и широко раскрыла глаза. — Я знаю, где она! Пэгги говорила тогда, будто две или три недели назад видела мальчика, похожего на Майкла Янга, на школьной спортивной площадке. Значит, она будет искать его именно там.

Школьные корпуса, где училась Пэгги, расположились у подножия горы Контебль, как раз в полумиле от того места, где они сейчас находились. Школа состояла из четырех корпусов. Возле каждого здания имелась асфальтированная стоянка, а между корпусами и за ними — несколько спортивных площадок. И фасад школы и все стоянки прекрасно освещались. Элен с Доремусом объехали все четыре корпуса, но Пэгги нигде не заметили. Элен притормозила у кафетерия. Доремус вышел из машины и обвел взглядом спортивные площадки, за которыми возвышались поросшие лесом хребты.

— По-моему, там кто-то есть, — заявил он. — По-сигнальте.

Элен дала длинный гудок, опустила стекло и позвала девочку.

В ту же секунду из темноты выскользнула Пэгги. Она задыхалась от быстрого бега, лицо ее покраснелось. Увидев дочь, Элен одновременно и рассердилась, и обрадовалась.

— Я ищу тебя везде, — взорвалась она, выплескивая скопившееся напряжение. — Мы всю округу объездили.

Пэгги удивленно посмотрела сначала на Доремуса, потом на мать, но ничего не сказала.

— Ладно, садись в машину, — приказала Элен.

— Извини, что заставила тебя волноваться.

— И очень сильно.

— Я хотела повидаться с Майклом, — тихо пробормотала Пэгги.

— Пэгги... — строгим голосом начала было Элен, но Доремус перебил ее:

— И ты его видела?

Пэгги оценивающим взглядом окинула Доремуса и тут же безошибочно смекнула, что обретает в его лице союзника.

— Нет. Он живет в лесу. Но сегодня он не приходил. Я хотела сказать ему... — Тут Пэгги еще сильнее покраснела, и уголки рта у нее опустились. — Я хотела сказать, чтобы он оставил нас в покое. И чтобы больше... никому ничего плохого не делал.

Девочка опустила глаза и виновато уставилась в землю.

— Воробушек,— ласково заговорила Элен,— пожалуйста, садись в машину.

— Я не хочу... если ты будешь продолжать на меня злиться.

— Я уже не злюсь. Давай побыстрее все забудем. И про Майкла тоже.

Пэгги изо всех сил сдерживалась, чтобы не расплакаться.

— Я звонила Бренде, и она сказала, что на ужин сегодня цыпленок с клецками. Может быть, ты пригласишь Доремуса, и он согласится поехать к нам в гости.

В предвкушении такого прекрасного вечера Пэгги позабыла обо всех своих невзгодах и смахнула подступившие слезы.

— Вы хотите с нами поужинать? — с трепетом обратилась она к Доремусу.

— Есть только одна вещь, которая мне нравится больше, чем цыпленок с клецками,— отозвался Доремус.

— И что же это?

Доремус вынул изо рта сигару, задумчиво уставился на обгоревший ее кончик и, пожав плечами, покачал головой:

— Забыл.

Пэгги расплылась в улыбке, и все втроем уселись в машину, причем девочка устроилась посередине. Она все пыталась поймать какую-нибудь музыкальную передачу. Наконец из радиоприемника зазвучали песенки в стиле «кантри», и Пэгги, довольная и счастливая, откинулась на спинку сиденья.

По дороге Доремус спросил Элен:

— А что находится по другую сторону хребта? По моему, дорога ведет в школу Гринлиф, если не ошибаюсь.

— Точно. От хребта до школы мили две, не больше.

— Ну, это плевое дело для десятилетнего мальчика, особенно, если у него развита склонность к путешествиям,— пробормотал себе под нос Доремус, но Пэгги была увлечена музыкой. Не услышала его и Элен.

После ужина Пэгги демонстрировала Доремусу свои самые-пресамые любимые антикварные безделушки. Элен тем временем убирала со стола посуду. «Самых-пресамых» уже давно перевалило за сотню, однако девочка тарахтела без умолку, совсем как ее мать, а Доремус внимал ей с неослабевающим интересом. Элен почувствовала легкие угрызения совести: она не могла с уверенностью поручиться, нравится ли Доремусу вся эта болтовня про «красивые штучки». При других обстоятельствах Элен давным-давно отослала бы Пэгги куда-нибудь, чтобы дать Доремусу возможность нормально расслабиться. Но теперь, глядя на их возбужденные лица, Элен понимала, что если она разлучит сейчас Пэгги с Доремусом, то тем самым расстроит не только дочку, но и самого Доремуса. Элен не терпелось поговорить с ним об этом «таинственном Майкле», однако она все-таки решила не торопить события.

На улице, наконец, пошел дождь. И хотя черные, сгустившиеся тучи и предвещали грозу, дождь этот робко накрапывал за окнами.

Составив грязные тарелки в посудомоечный автомат, Элен наскоро выпила еще одну чашку кофе и отправилась на поиски Доремуса. Тот оказался в гостиной. Доремус устроился на миниатюрной скамеечке. Ее сиденье было обтянуто тканью из плетеного конского волоса. С ног до головы окутанный клубами сизоватого дыма, Доремус попыхивал сигарой и внимательно слушал подробнейшую лекцию Пэгги о назначении старинных серебряных плошек.

— Пока ты все это будешь расставлять на свои места, Доремус успеет позвонить своему дяде. Это очень важно.

— Ну, тогда я начинаю,— весело откликнулась девочка.

— Телефон у нас в холле,— объяснила Элен Доремусу, поднявшемуся со скамеечки,— но провод длиннющий, и я могу перетащить телефон в свой кабинет. Это совсем не трудно...

— Ну что вы, в этом нет никакой необходимости. Я собирался звякнуть дядюшке Суэну и задать ему всего несколько вопросов относительно пчел.

— Да? — протянула Элен. — Насчет пчел?

Она собралась было помочь Пэгги расставить антиквариат на полках и уже переступила порог гостиной, но Доремус жестом остановил ее. С телефоном в руках он опустился на ступеньки лестницы, и, тщательно уравновесив на носке ботинка сигару, так, чтобы та не соскользнула, соединился с Висконсином.

— Дядюшка Суэн? Это Доремус... Да-да, Доремус... Нет, я не в Чикаго, я у себя в... Да, все они здоровы, насколько мне известно, все семеро... А вы и не слышали? Нет, их уже семь. Я уверен, вам посылали открытку. Карл этим летом свалился с дерева и сломал руку... Нет, то случилось прошлым летом, а в этот раз — руку... Нет-нет, слава Богу, не правую. Дядюшка Суэн, я вот по какому поводу вам звоню. Вчера в нашем округе пчелы до смерти зажалили одного человека, и... немецкие пчелы, дядюшка... Да, именно такие, как вы говорите... Нет, он знал, чем занимается, он разводил пчел уже несколько лет подряд. Все это произошло в амбаре, он опрыскал пчел какой-то дрянью, которую принял за хлороформ. Он собирался проделать с ними какие-то опыты. Но только это оказался не хлороформ, как я полагаю. Совсем другой запах. Как у спелых бананов.

Доремус поднял с ботинка сигару и сунул ее в рот, приготовившись слушать. Он ни разу не перебил своего дядю, и Элен решила было, что прошла целая вечность. За все это время лицо его несколько раз менялось. В конце концов, он нахмурился, сразу посерьезнев. Элен вдруг показалось, что перед ней совсем другой человек. Дождь барабанил по крыше. Женщину внезапно охватил ужас.

— Хорошо, дядюшка Суэн, спасибо вам за информацию. И вот еще что: какой эффект может произвести призрак на улей, полный пчел? — Доремус усмехнулся, и отставив от уха трубку так, чтобы и Элен смогла услышать безудержный хохот дядюшки Суэна из Висконсина.

Когда дядюшка успокоился, Доремус снова заговорил:

— Только стаканчик черносмородинового винца после ужина, дядюшка Суэн. Еще раз спасибо за информацию. Я сразу же дам вам знать, буквально в ближайшие дни... Нет, я все еще в отставке. Просто любопытно по поводу одного дела, которое, как мне кажется, связано с убийством.

Он повесил трубку, все еще улыбаясь, но когда увидел посеревшее лицо Элен, то опустил глаза, почувствовав, что слишком далеко зашел в своей откровенности.

— Как могло случиться, что Энди убили? — тихонько спросила Элен, оглянувшись по сторонам. Она опасалась, что Пэгги может оказаться где-нибудь поблизости.

— Я в этом не уверен, — тут же пошел на попятную Доремус. — Но теперь я точно знаю, отчего все это произошло. Энди считал, будто усыпляет пчел хлороформом, и смело опрыскал целый улей, а вещество оказалось далеко не снотворным: это была эссенция пчелиного яда. Одного его запаха достаточно, чтобы пчелы взбесились до состояния массового самоубийства. Вы знаете, что пчела может ужалить только один раз, и после этого она погибает. Так вот, пчелы как будто знают это, и готовы смириться со многими неприятностями, лишь бы не жалить. С другой стороны, даже самые миролюбивые пчелы жалят иногда по неизвестным причинам. Но как объяснил мой дядюшка Суэн, все пчелы одинаково яростно реагируют на запах яда. Два раза ему приходилось сжигать перчатки — знаете, такие, до локтя, специально для пасечников, потому что они пропитались ядом, а лезть в таких перчатках в улей очень опасно — можно вызвать нападение пчелиного роя.

— Наверное, Энди просто ошибся и открыл не тот пузырек, — с грустью заметила Элен.

— В принципе это возможно. На пузырьке была этикетка «Хлороформ», а на полках стояло много бутылочек из такого же стекла и с наклейками, и без них. В какой-то навверняка должен находиться хлороформ. Я выясню это утром. — Доремус взглянул на сигару,

поморщился и, решив, что уже вволю накурился, потушил ее в пепельнице.— Простите, что я сказал «убийство», это опрометчиво с моей стороны. Но только попытайтесь предположить, будто кто-то хорошо знал доктора, а заодно и его привычку днем заниматься пчелами. Этот «кто-то», пронюхав кое-какие особенности пчелиной жизни, поменял этикетки на пузырьках. Ведь по сути подобная выходка — то же самое, что приставить к виску доктора обреза. Только такое убийство гораздо более безопасно. Конечно возможен и другой вариант: кто-то из его рабочих заглянул в амбар по какой-нибудь надобности, испугался пчел и, запаниковав, сбил с полки несколько баночек, а потом перепутал этикетки и наклеил их не туда, куда следовало. Надо бы отправить эти пузырьочки химику или фармацевту и тщательно исследовать содержащиеся в них жидкости, а также то, насколько соответствуют им этикетки. По моему, Хэп может это устроить.

— А что, если только на бутылочке с ядом оказалась неверная этикетка?

— Тогда я буду склонен считать, что ее наклеили умышленно.

Элен оглянулась, заметила рядом стул и тяжело опустилась на него, сложив на коленях руки.

— Но... но кто? И зачем? Энди Бриттон был... я не могу представить себе, чтобы хоть кто-то мог желать ему смерти, причем такой страшной.

— Ну, мотивы могут оказаться самые банальные. Например, давняя злоба или зависть. Сколько лет было доктору? Примерно шестьдесят пять? Да, наверное, женщины здесь уже ни при чем.— При этих словах Элен обиженно нахмурилась — Хотя кто знает? — Доремус поставил телефон на маленький столик, встал и подошел к стеклянной двери, глядя сквозь нее на освещенную улицу, блестящую от дождя, словно ее натерли воском.— Я бы ограничился банальными мотивами, но ведь остается еще и Майкл. Кто он такой и что ему известно? А что н а м известно о нем ? Как говорит ваш племянник Крэг, этот мальчик весьма изобретателен, с безудержной фантазией и склонностью причинять зло. А еще он умеет внезапно появляться и как раз в нужный

момент — поэтому я начинаю верить, что миссис Бриттон видела именно его, когда вытаскивала из амбара тело своего мужа.— Доремус задумался, взвешивая в уме это предположение.— А может, мы имеем дело не с одним, а сразу с тремя разными мальчиками, которые внешне похожи друг на друга. Ну, имеется, конечно, еще один вариант: тут не обошлось без сверхъестественных сил, как считает мисс Лоулор. Но это противоречит здравому смыслу и сводит на нет все логические изыскания следователя.

Доремус повернулся к Элен, и взгляд его несколько смягчился.

— Расскажите мне о Майкле Янге,— попросил он.— Сколько времени прошло до того, как отыскиали его тело?

— А тела, собственно... и не было. Нашли только его одежду и кости. Прошло, как мне помнится, месяцев семь, прежде чем все это обнаружили в лощине, где он и замерз. Какие-то люди отправились туда собирать ягоды, ну и...

— А как он был опознан? По стоматологической карте?

— Нет. Я узнала клетчатое пальто, в котором он убежал в ту ночь. И этого.. оказалось достаточно.

— Сейчас ему было бы двадцать шесть лет, верно?

— Да,— подтвердила Элен.

— Если бы он остался жив,— отчеканил Доремус, и от этих слов Элен даже чуть приподнялась на стуле,— если бы Майкл Янг остался жив после всего, что случилось, тогда мы нашли бы ответы на многие наши вопросы. Но такая возможность исключается, потому что она тоже противоречит здравому смыслу и...— Тут он встретил взгляд Элен и запнулся на полуслове, заметив, как близко к сердцу воспринимает она все сказанное.— Простите, у меня ужасная привычка рассуждать вслух. Ох ты! Уже половина девятого. Вы, наверное, мечтаете от меня избавиться.

Элен протестующе замахала руками, однако, в действительности, головная боль исподволь начинала одолевать ее, к тому же Элен сильно расстроилась. Не оттого, что Доремус ей не понравился, нет. Разумеется,

он представлял собой личность несколько странную, но при этом человек он был симпатичный и занимательный. Просто Элен здорово задела манера Доремуса обсуждать смерть Энди, как будто все это происходило не в жизни, а на киноэкране. Доремус словно забавлялся, выдвигая все новые и новые версии. Неужели он забыл, что Энди был ее близким другом, и она до сих пор мучительно переживает его смерть. Оставаясь одна, Элен часто плакала, вспоминая Энди. Однако на людях и особенно в присутствии Пэгги она неизменно брала себя в руки.

Элен почувствовала необходимость остаться сейчас в одиночестве. И хотя — приличия ради — она и предложила Доремусу побыть у нее еще немного, тот прекрасно понял ее состояние. Им даже ничего не надо было объяснять друг другу. Пэгги сбегала наверх и принесла плащи себе и матери.

Доремус вглядывался в ливневые потоки за окном машины, погруженный в глубокие раздумья, то и дело окутывая себя сизыми клубами сигарного дыма.

Элен же с огорчением размышляла о том, что предстоит нудная обратная дорога. И еще о том, как печально закончился этот чудесный поначалу вечер.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

По дороге домой Элен заметила, что дождь ослабел, а затем и вовсе прекратился. Пэгги, прикорнув на сиденье рядом с матерью, уже мирно посапывала. Воздух остыл и повлажнел. Сквозь рваные тучи пробивалась луна. Внезапно Элен заметила, что впереди на дороге, в низине, разлился ручей. Машина с ходу влетела в него и буквально поплыла.

Вода захлестнула лобовое стекло. Не растерявшись, Элен резко сбавила скорость и ехала так до тех пор, пока они не выбрались из низины. «Слава Богу», — мысленно перекрестилась Элен. Они только что избежали

серьезной опасности; их могло занести чуть в сторону, и тогда они, попав в самое глубокое место, просто пошли бы ко дну.

Дорога круто пошла вверх. Элен притормозила и решила перевести дух, чтобы прийти в себя после всего пережитого. И пока она так сидела, тяжело дыша и унимаемая дрожь в коленях, фары внезапно погасли. Мотор заглох.

Элен взглянула на Пэгги. Та сладко дремала, даже не проснувшись в тот момент, когда они въехали в разлившийся ручей. Девочка подложила под щеку ладошку и блаженно улыбалась во сне. Она так вымоталась за сегодняшний день, что было немудрено отключиться прямо в машине. Элен вздохнула и попыталась завести мотор. Как ей хотелось очутиться сейчас вместе с дочкой дома!

После четвертой попытки Элен окончательно потеряла надежду завести машину. Погасла даже приборная доска. Элен ровным счетом ничего не смыслила в устройстве автомобиля, однако понимала, что без электричества машина просто не сдвинется с места. Очевидно, какие-то провода намокли, когда их занесло в растреклятый водный поток. И никуда они с Пэгги отсюда не уедут на этом умершем фургоне. Оставалось одно: ждать попутную машину.

А пока что они находились в остывающем фургоне, одни посреди пустынной дороги, окруженные крошечной тьмой. Внезапно луна пробилась сквозь облака и осветила все вокруг. Но что могло дать сейчас это вынужденное любование местными красотами! Элен было не до них. Она прекрасно осознавала, что в этот поздний час вряд ли кто поедет такой дорогой. Через какое-то время Элен вдруг заволновалась: а если-таки подобное случится, не врежется ли попутная машина в ее автомобиль, ведь темень такая, что просто глаз коли. Кстати, Хэп наверняка должен знать, что ручей разлился. Он, несомненно, вышлет за ними машину. Элен всячески пыталась осадить свое разбушевавшееся воображение.

Тихонько — чтобы не разбудить Пэгги — она открыла дверцу и выбралась из фургона. Впереди, в не-

скольких футах от машины Элен заметила столб с тремя почтовыми ящиками и гравиевую дорожку, убегающую наверх, в горы. Вокруг стояла гробовая тишина, и было слышно, как срываются с листьев дождевые капли.

«Итак, три дома на вершине холма», — рассуждала про себя Элен. Один из них сгорел еще шестнадцать лет назад и теперь пустовал. На полпути к нему стоял другой особнячок, принадлежавший семье Кутнер. До него было рукой подать — около двухсот ярдов, но Элен не помнила, обитали в нем хозяева круглый год или же домик являлся летней постройкой. Однако, даже если там никого нет, Элен может проникнуть в дом и по крайней мере воспользоваться телефоном. В противном случае женщине оставалось будить Пэгги и брести в темноте по пустынной дороге добрую милю до того места, где дорога пересекала шоссе.

Элен обернулась и сквозь автомобильное окно посмотрела на спящую дочку. Подумав немного, Элен решила запереть дверцы. Звук ее шагов казался неестественно звонким. Элен обошла машину спереди и повернула ключ в дверце автомобиля. Ей не хотелось оставлять девочку одну, пусть даже на каких-нибудь десять минут, но потом, взвесив все «за» и «против», Элен успокоилась. Машина припаркована худо-бедно на обочине, и с этой стороны вряд ли может исходить опасность.

Заперев дверцы, Элен побрела по скользкой размытой дороге с глубокими рытвинами и ухабами. Луна освещала ей путь. Слева лес был окутан искрящимся таинственным туманом, и при иных обстоятельствах Элен наверняка остановилась бы, чтобы полюбоваться этим великолепным зрелищем. Направо же лес выился темной и непроходимой стеной, от которой — как внезапно показалось Элен — отражалось ее собственное тяжелое дыхание.

Женщина замедлила шаг, вглядываясь в даль. Она надеялась увидеть огонек в доме Кутнеров. Светящееся окошко помогло бы ей сориентироваться в окружающей темноте. Но дом, похоже, пустовал.

Внезапно Элен разглядела еле заметное свечение на

вершине холма, как раз в том месте, где, по ее подсчетам, никто не должен был жить.

Элен, как бабочка, устремилась на свет этого крохотного маячка, который то манил ее, то прятался в листве растущих на вершине холма деревьев. Женщину словно околдовал этот волшебный огонек, она воспряла духом и чуть было не проскочила темный особняк Кутнеров.

С минуту Элен постояла перед входом, переминаясь с ноги на ногу и размышляя, как ей поступить. Глаза ее успели привыкнуть к темноте, и Элен заметила, что окна в доме либо заколочены досками, либо закрыты деревянными ставнями. Похоже, Кутнеры давно покинули свое жилище и ожидать их здесь раньше мая не имело смысла. А дверь взломать будет трудновато, к тому же и небезопасно. Зато далекий маячок продолжал манить Элен. Он словно гипнотизировал ее. Может быть, она заблудилась? Или же кто-то поселился там, наверху, с тех пор, как Элен проезжала этой дорогой в последний раз?

Элен гут же отмела последнее предположение. Ведь всеми угодами на вершине холма заправлял Крэг, насколько было известно Элен, а уж ее племянничек-то вряд ли разрешил бы кому-либо поселиться на своих землях.

Выкинув из головы все опасения, Элен зашагала в гору на огонек. Дорога заметно испортилась, гравий расползлся под ногами, глина облепляла сапоги и мешала идти. Элен дважды поскальзывалась, а один раз, споткнувшись, упала на колени. Но она даже не ушиблась, потому что была одета в брюки из плотной ткани. Элен уже почти поднялась с колен. И тут в каких-нибудь ста футах от себя она увидела мальчишеский силуэт. Он четко выделялся на фоне леса, окутанного светящимся туманом.

Этот четкий, неподвижный силуэт обладал такой же колдовской силой, как и огонек на вершине холма. Поэтому в первое мгновение Элен не успела осознать весь ужас происходящего. Она остолбенела, вглядываясь в отчетливые контуры мальчишеского тела. Внезапно туча набежала на луну, и фигура впереди растворилась,

слившись с черным, безмолвным лесом. У Элен от напряжения защипало глаза, она протерла их, и в этот момент страх стальной хваткой вцепился ей в горло. Элен чуть было не задохнулась от ужаса. Она рванулась с места и помчалась вперед, не разбирая дороги. Элен бежала куда глаза глядят. Падая и вновь поднимаясь, она летела, забыв обо всем. Исчез и крохотный огонек — последняя ее надежда на спасение.

Внезапно Элен остановилась, еле переводя дух. Она оглянулась. Луна выскользнула из-за туч, но мальчика уже не было и в помине.

— Я видела его! — упрямо повторяла Элен. — Я видела!..

Язык не поворачивался произнести его имя.

Возвращаться было уже слишком поздно. Элен поняла, что отмахала уже три четверти пути. Дорога больше не взлетала так круто вверх, как прежде, и идти стало неизмеримо легче. Неведомый огонек дружелюбно подмигивал сквозь листву — теперь он был уже большой и яркий.

«Там обязательно кто-то есть, — убеждала себя Элен. — И этот «кто-то» непременно поможет нам вернуться отсюда».

Дом плотным кольцом окружали кусты боярышника, сумаха и кизила, разросшиеся здесь за те долгие годы, пока жилье находилось без хозяина. Кусты перегородили и дорогу. Элен уже еле брела, с каким-то животным отчаянием продираясь сквозь колючие и мокрые заросли. Она промокла до нитки. Ко всему прочему, Элен умудрилась потерять свой шарф. То и дело спотыкаясь о корни, Элен со стоном отдирала от лица цепляющиеся на каждом шагу колючие ветки. Наконец она выбралась на поляну, где, как сказочный драгоценный камень, сверкал в доме огонек. В доме, в котором когда-то жил Майкл Янг. Этот огонек все еще манил Элен. Она дотронулась до оцарапанной щеки и вдруг онемела от ужаса.

Так и застыв всего в нескольких футах от освещенного окна, Элен колебалась. Теперь свет казался ей почему-то неземным. Ведь внутри дома все выгорело,

там никого не могло быть — откуда же взялся этот сияющий манок?

Осколки разбитого стекла внезапно фонтаном полетели прямо в лицо Элен, и свет погас. В оконном проеме мелькнула чья-то тень.

Элен вскрикнула и, повернувшись, бросилась прочь от этого дома, но кто-то уже вскарабкался на подоконник... Вот он спрыгнул с него и помчался следом за Элен, стремительно нагоняя ее...

Споткнувшись, Элен рухнула на колени.

Чья-то рука схватила ее за плечо.

— Боже мой, — послышался голос. — Элен? Что вы здесь делаете?

Она прищурилась от яркого света фонарика, бывшего ей прямо в глаза.

— Крэг?

— Давайте я помогу вам подняться. Вы меня насмерть перепугали, Элен.

— Я... перепугала тебя?

— Вы не ушиблись?

— Нет... все в порядке. Я... у нас фургон застрял... он там, внизу, а я решила вот пойти посмотреть, может, кто из дачников еще не уехал... А потом увидела этот огонек. Я не хотела идти сюда, но... — Элен не договорила, в испуге уставившись на своего племянника. — Крэг, ты здесь... уже давно находишься?

— Ну, минут двадцать. Один из помощников Хэпа уверял меня, будто сюда повадились какие-то мальчишки. Они вроде безобразничают в старом доме. Вот я и решил разобраться с ними. И положить этому конец.

— Мальчишки? — эхом отозвалась Элен. — Крэг, я видела... По-моему, я видела одного... там, чуть ниже, в лесу. Он стоял между деревьев и смотрел на дорогу. Ему, наверное, лет десять, не больше, и он там совершенно один.

— Вы точно уверены, что видели его?

— Крэг, ну не с пнем же мне его спутать. Говорю тебе, это был мальчишка. Пожалуйста, не бросай меня здесь. Мне никогда еще не было так плохо. У меня просто ноги подкашиваются... Я его видела возле дома Кутнеров. И он был в двух шагах от меня, Крэг.

— Хотелось бы мне сейчас отыскать его. Наверное, он как раз из той компании, которая и перебралась сюда.

— Перебралась?

— Сейчас я вам все покажу,— мрачно произнес Крэг и повел Элен за домик, где когда-то находилась задняя дверь. Женщина неуверенно следовала за племянником, но тот рассеял ее страхи, осветив мощным лучом внутренность дома.

На кухне возле обугленной и вздувшейся стены стояла новенькая койка армейского образца. Над этим углом чудом сохранилась крыша, здесь было даже уютно и относительно сухо во время дождя или снегопада.

— Я не знаю, сколько времени проторчала здесь эта кровать,— проворчал Крэг.— Видите, металл уже немного заржавел, а матрас начинает плесневеть. Сдается мне, что этим маленьким негодьям все равно — ведь сверху можно набросить одеяло — и все в порядке.

— Крэг, но тот парнишка, которого я видела... он, по-моему, еще слишком мал для таких дел.— Элен вдруг умолкла, задумчиво разглядывая кровать.— Крэг, зачем ты разбил окно? Разве ты не видел, что это я?

Крэг усмехнулся.

— Я видел только, что кто-то приближается, и решил дать отпор неожиданному гостю. Или хотя бы напугать его. Извините, я же не мог подумать, что...

— Ну, конечно, нет.

— А эту коечку я собираюсь спустить с горы,— поклялся Крэг, указывая пальцем в глубь пустого дома,— а когда-нибудь потом, когда у меня заведутся деньжата, я восстановлю здесь все, как раньше.

— Сомневаюсь, чтобы Эми...— начала было Элен, но внезапно осеклась, сообразив, что сует нос не в свое дело, и тут же перевела разговор на другую тему.— Мне пришлось оставить Пэг одну в фургоне,— объяснила она,— и теперь я опасаюсь, как бы она не проснулась. А меня нет рядом. Но я не видела твоей машины...

— А я ее специально спрятал, чтобы не спугнуть молодежь. Она там, с другой стороны поляны. Ну как, вам уже немного лучше?

— Гораздо лучше.

— Так что, вы говорите, случилось с вашим фургончиком?

— Там ручей разлился, а я не заметила, и мы чуть не утонули. Наверное, в машине что-то промокло.

— Ну, ее-то мы заведем. А если нет, можете воспользоваться моей, а за мной пришлете потом кого-нибудь из города.— Крэг осветил дорогу, и они направились к поляне, переступая через булыжники, гнилые бревна, миновав старый искалеченный дуб, который, как молчаливый страж, застыл перед заброшенным домом. А дом этот интересовал сейчас, пожалуй, на всем белом свете одного только Крэга.

* * *

Пэгги проснулась и резко села на сиденье. Она поняла, что машина застряла и что уже наступила ночь. Кругом было тихо. Внутреннее чутье подсказывало девочке, что, не доехав до дома, они остановились где-то на полдороге.

И тут Пэгги услышала странные звуки. Она повернула голову и догадалась, что кто-то пытается открыть дверцу машины.

— Мам, это ты?

* * *

Крэг притормозил, когда они спускались с холма, и Элен указала место, где возникла та странная детская фигура. Крэг долго высвечивал фонариком этот участок — но они так никого и не обнаружили.

— Кто бы он ни был,— заявила Элен,— я надеюсь, ему есть где переночевать. Мне он показался одиноким, как будто... как будто он стоял вот так и ждал здесь целую вечность.

— Наверное, вы просто плохо его разглядели,— хладнокровного обронил Крэг.

— Дело не в этом, Крэг, я просто почувствовала его одиночество.

Голос Пэгги они услышали одновременно. Он был далекий и глухой, словно девочка кричала из глубины колодца:

— Мама! Мама. .

Крэг завел мотор, и они рванулись вперед. Светящиеся фары то и дело выхватывали из тьмы высокие деревья по обе стороны черной и мокрой от дождя асфальтированной дороги.

— Вон она! — воскликнула Элен.— Крэг, остановись, дай мне выйти!

Пэгги бежала навстречу машине, и Элен, распахнув дверцу, выскочила из автомобиля и прижала к себе дочку.

— Я видела его, мамочка! Майкл был здесь! Он подошел совсем близко к машине!

Элен крепко обняла девочку, но та попыталась вырваться.

— Мам, давай отыщем его! Он только что был здесь!

— Крошка...

Крэг присоединился к ним.

— Что случилось? Ей приснился кошмар?

— Дядя Крэг, я видела Майкла! Он посмотрел на меня через окошко, а потом исчез!

— Он что, убежал? — изумился Крэг.

— Нет, он просто исчез. Как призрак.

— Пэгги... Пэг,— успокаивала ее мать.— Ну что ты. Расскажи теперь поподробнее, что же здесь все-таки произошло?

Но Пэгги никак не могла успокоиться, хотя и заговорила теперь более внятно:

— Я проснулась, а тебя нет. И тогда я услышала, что кто-то хочет открыть дверцу в машине. Я повернулась и увидела Майкла. Но, когда я посмотрела на него, он исчез. Я вышла из машины, но его уже нигде не было.

Крэг бросился к фургону и начал тщательным образом изучать гравий справа от дверцы машины, а потом, освещая все вокруг фонариком, добрался до асфальтированной дороги. Элен взяла дочку на руки и понесла к машине.

— Мам, он точно был здесь! — не унималась девочка.

— Да-да, конечно, я тебе верю. Но сейчас его нет. Пэгги, он ушел и больше не вернется. Поэтому мы можем поехать домой, а, как ты считаешь?

— А можно, мы поедем утром? Я хочу его еще раз увидеть.

Элен находилась на грани отчаяния. Она еле сдержала подступающие слезы.

— Ну, я не знаю... может быть, он не хочет, чтобы мы его видели. Мы... поговорим об этом днем.

— Мам, с тобой все в порядке? А где дядя Крэг? Где ты его нашла?

— У нас машина остановилась, я пошла за помощью и, к счастью, встретила его.

— Я просила Майкла, чтобы он подождал. Я еще сказала, что ничего плохого ему не сделаю. Я же сказала! Почему тогда он убежал?

Вернулся Крэг. Элен с надеждой взглянула на племянника, но тот только пожал плечами и неуверенно покосился на Пэгги.

— Никаких следов... кроме ваших, Элен.

— Дядя Крэг, что случилось с Майклом? Он сердится на нас?

Но Крэг не отозвался, будто не слышал вопроса.

— Элен, дайте мне ключи от машины, я посмотрю, удастся ли нам завести эту колымагу.

Он отпер дверь и сел за руль. Повернул ключ зажигания, но безрезультатно. Выйдя из машины, Крэг поднял капот, повозился там какое-то время и, захлопнув его, снова забрался в фургон. На этот раз фары ярко вспыхнули. Все превосходно заработало.

— Я там что-нибудь напортила? — неуверенно пробормотала Элен.

— Нет, просто не было контакта, — успокоил ее Крэг. — Только будьте осторожны на дороге, и доберетесь без приключений. — Однако с утра пораньше проверьте-ка еще разок проводку.

— Ну, а теперь по коням, крошка, — скомандовала Элен, подталкивая дочку и усаживая ее на сиденье. Пэг

подвинулась к окошку и уставилась на мгlistую стену леса. Майкл не появлялся, и девочка ужасно расстроилась. Пэгги казалось, что мальчик должен с лихвой вознаградить ее за такое пристальное внимание к его особе.

— Лучше поговорите с ней по дороге,— тихонько посоветовал Крэг.— Иначе скоро по всему округу поползут слухи, будто у нас завелось семейное привидение.

— А разве это не так? — с горечью возразила Элен.

Крэг устало опустил голову. Все это, похоже, успело ему порядком поднадоесть.

— Если существует другое объяснение, я с радостью приму его. Но пока что могу сказать только одно: я сама видела мальчика сегодня ночью, и Пэгги тоже... Мы видели Майкла, и у нас не могло быть одинаковых галлюцинаций. И опять-таки, в обоих случаях он исчез, просто растворился, как привидение. Крэг, может быть, ты мне объяснишь, что может делать в лесу ночью маленький мальчик, причем совершенно один?

Крэг пытался было что-то сказать, но только покачал головой. Однако спустя мгновение в его взгляде появилась решимость:

— На этот вопрос он мне сам ответит. Кто бы он ни был, но прячется он здесь. Может быть, мне удастся спугнуть его...

Элен ласково положила на плечо племянника руку.

— Не оставайся здесь, Крэг,— попросила она.— Пожалуйста, не надо! Отправляйся домой или, лучше, поезжай к Эми. Но только не броди здесь один.

— Элен, да вы просто...

— Я просто насмерть перепугана,— закончила за него Элен. Теперь ей было уже наплевать, слышит эти слова дочь или нет.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Последний автобус, развозящий учеников по домам, отъехал от здания Гринлифской школы в пять пятнадцать.

Эми забежала в свой кабинет. Она здорово вымоталась за сегодняшний день, но тем не менее находилась сейчас в приподнятом настроении. Ей так хотелось скинуть с себя этот строгий, подобающий торжеству, костюм и облачиться во что-то уютное и домашнее.

Эми натянула облегающие брюки и шерстяной свитер. На волосы она повязала красную косынку. Из письменного стола извлекла маленький подарочный сверток. Девушка направилась по коридору административного здания к кабинету Крэга. Она тихонько постучала и, не услышав ответа, толкнула дверь и вошла внутрь.

Крэг, развалившись в массивном кожаном кресле, сидел в углу своего кабинета. Очки слегка сползли ему на нос, и психолог что-то оживленно строчил в блокнот. Лишь настольная лампа освещала кабинет Крэга — она стояла на полке, прямо у него над головой. Шторы на окнах, выходящих во внутренний школьный дворик, были задернуты.

— По-моему, ты сегодня переработал, — объявила Эми, и Крэг тут же оторвал взгляд от блокнота.

— А, это ты, Эми. Который час? — Он снял очки в черной оправе и опустил их на колени, где у него лежали какие-то исписанные листки.

— Пора выходить, иначе мы все пропустим.

— Пропустим, — как эхо повторил Крэг и зевнул. — Восемнадцатый раз один и тот же праздник. Каждый год. Пока что могу сказать, что он ничем не будет отличаться от семнадцатого. Обязательно хлынет ливень, и, в конце концов, мы все равно явимся в школу, запрем все двери и, до ниточки вымокшие, начнем восхищенно обсуждать в этих казенных неуютных кабинетах, какой чудесный праздник состоится-таки у нас в городе в следующем году.

Эми подошла к окну и раздвинула шторы, впуская внутрь лучи заходящего солнца.

— Нет, туч я сегодня не вижу,— возразила она.— Боги, ответственные за праздники, наконец-то благоволят нам.— Крэг даже не шевельнулся в своем кресле, и тогда Эми, подозрительно взглянув на него, добавила: — Я вижу, тебе это безразлично. Похоже, сегодня мне придется развлекаться в одиночку.

— Ну... если ты не возражаешь, Эми, пока у меня рабочий настрой... я хотел бы закончить с этой писаниной. Она займет не больше часа.

— Мы же договорились встретиться с Элен в половине шестого, ты что, забыл?

Крэг растерянно заморгал:

— Теперь вспомнил. Обещаю найти вас на празднике.— Тут только он заметил в ее руках подарочный сверток.— Это для Пэг? По какому же случаю?

— Нет, здесь кое-что для Питера, деревянная головоломка. Три дня с ней провозилась, но так и не разобралась до конца. Уверена, что Питер соберет ее еще до вечера.

— Кажется, сегодня его уже должны выпустить из лазарета.

— Миссис Кейгл говорит, что температура у Питера еще держится, и доктор не разрешает ему вставать. Мне ужасно жалко его — ведь мальчик пропустит такой праздник, а уж ему-то как никому другому необходимо развлечься.— Эми раскрыла сумочку и вынула оттуда открытку.— Подпиши, пожалуйста. Если этот подарок будет от нас обоих, он станет намного ценнее.

— Разумеется.— Крэг расписался и грустно улыбнулся.— Хотя, увидев мои закорючки, он вообще может забросить куда-нибудь твой подарок. В последнее время отношения у нас с Питером, похоже, совсем разладились. Он настроен ко мне даже несколько враждебно. Хотя, может быть, я слишком много от него требую. Но хотелось бы, чтобы он стал чуток пообщительней, ведь Питер — мальчик очень умный.

— Ты всего добьешься,— заверила его Эми.— Не отчаивайся.

— Прошел уже целый год, но я не уверен, что мы с

ним действительно подружились.— Крэг устался на окно, залитое теплым золотистым светом последних солнечных лучей.

— Если уж доктор Томлинсон удовлетворен твоими успехами, то, думаю, все в порядке. И еще я думаю, что тебе все-таки стоит отложить свои бумажки и немного проветрить мозги на празднике.

— Я обещаю тебе, Эми. Максимум — один часик.

Несколько секунд Эми молча стояла, наблюдая за Крэгом. Но он выглядел таким робким и застенчивым, что девушка не удержалась и, нагнувшись, поцеловала его.

— Ну, я пошла,— бросила она на прощание.— Но если я из-за тебя пропущу фейерверк, то обещаю, что в течение двух недель не обмолвлюсь с тобой и словечком, как и Питер Мэтис.

Выйдя из кабинета, Эми сразу же отправилась в лазарет на третий этаж, где ее встретила дежурная медсестра Кейгл.

— Питер спит? Я бы хотела оставить для него вот этот сверток. Это подарок, я надеюсь, он поможет мальчику побыстрее выздороветь.

— Нет-нет, Эми, он не спит, заходите.— Распахнув стеклянную дверь, они вошли в сумрачную палату. Сегодня Питер Мэтис находился здесь совсем один. Мальчик сидел в кровати среди подушек и держал во рту термометр. Это был худенький девятилетний парнишка с большими карими глазами и длинными темными волосами. Кожа его поражала бледностью, под глазами темнели синяки. С первого взгляда на Питера Эми поняла, что эти глаза говорят о многом. Мальчик стал ее любимцем, но подружиться с ним оказалось делом действительно нелегким. В этом Крэг был прав.

— Я слышала, ты пошел на поправку,— начала Эми.

Мальчик не изменился в лице. Он пристально смотрел на Эми с того самого момента, как они с медсестрой вошли в палату. Питер, несомненно, заметил сверток в ее руке, но к подобным вещам он, похоже, вообще не проявлял интереса.

Эми положила сверток на кровать возле мальчика.

— Это для тебя выбирал Крэг,— солгала она.— Я подумала, что когда тебе надоест читать, эта штучка развлечет тебя.

Питер не сводил с нее глаз. Со стороны это выглядело бы даже неприличным, но Эми привыкла к мальчику, и поэтому улыбнулась как ни в чем не бывало.

— Хотя, может быть, с этой штучкой тебе будет весьма непросто разобраться. Это головоломка, и очень сложная. Я сама пыталась ее составить, но у меня ниче-гошеньки не получилось.

Всего сказанного, похоже, с лихвой хватило, чтобы заинтересовать Питера. Мальчик схватил сверток и глаза его заблестели. Потом он заморгал, давая понять, что благодарит Эми.

— А вот и твой обед,— объявила миссис Кейгл, услышав звонок, и направилась к выходу, чтобы занести поднос.

— О, сегодня у нас спаржа и отбивная,— воскликнула Эми, восхищенно принимаясь.— Я приду завтра и прихвачу тебе что-нибудь из города. Ты любишь жареные пирожки? Я тоже, а на ярмарку привезли палатку, там их и будут продавать. Я таких вкусных никогда не пробовала.— Эми указала на подарок.— А ты мне покажешь, как справиться вот с этим,— весело добавила она.— Ну, мне пора бежать.— Эми притворилась, будто спешит, потому что на самом деле ей хотелось посидеть с Питером еще несколько минут. Но его одиночество и болезнь выбили Эми из колеи. Она не знала, как помочь мальчику и боялась усугубить и без того нелегкое положение Питера.

На улице было ветрено, но не холодно: Небо прояснилось, и кое-где на темно-синем фоне уже проглянули первые звезды. Эми шагала, засунув руки в карманы куртки. Девушка была погружена в невеселые мысли. Эми здорово расстроилась. И прежде всего потому, что так и не смогла поговорить по душам с Питером Мэтисом. А еще потому, что не было рядом Крэга. Подойдя к стоянке, где она припарковала свой черный «мустанг», Эми взглянула на окно Крэга. Но оно даже не светилось, и девушка, вздохнув, села за руль.

Для Крэга эта неделя выдалась на редкость тяжелая: все вокруг только и говорили о призраке. На каждом углу шушукались о том, что в Шейдс, якобы, завелось семейное привидение. Тут же выплыла и трагедия семьи Янгов, которая явилась бессменной темой для пересудов, вытеснив из разгоряченных умов даже страшную автодорожную катастрофу, когда совсем недавно грузовик на полной скорости врезался в автобус. Два почтенных джентльмена заявили на днях шерифу, будто нос к носу столкнулись с призраком Майкла Янга. Шериф, конечно, по горячим следам бросился на поиски пресловутого Майкла. Но в обоих случаях выяснилось, что уважаемые горожане ошиблись, приняв за Майкла кого-то другого. Да и Крэгу несколько раз звонили разудалые юнцы, пытаясь сыграть с ним весьма злую шутку. Видимо, у них это считалось высшим пилотажем.

Однако в городе хватало и вполне серьезных людей, которые нисколько не усомнились в подлинности слухов о привидении. Да и сама Эми никак не могла твердо решить, на чьей же она стороне. Но, как только Эми выслушала до конца всю историю о страшной трагедии семьи Янгов, она начала склоняться к тому, что прав все-таки Крэг. А тот чуть было не затеял драку с одним фермером, который накануне вечером предложил Крэгу помощь своего родственника. Этот родственник якобы имел связь с потусторонним миром и при случае мог вступить в контакт с духом умершего Майкла Янга.

Эми вздрогнула, внезапно влетев в багряный вихрь листвы, который мчался над асфальтом. Миновав эту осеннюю круговерть, Эми улыбнулась мистеру Аллисону, ночному сторожу, который дежурил сегодня вечером. В конце концов, с какого это перепугу вздумалось ей дуться на Крэга, обвиняя его в том, что он, видите ли, не сопровождает ее на праздник. А о самом Крэге она подумала? И о том, что все будут тыкать в него пальцем и шушукаться за его спиной? Да, она, конечно, не удивится, если этот «часик» растянется на весь вечер, а потом, к самому завершению праздника, Крэг действительно найдет ее и, навешав ей лапши на уши, поста-

рается затащить в какое-нибудь другое укромное местечко, где они останутся, наконец, наедине друг с другом.

— Вот именно,— вслух проворчала Эми, чувствуя, как пылают ее щеки. Но неожиданно для себя самой ощутила облегчение.

Несмотря на городские сплетни, со времени последнего звонка миновала уже целая неделя, и тип, который заварил всю эту кашу, то есть Майкл-самозванец, с тех пор больше не объявлялся. Глядя на звездное небо, Эми радовалась в душе, надеясь, что эта странная и совершенно необъяснимая история наконец закончится.

А может быть, восставший дух Майкла Янга, разгуливая среди живых, исполнил свое заветное желание и отправился теперь в края дальние и неведомые? Обрел ли он покой, так необходимый сейчас и его брату, Крэгу?

Внезапно Эми осознала, что уж этого-то ей никогда не узнать. Она вдруг ощутила резкую и пронзительную жалость к самой себе.

* * *

Праздничная ярмарка, протяженностью в целых три квартала, расположилась на центральной магистрали округа Шейдс. Движение транспорта на улице пришлось перекрыть. Восточная сторона ярмарки представляла собой всевозможные карусели и кучу других аттракционов, принадлежавших братьям Бринкли. Здесь мелькали и вспыхивали разноцветные огни, звенели и лязгали цепи, зазывая прохожих от души повеселиться в этом шумном ярмарочном балагане. День города праздновался осенью, в самый разгар туристского сезона, да и вечер выдался теплый и ясный, поэтому и аттракционы, и торговый палаточный городок были битком набиты посетителями.

В этот вечер Хэп Уошбрук поднял на ноги всех своих сотрудников. Кроме того, и окружная дорожная полиция выслала несколько дополнительных патрульных машин

и регулировщиков уличного движения, которые теперь из кожи вон лезли, растолковывая водителям объездные маршруты. Короче, полиция трудилась в эти часы в поте лица, хотя сам Хэп тем временем благополучно отдыхал.

Шериф с удовольствием присоединился к Элен, Пэгги, Эми и Доремусу. Компания завалилась по дороге в кафе, где в гриле запекались аппетитные цыплята, и Хэп угостил всех ужином. Перекусив, они отправились в сторону аттракционов. Мужчины оставили Элен с Эми вдвоем, а сами вместе с Пэгги устремились к каруселям. Здесь они вдоволь накрутились и теперь размышляли, куда направиться дальше.

— Ну, и куда теперь, Пэгги? — осведомился Хэп, помогая девочке сойти с карусели. Пэгги, деловито и прицельно осмотревшись, указала на огромное чертовое колесо, грохочущее и сияющее неоновыми огнями. Элен побледнела, но Доремус сразу же взял Пэгги за руку, и они направились к колесу.

Заметив на груди Хэпа значок шерифа, молодые люди, обслуживающие колесо, пришли в легкое замешательство и тут же усадили Доремуса с Пэгги на только что освободившиеся места в кабине. И вот Доремус с девочкой уже взмыли вверх, к самым небесам.

— Боже мой, — пробормотала Элен.

— Эта штуковина только с виду кажется рухлядью, — поспешил успокоить ее Хэп. — Я собственноручно проверил здесь каждую гайку. Эми, может быть, мы тоже с вами прокатимся?

В этот момент к Хэпу подошел один из его помощников — высокий сутуловатый молодой человек. Из кобуры у него торчал внушительный пистолет с массивной рукояткой, инкрустированной перламутром.

— Шериф, — тихо шепнул юноша, — Инок просит вас заглянуть в участок на пару минут.

Хэп нахмурился:

— Что случилось?

— Вас кто-то спрашивает по телефону.

— Боже мой! — зашипел Хэп. — Я занят. Пусть передаст, что ему надо.

— Он уже и передал Иноку.

Хэп мучительным взглядом окинул помощника и упавшим голосом спросил:

— Ну и что там?

— Инок мне не сказал. Говорит, найди шерифа и пусть срочно подойдет в участок.

Хэп с сожалением посмотрел на заманчивое чертовое колесо, а потом повернулся к Эми. Он громко заговорил, стараясь перекричать и карнавальную музыку, и голоса ярмарочных зазывал:

— Девочки, мне надо отлучиться. Я вас найду минут через десять.— И в сопровождении своего долговязого помощника зашагал прочь.

Прошло полчаса, но Хэп так и не возвратился.

— Понятия не имею, что могло его так задержать,— удивился Доремус, когда они слезли с очередной карусели.— Но, похоже, произошло что-то из ряда вон выходящее, и мы вряд ли сегодня увидим Хэпа.

Раскрасневшаяся от возбуждения Пэгги подбежала к матери. Ее глазенки сияли от восторга:

— Мам, можно я еще раз прокачусь на чертовом колесе?

— Уже без четверти восемь, а в двадцать минут девятого ты должна быть в парке в своем костюме, поэтому нам пора идти.

— Ну, всего один разочек! — настаивала Пэгги, повиснув на руке матери, как тряпичная кукла.

— Ну-ка, выпрямись, и не веди себя, как маленькая. Я прошу тебя. Эми, может быть, ты хочешь остаться на тот случай, если вдруг Крэг...

— Нет, даже если он и появится, мы не найдем друг друга в такой толпе.— Эми виновато улыбнулась Доремусу, но он так и не понял, чему она улыбается.— Если никто не возражает, я пойду вместе с вами. Не могу же я пропустить дебют Пэгги!

Довольная Пэгги приняла позу хористки и нараспев затянула:

— «Индейцы окружили домик Мэри Гейтвуд, однако запугать ее им не удалось».

— По-моему, я это уже где-то слышала,— спохватилась Элен, а мрачное лицо Доремуса осветилось доб-

рой улыбкой.— Ну, будем надеяться, что Хэп не подумает, будто мы от него скрылись.

— Рано или поздно Хэп тоже придет в парк,— подержала Эми.— Там мы его и встретим.

* * *

Хэп сидел в машине с выключенными фарами и радиоприемником. На автомобиле отсутствовали опознавательные полицейские знаки. Битый час Хэп напряженно, до рези в глазах, вглядывался в мощный бинокль, пытаясь уловить хоть малейшее движение на том или другом берегу реки Компетишен. Это же название получил и весь парк по обеим сторонам реки.

Хэп притормозил ярдах в ста от условленного места. Шерифу удалось бесшумно пересечь парк и отыскать на редкость удачный для наблюдения укромный и потаенный уголок. Хэп двигался почти наугад, с потушенными фарами. Лишь лунное сияние освещало путь.

Пока все шло по плану. Рано или поздно незнакомец, назначивший встречу, потеряет терпение, начнет нервничать. Короче, так или иначе выдаст свое присутствие. Но, похоже, происходило все как раз наоборот. Нервничать начал сам Хэп. Да и бестолковое ожидание изрядно вымотало его. В какой-то момент Хэп вдруг решил, что его просто жестоко разыгрывают.

Спина разламывалась, и нестерпимо хотелось курить. Вокруг — ни души. Ни в крошечном заколоченном домике поблизости, ни на мосту над рекой, величественно несущей свои спокойные воды вдоль гигантских валунов, окаймляющих ее берега. Здесь, в этом заброшенном уголке, Хэп находился в полнейшем одиночестве, а чуть ниже по течению столпились тысячи и тысячи людей. Они веселились, принимая участие в праздничном представлении. Пожалуй, День города относился к тем немногим торжественным событиям, которые с неизменным упорством из года в год отмечали в округе Шейдс. Скоро начнется фейерверк. Хэпу страшно не хотелось пропустить это восхитительное

зрелище. Тем более что проторчал он здесь уже уйму времени и так и не видел карнавального шествия...

Шериф в который раз поднял бинокль и пристально всматрелся в даль. И вздрогнул. Впереди, у камней, мелькнула вдруг бледная тень — словно лунный блик на фоне пыльного зеркала — мелькнула и вновь растаяла... Было ли это чье-то лицо?

Хэп Уошбрук облегченно вздохнул и выругал себя за излишнюю доверчивость. Ох уж эти анонимные телефонные звонки!

«Присмотрись повнимательней,— сам себя убеждал Хэп.— Ничего страшного там нет».

Теперь шериф почти уверовал в то, что его разыграли, хотя поначалу ему было не до шуток. Поэтому-то он в буквальном смысле подкрался к условленному месту и целый час выжидал, заставляя себя поверить в то, что разговаривал он не с призраком.

Крики толпы, доносящиеся даже сюда, начали стихать, и Хэп невольно взглянул на светящийся циферблат своих часов. Без десяти девять.

Черт! Вот-вот начнется фейерверк.

Хэп возмущенно засопел и отстегнул от приборного щитка большой электрический фонарь на шести батарейках. И тут взгляд шерифа упал на двустволку, которую он почти всегда возил с собой на переднем сиденье.

— А зачем? — сам себя спросил Хэп, обдумывая, стоит ли брать с собой ружье. Однако сомнения с новой силой одолели его, и шериф, осторожно вылезая из машины, прихватил с собой и двустволку.

Хэп стремительно двинулся вперед с удивительной грацией, никак не соответствующей его грузной фигуре. В правой руке шериф сжимал фонарь, а в левой — наперевес — держал заряженную двустволку. Хэп пока не включал фонарь, ибо не хотел быть обнаруженным. Внезапно высоко над головой раздался треск. И тут же под синим бархатным куполом неба распустился фиолетовый букет салюта. Хэп застыл, восхищенно вглядываясь в красочное сияние. «Да, не зря наши жители платят налоги,— весело подумал он.— Две тысячи долларов за один фейерверк!»

Фиолетовые огоньки наконец погасли.

«Зрелище просто великолепное,— решил Хэп, отступив слегка назад и любуясь салютом.— Все небо полыхает.— Он вспомнил про фонарь.— Ах ты, черт, ведь теперь можно и эту штуку пустить в ход!»

На этот раз небо осветилось желто-зеленым пламенем. После очередного залпа наступила короткая пауза, а затем снова треск — и синий купол пробороzdили мерцающие огоньки. Они словно бегали по кругу, и Хэп уже забыл, как называются эти ракеты.

Шериф направился к реке, размышляя об Эми. Как это ей удастся сводить с ума мужчин одним только своим присутствием? Бог мой, вот уж загадка, так загадка! Жаль, если такая роскошная фемина выйдет замуж за племянника Элен. Хэп мрачно скользнул взглядом по водной поверхности, высветив фонарем целую кучу булыжников, осыпавшихся прямо на берег еще во времена она. Волны с шумным плеском ластились к берегу, а вдаль небо вдруг вспыхнуло ярко-красными сполохами салюта.

Хэп приблизился к заколоченному домику рядом с мостом. Шериф вслушивался в плеск волн, пытаясь уловить и другие, посторонние звуки. Дом действительно оказался запертым. На двери висел замок. Ставни заколочены. Ровным счетом ничего особенного.

«Наверное, надо перейти по мосту на другую сторону»,— решил Хэп.

Небо снова осветилось.

«А видок отсюда что надо»,— подумал шериф.

На середине моста он остановился, внимательно рассматривая огромные, отколовшиеся глыбы известняка, которые громоздились прямо на берегу, влажные и сверкающие от брызг.

Хэп заметил летящий камень лишь за мгновение до того, как тот попал в него. И как раз вовремя, чтобы выбросить вперед левую руку, иначе булыжник угодил бы ему прямо в лицо. Камень оказался небольшим, однако он больно ушиб Хэпа, и шериф тут же позабыл о фейерверке.

Он принялся обшаривать лучом фонарика окрестности, но так ничего и не обнаружил. Следующий

камень просвистел совсем рядом и, ударившись о парапет, упал в реку.

Шериф благоразумно решил ретироваться с моста поддобру-поздорову.

Пригнувшись, он поспешно бросился прочь с этого проклятого места и чуть было не поскользнулся о каменную глыбу возле самого берега. Волна тут же накрыла его ботинки.

Тишину вновь нарушило шипение ракет, которые вдруг с каким-то особым остервенением выплюнули в небо кучу пурпурных угольков. Даже речные валуны окрасились внезапно ярким, мерцающим багрянцем.

— Ну хорошо, вот я и пришел! — сердито крикнул Хэп. — А сам-то ты где?

Шерифу вдруг показалось, что чуть дальше по течению раздался странный всплеск, словно кто-то свалил в воду булыжник. Хэп сделал шаг вперед и, очутившись по щиколотку в реке, осветил фонарем водную гладь. Луч протянулся на добрую четверть мили и растворялся только в том месте, где начинался водопад. Хэп наобум шлепал по воде, пытаясь разглядеть хоть малейшие признаки жизни. И тут он опять заметил мелькнувшую на берегу тень. Хэп выбрался из воды, проклиная себя за то, что прихватил эту дурацкую двустволку — теперь она только мешала ему. Внезапно шериф подвернул ногу и, споткнувшись о мшистый булыжник, растянулся и до крови ободрал костяшки пальцев. Он снова выругался. Осветив берег, Хэп различил длинную косу, покрытую галькой, и поросший высокими деревьями горный хребет, круто вздымающийся над самым берегом.

— У меня заряжено ружье, — крикнул Хэп. — Я буду стрелять!

Сквозь плеск волн шериф вдруг отчетливо разобрал и другой звук. Всего в нескольких дюймах от себя он услышал чье-то тяжелое и учащенное дыхание, словно звериное. Сердце его бешено заколотилось.

Что-то похожее на бейсбольную биту с чудовищной силой ударило его по руке. С хрустом сломалась кость чуть выше локтя. Застонав от страшной боли, Хэп выронил ружье, и оно с грохотом упало на камни у его

ног. От удара Хэп поскользнулся и, не удержав равновесия, рухнул в реку. Стекло фонаря разбилось, а сам Хэп очутился по грудь в ледяном потоке.

Холодная вода моментально привела его в чувство и слегка ослабила боль. Шериф еле справлялся со стремительным течением, увлекающим его вниз по реке, к водопаду. Зажав в руке фонарь, Хэп кое-как, шаг за шагом, выбрался на берег. Вытянув вперед руку, шериф осветил фонарем камень, на который чуть было не напнулся.

И тут Хэп увидел его. Шериф застыл на месте, пораженный ничуть не меньше, чем в тот момент, когда слышал по телефону его голос. Голос Майкла. Хэп был настолько потрясен, что даже не осознал в первый момент одну страшную деталь. Двустволка, которую он только что выронил на берегу, была теперь нацелена ему прямо в лоб.

— Ты ведь любил мою мать, верно? Ты, как подлый трус, тайком занимался с ней любовью, однако защищать ее тебе и в голову не пришло.

Хэп почти не разбирал его слов. Он сосредоточился лишь на том, чтобы снова не соскользнуть в воду. Хэп попытался было подняться с колен и нащупать ногой точку опоры. Боль в руке становилась невыносимой, однако ему и раньше доводилось не раз испытывать ее. Он понимал, что надо сконцентрироваться и не обращать на боль никакого внимания.

Небо осветилось розовыми и золотистыми огнями. В голове Хэпа стоял туман, он ничего не слышал вокруг. Шериф не мог собраться с мыслями, единственной целью пока была попытка встать на ноги. Все остальное потеряло смысл. Даже тот факт, что он — Хэп Уошбрук — находился сейчас один на один с ангелом смерти. Поднявшись с колен, шериф еще раз заглянул в дула собственного ружья. В душе у него неприятно заныло, словно от предчувствия страшной опасности.

— Это штука может убить,— услышал Хэп свой голос.— Ради Бога, прошу тебя, только не стреляй.

В небо взвились очередные ракеты, расплосовав его на огненные и зеленые дорожки. Каждое слово давалось

шерифу сейчас с невероятным трудом. Странное это было чувство — стоять под прицелом собственного ружья, уставясь в эти мертвые, ненавидящие глаза. «Этого не случится, и завтра я опять встречу новый день», — пронеслось у него в мозгу.

Рано утром он проснется в своей кровати, наденет накрахмаленную зеленую рубашку с отполированным до блеска массивным значком и, чтобы побыстрее продраить глаза, завалится в ближайшую забегаловку. Там он выпьет кофейку и придет в себя. Услышит это знакомое «Доброе утро, шериф».

С каким-то печальным свистом взлетели новые ракеты.

«Здорово все-таки отсюда видно», — решил Хэп. И вдруг, задыхаясь от угасающей надежды, хрипло повторил:

— Эта штука может и убить

В этот момент грохнул дуплетный выстрел, и две пули одновременно пропороли грудь шерифа. Поток хлынула кровь, и умирающий Хэп рухнул в стремительные воды равнодушной реки.

* * *

Всеобщий восторг достиг, кажется, апогея. Небо было расцвечено сияющими огоньками, то и дело слышался треск взрывающихся петард, распускающихся многоцветными яркими букетами. Пэгги забралась на плечи Доремусу. Она здорово устала за сегодняшний день. Разглядывая ослепительный фейерверк, девочка сонно зевнула.

И вот раздался, наконец, последний залп, и небо погасло. Зрители, толпящиеся около огромного стофуттового водопада, начали понемногу разбредаться, двигаясь в сторону выхода. Мысли их были заняты обратной дорогой, ведь возвращаться приходилось на битком набитых автобусах.

— Что, уже все? — сразу же сникла Пэгги. Эми ласково похлопала ее по коленке. Девочка была одета в

костюм американских первопроходцев, который Элен сшила ей собственными руками. Пэгги так и не переоделась после представления, а щеки ее продолжали алеть густо накрашенными румянами. В ходе спектакля Пэгги с таким жаром и пафосом декламировала свою единственную фразу, что тут же сорвала дружные аплодисменты восторженных зрителей.

— Да, воробушек, в конце праздника всегда бывает чуточку грустно, — заметила Элен. Они стояли у самого подножия водопада — путь до стоянки предстоял довольно утомительный, а Элен за последние несколько часов ни разу не присела. Она подумала вдруг о том, что неплохо было бы опереться на Доремуса. Но как он к этому отнесется? От усталости у Элен начинала кружиться голова.

— А тебе что, не понравилось? — спросила Пэгги.

Элен открыла было рот, собираясь ответить дочке, но тут вдруг в небо взвились ракеты — то был прощальный залп. Красный, синий и белый цвета на этот раз символизировали национальный флаг.

Толпа восхищенно загудела, а затем все начали торопливо расходиться.

И тут пенящийся поток вынес на поверхность тело. Труп стремительно приближался, затем вдруг замедлил движение и, развернувшись на подводных камнях, понесся дальше, увлекаемый быстрым течением. Голова трупа была неестественно наклонена вбок, руки раскинуты. Достигнув водопада, тело сорвалось вниз и на какое-то время задержалось у основания.

Люди застыли, словно пригвожденные к месту. Уставившись на труп, они как будто ожидали, что им вот-вот растолкуют смысл этой глупой шутки. Ибо никто в эти минуты не мог смириться с тем, что труп — настоящий. Ощущение торжества не покидало людей, хотя сам праздник уже завершился.

Еще несколько минут тело то появлялось, то исчезало в кипящей пене водопада. Но вот поток вытолкнул труп, и его снова повлекло вниз по реке. Внезапно перед остолбеневшими от ужаса людьми мелькнула разорванная зеленая рубашка и на ней — блестящий шерифский значок, знакомый каждому горожанину. Взгляд шерифа,

словно погруженный в бесконечную задумчивость, застыл и был обращен в небо.

— Боже мой! — воскликнула Элен и закрыло лицо руками, чтобы не видеть, как в страшной, неестественной позе проплывает мимо тело Хэпа Уошбука.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ночью, в час десять, у дома Коннелли остановилась патрульная машина. Из нее вышел Доремус. Элен уже поджидала его и сразу же проводила бывшего следователя на кухню, где Крэг и Эми пили виски. Доремус таким жадным взглядом уставился на бутылку, что Элен тут же без слов налила ему стаканчик.

Крэг и Эми с ходу засыпали следователя градом вопросов.

Доремус походил сейчас на выжатый лимон. Все это время он обшаривал берег, и, когда поднял стакан, отливающий радужным сиянием, руки его задрожали. Не ответив ни на один вопрос, Доремус сделал большой глоток и раскурил сигару.

— Машина Хэпа припаркована неподалеку от мостика у заброшенного дома, — наконец заговорил он. — Она была надежно спрятана, словно Хэп боялся оказаться замеченным. Место, откуда Хэп упал в реку, мы быстро нашли: он выронил фонарь, но тот все еще работал. Там же лежала и его двустволка, стреляли из нее. По ранам можно определить, что в Хэпа стреляли с очень близкого расстояния.

— Но кто? — вскричал Крэг.

Доремус снова отхлебнул виски.

— Он сам, — пробормотал следователь.

На лице Эми отразилось крайнее изумление, она недоверчиво покачала головой. Доремус уловил этот взгляд и пояснил:

— Похоже, Хэп искал там что-то. Или кого-то. Он потерял равновесие и выронил ружье. И оно выстрелило

либо в тот момент, когда падало из его рук, либо когда Хэп попытался поднять его. Это ближе всего к истине. Утром патруль прочешет там каждый дюйм, а к вечеру будет готово заключение патологоанатома. Тогда, возможно, у нас появятся и другие версии.

— Но ведь сами-то вы не считаете, что это несчастный случай,— вмешался Крэг.

— Хэп всю жизнь имел дело с оружием. Мало вероятно, чтобы он выронил его. Но и не исключено.

— Может быть, Хэп сцепился с каким-нибудь прощелыгой, и тот выхватил у него ружье? — предположила Эми.— Вы же сами сказали, что шериф поджидал там кого-то и скрывался. Значит, он знал, что встретит этого человека.— Эми настолько разгорячилась, что чуть было не опрокинула полный стакан виски, стоявший перед ней.— Элен, помните, вечером к Хэпу подходил помощник? Я не слышала весь разговор, но вроде Хэпу кто-то позвонил и просил его срочно явиться в полицейский участок. Этот звонок, похоже, является очень ценной ниточкой. Сдается мне, он каким-то образом связан с убийством.

— Но пока еще не установлено, убийство ли это,— напомнил Доремус. Он многозначительно посмотрел на бутылку, и Элен подлила ему виски.

— Убийство или несчастный случай... самое ужасное, что Хэп погиб,— подхватила она.— И похоже, Шейдс становится веселеньким местечком.— Элен опустила на стул и нервно сжала кулаки.

Крэг взглянул на Эми, та кивнула, и они одновременно поднялись.

— Уже очень поздно,— спохватился Крэг.— Нам пора. Элен, давайте завтра же перебирайтесь все ко мне, а? — Скользнув взглядом по Доремусу, Крэг секунду поколебался, а потом добавил: — И вы, Доремус.

— Спасибо,— поблагодарил Доремус. Лицо его осветилось улыбкой. Однако она не скрыла его напряженных раздумий.

— Вы сами доберетесь домой? — поинтересовалась Эми.

— Разумеется.

— Крэг, я не уверена насчет завтрашнего дня,— торопливо заговорила Элен.— Я тебе еще позвоню.

— Хорошо, договорились. Нет, не надо нас провозжать. Сидите.

Выйдя из дома, Эми попыталась успокоить Крэга и, недолго думая, затараторила:

— Ты не заметил, они начали обращать друг на друга чересчур много внимания.

— Что?

— Ты ничегошеньки не заметил. Я имею в виду то, как Доремус засматривается на Элен. По-моему, он и сам еще не понял, что уже втюрился, но я-то уверена...

— Эми, замолчи, ради Бога,— нахмурился Крэг.

Эми обиделась, и, пока они садились в машину, девушка молчала. Но как только машина отъехала, Эми, словно оправдываясь, продолжила:

— Элен давно пора замуж. Ей нужен мужчина в доме.— Глаза Эми заблестели.— Как, впрочем, и большинству женщин.

Крэг нервно дернул рычаг скорости.

— Если уж она соберется выйти замуж, то только не за этого... оборванца-рыболова, или чем он там занимается.

— Ты несправедлив к Доремусу. Его нелегко понять, но... Я не думаю, чтобы он остаток своих дней проторчал на реке, не так он устроен. По возрасту Доремус подходит Элен — ему лет сорок пять — немногим больше, чем ей. Просто за ним никто не ухаживает, и поэтому он небрежно одевается — это его и старит. По-моему, в его жизни что-то стряслось и он пытается прийти в себя.

Крэг прищурил глаза, будто вспоминая какой-то страшный эпизод.

— Я надеюсь, Элен не упустит своего шанса,— не умолкала Эми.— Да к тому же не больно густо в наших краях с подходящими для нее женихами...

— Эми, я, кажется, просил немного помолчать. Послушай, у меня голова просто раскалывается, и я...

— То есть, «держись от меня подальше, Эми». Ты

это хотел сказать? А ведь я тебя сегодня прождала целых четыре часа.

Крэг внезапно затормозил посреди пустынной улицы и уставился на Эми. Девушка была расстроена и даже не пыталась скрыть этого.

— Ну, прости меня,— выдавил, наконец, из себя Крэг после долгой и неуютной паузы.

— Это уже было.

— Нет, Эми, я в самом деле виноват...— Лицо его сморщилось, и Эми забеспокоилась. Ей показалось, что он вот-вот заплачет. Однако Крэг тут же справился с нахлынувшими чувствами, и через несколько секунд заговорил как ни в чем не бывало: — Я не в самой лучшей форме нынче, но все равно... мне хочется, чтобы сегодня ночью ты была рядом. Всю ночь, Эми. Мне как никогда хочется этого.— Он закрыл глаза и прижался лбом к рулю. Эми коснулась его плеча и почувствовала, что Крэг напрягся.

— Что случилось, Крэг?

— Помнишь, что сказала Элен? Что в Шейдс стало опасно. А ведь я прожил здесь всю свою жизнь. И вот теперь невесть откуда появляется зло, меня захлестывает страх. Мне в самом деле страшно. Я боюсь ЕГО, Эми. Своего собственного брата Майкла.

Эми застыла, не в силах пошевелиться. Эти слова буквально сразили ее.

— Теперь я наконец поверил. Я знаю, что это делает Майкл. Он каким-то образом убил их обоих, Эми.

— Майкл не имеет никакого отношения к смерти Хэпа. Его... его ведь не было там, в парке.

— Разве не было? — похолодел Крэг и бросил на Эми взгляд, полный ужаса.— А откуда тебе это известно?

* * *

Доремус опрокинул третий стакан виски и почувствовал, как живительное тепло разливается по всему его телу. Весь вечер напролет Элен сидела как воды в

рот набравши. Она тщетно пыталась выкинуть из головы образ Хэпа — перед ее мысленным взором то и дело пенящийся поток выносил труп шерифа. В конце концов Элен поняла, что если она многократно переживает в памяти это чудовищное зрелище, то быстрее успокоится. И тогда она перестала пытаться забыть о Хэпе. Постоянное прокручивание в мозгу одной и той же картины медленно, но верно стирало остроту впечатления. Спасительные слезы не приходили к Элен. Видимо, нервная система не очень-то спешила разрядиться.

— Не желаете ли еще выпить, Доремус? — вежливо осведомилась Элен.

Ей хотелось, чтобы он побыстрее ушел, хотя и одной оставаться сейчас было страшновато. Но еще ужасней казался новый, пока неведомый кошмар. И в задумчивом взгляде следователя Элен уже улавливала отблески каких-то жутких грядущих событий.

— Нет, благодарю вас, — отказался Доремус. — Еще немного виски, и я начну буяннить. Или, что еще хуже, превращусь в отвратительного зануду.

— Не могу представить себе, что вы способны буяннить.

Доремус наклонился вперед и, положив на стол руки, сцепил пальцы.

— Один раз в году я позволяю себе поколобродить, — признался он. — Мне это необходимо. Чтобы снять напряжение. — Для убедительности следователь кивнул. — Вы не представляете себе, как это сложно — расследовать убийства. Это тяжкий труд. Ну конечно, случалось, что в два, а то и в три года почти сразу раскрыть преступление, но...

Перед Элен стоял пустой стакан. Внезапно Доремус поднял его и наполнил виски. Элен удивленно посмотрела на следователя.

— Попробуйте выпить, — предложил он. — Вы неважно выглядите. Мне не нравятся эти синяки под глазами... У моей жены болела печень, и у нее постоянно появлялись такие же... Так что, пожалуйста, выпейте...

Элен терпеть не могла виски и собралась было объявить об этом, но слова застряли в ее горле: уж больно

искренне звучала просьба Доремуса, а взгляд его был таким умоляющим, что женщина так и не нашла в себе сил отказать следователю.

— Нет, я чувствую себя нормально,— возразила она.— Просто... просто я очень устала.

— Для вас это был страшный день, я понимаю.— Доремус сочувственно покачал головой, а потом подмигнул ей с напускной серьезностью. Элен так поразило это неуместное подмигивание, что она от неожиданности осушила почти весь стакан. А когда жжение в пустом желудке улеглось, Элен с удовлетворением отметила про себя, что виски и в самом деле обладает успокаивающим эффектом. Она перестала дрожать, стены в кухне как будто немного сдвинулись, да и свет стал мягче. Элен завороченно устала на переплетенные пальцы Доремуса. «Слишком поздно»,— подумала она, но и это не имело теперь значения. Руки Доремуса были большие и сильные, и ей нравилось рассматривать их.

Он снова наполнил ее стакан и, немного поколебавшись, плеснул себе. Доремус опустился на стул, который тут же заскрипел под ним. Над плитой в полной тишине громко тикали часы. Элен пришла в себя и, заметив полный стакан, выпила, не раздумывая.

— Сегодня вечером Хэпу звонил Майкл, да? — уверенно произнесла Элен, и следователь после секундного замешательства печально кивнул.

Элен горько усмехнулась.

— А потом он убил Хэпа.

— Я не знаю, что происходило там, у реки. Пока Майкл — это только голос в телефонной трубке, не более.

— Что же он сказал Хэпу?

— Об этом знал только сам Хэп. Помощник, который поднимал трубку — как его? Инок... Инок Милс — знаете такого? — так вот, он ничего не смог нам сообщить.

— Но это точно был Майкл. Вот вы говорите — голос в трубке. А он может оказаться где угодно. Он видит нас всех и хочет убить!

Доремус окинул Элен быстрым и цепким взглядом.

— Почему вы так говорите?

Элен не знала, что ответить. Страх вновь овладел ею.

— Он вам угрожал? Может быть, он звонил вам еще раз, но вы забыли мне рассказать?

— Нет...

— Тогда почему вы считаете, будто он хочет вас убить?

— Потому что он должен ненавидеть меня! Он то и дело сбегал из дома. И вот однажды, когда он в очередной раз вернулся, матери уже не было в живых, она умерла... она умерла в больнице, куда отправила ее я, и он обвиняет меня, он обвиняет меня, так было всегда, и он...— Элен тряхнула головой и не договорила, беспомощно уставившись на Доремуса.— В общем, надо перестать думать о нем,— тихо добавила она.

— Мальчики были просто неуправляемыми,— попытался возразить Доремус,— и ваша сестра с ними не справлялась. Если верить Хэпу, то она и со своими слабостями не могла справиться.— Элен вздрогнула, услышав последние слова, но Доремус, словно не замечая этого, продолжал:— И другого выхода, кроме как поместить ее в психиатрическую лечебницу, у вас и не было. Да, она там умерла, и это прискорбно, но вы ведь искренне хотели ей помочь.

— Теперь я жалею, что вообще приехала сюда, в Шейдс.— Элен встала, подошла к стеклянной задней двери и через нее посмотрела на улицу.— Хотя нет, это, наверное, не так. Я любила Эда. И что бы я сейчас делала без своей Пэгги? Но я сомневаюсь, что мне хватит... мужества пережить такое еще раз. Бедная, насмерть перепуганная Алиса, и Майкл, непослушный, своенравный, постоянно сбегающий из дома. Я ничем не могла ему помочь.— Элен опустила голову.— Мне самой хочется бросить все к чертовой матери, забрать из школы Пэгги и рвануть отсюда куда глаза глядят. Но этим я бы только напугала дочь, и, кроме того, я не уверена, изменилось бы от этого что-нибудь. Я ведь и на новом месте не поднимала бы телефонную трубку, вздрагивала бы от каждого стука или звонка в дверь, потому что каждый раз думала бы, что это, наверняка,

опять Майкл. Этот маленький мертвый мальчик. Пару дней назад я возле школы поджидала Пэгги, и сзади ко мне подошел мальчишка. Внешне он нисколько не походил на Майкла, но лишь взглянув на него, я почувствовала, что еще немного — и потеряю сознание. Причем все это происходило средь бела дня. Тысячу раз я твердила себе, что все это — чепуха, что призраков не бывает, но неизменно внутренний голос шептал мне потом: «А вдруг?». Два моих добрых друга уже погибли неизвестно от чего, а он продолжает звонить.

Доремус мрачно смотрел на несчастную женщину и молчал; да и как он мог ее утешить, если ответа к этой страшной загадке с Майклом просто не существовало? И тогда Доремус, как бы размышляя вслух, поинтересовался:

— А какие отношения были у Майкла с доктором Бриттоном? Они ладили между собой?

— Ладили?.. Да они почти и не виделись. Пару раз, кажется, Энди лечил Майкла от простуды или какого-то детского заболевания, но я точно не помню. Я ведь и сама плохо знала доктора в те годы.

— А Хэп был уже тогда шерифом?

— Да.— Элен, не дожидаясь следующего вопроса, затараторила: — И Майкл знал его немного лучше, чем доктора. Пару раз, когда Майкл убегал из дома, сотрудники Хэпа находили его и приводили к шерифу; Хэп сам доставлял Майкла домой. Он хорошо относился к мальчику, я бы сказала, с сочувствием. Хэп даже пытался подружиться с ним, но никому из нас так и не удалось сойтись поближе с Майклом.

— Давайте предположим, что Майкл жив. Могут ли у него возникнуть причины желать этим людям смерти?

— Как это — жив? — Элен вздрогнула.— Неужели вы считаете...

— Да я сам ничего не знаю,— грустно вздохнул Доремус.— Я просто так, с потолка беру самые невероятные теории и пытаюсь добраться до истины. Ну так что, Элен? Я уже понял, что мальчик сердился на вас, но что он мог иметь против доктора и Хэпа? Попробуйте вспомнить какую-нибудь мелочь, которая со временем могла бы перерасти в повод для мести. Ведь людей

убивают по многим причинам, и совсем не обязательно, что убийцей оказывается закоренелый преступник. Хотя... подождите-ка секундочку.— Глаза следователя заблестели.— Наверное, я задаю дурацкие вопросы.— Ведь дело не в том, как они относились к Майклу. Их отношение к его матери — вот что важно! — Доремус посмотрел на Элен, словно ища поддержки, но женщина, казалось, была ошеломлена и ничего не понимала.— А мог ли в те годы доктор Бриттон быть любовником вашей сестры?

— Что вы такое несете! Конечно, нет.

— Может, вы просто ничего об этом не знали. Ведь доктор был знаком с Алисой, и довольно близко, а у нее, как известно, частенько менялись дружки. И если эта связь продолжалась некоторое время, то его жена обязательно должна знать об их отношениях. Надо будет спросить у нее.

— Да как же вы сможете даже заикнуться об этом в присутствии Эльзы!

— Запросто. Я ко всему привык на своей работе.

— Это точно! — выпалила Элен и, замолчав, снова уставилась в темноту. Но Доремус, пропустив мимо ушей ее замечание, продолжал развивать свою теорию:

— Ну, что касается Хэпа, то он от рождения бабник. Я это точно знаю. И такую симпатичную женщину, как ваша сестра, он бы не пропустил.

— Я в этом не уверена,— напряженно произнесла Элен.— Во всяком случае, если поначалу она и явилась для Хэпа лишь очередным развлечением, то под конец шериф вел себя так, будто искренне полюбил мою сестру, несмотря на все неприятности, которые ему пришлось из-за нее перенести. И Хэп не хуже меня понимал, что ей необходима помощь психиатра. В тот день, когда я перевозила Алису в больницу, он поехал с нами. Всю дорогу Хэп развлекал ее, шутил и пытался отвлечь от грустных мыслей. Ведь Алиса считала, что ей придется жить в заточении, как в настоящей тюрьме.

— Итак, вы с Хэпом решили поместить ее в психиатрическую клинику. Но для этого необходимо специальное заключение терапевта, подтверждающее недееспособность Алисы.

— Да, все документы подписал Энди.

— Человек с больной психикой счел бы подобное заключение вполне веской причиной для того, чтобы убить доктора — ведь тот фактически подписал ей смертный приговор, — рассуждал Доремус. — Скажите, а вашу сестру поместили в больницу после суда?

— Да. Судью звали Скофилд, но он умер несколько лет назад. — При этих словах Доремус с любопытством взглянул на Элен, и та продолжала: — По-моему, у него случился сердечный приступ. — Элен не спеша приблизилась к столу и села. Сейчас она выглядела скорее заинтригованной, чем перепуганной: — По-моему, просто невероятно, чтобы Майкл выжил после той метели. Да и пальто его нашли, я сама опознала его. Кроме того, обнаружили и скелет. А принадлежать он мог только Майклу.

— Насколько мне известно, не проводилось никаких медицинских экспертиз, которые бы установили, как долго пролежали эти останки в лощине. Никто, например, не идентифицировал зубы по стоматологической карте мальчика. В этом Хэп, безусловно, проявил небрежность. Не исключено, что найденные останки принадлежали совершенно другому мальчику, например, из гринлифской школы. Этот мальчик мог точно так же убежать и погибнуть, но случилась эта трагедия гораздо раньше, много месяцев тому назад, а то и лет. Это легко проверить. Думаю, ваш племянник поможет мне в этом.

— И все равно я не верю, что Майкл жив, — стояла на своем Элен. — Если так, то где же он пропадал все эти годы? И как ему удалось выжить?

— Он вовсе не глуп, — развивал свою теорию Доремус. — Ведь когда он исчез, то был уже вполне самостоятельным человеком. Из собранных фактов напрашивается вывод, что мальчик очень решителен, хорошо знает лес и безошибочно в нем ориентируется. Такой не пропадет. — Следователь вертел в руках незажженную сигару и размышлял вслух: — Мне как-то проще поверить в живого, реально существующего Майкла, нежели в его призрак, — уверенно добавил он. — А если мальчик жив, то все это время он находился в Шейдс или, скажем, в его окрестностях. А что, если вы сами сотни раз

встречали Майкла и не узнавали его? Вас-то он, конечно, не забыл, но вы сами не обращали на него никакого внимания.— Элен хотела было возразить, но Доремус жестом остановил ее: — Нет-нет, вы бы его просто не узнали и не заметили. Похоже, что Майкл Янг — умный и изворотливый маньяк-убийца. У него есть свои причины, чтобы скрываться и чтобы убивать. Теперь он по-настоящему пугает меня.

— А что вы скажете по поводу телефонных звонков, Доремус? Ведь мне звонит не взрослый человек, а маленький мальчик.

— Да, и это тоже меня здорово тревожит. Долго же он, видимо, вынашивал свой план! Все тщательнейшим образом продумано. Ведь то, что он позвонил сначала именно вам, вовсе не случайно.

Элен бросила на Доремуса непонимающий взгляд.

— Я уверен, что он получил огромное удовольствие, разделившись с доктором и Хэпом, но, тем не менее, они явились случайными персонажами в трагедии его матери. Именно вы должны понести самое тяжкое наказание за то, что с ней произошло. Ведь это из-за вас ее отправили на верную смерть, как он считает. Вы вмешались в их жизнь, исковеркав ее! Тогда Майкл и возненавидел вас с такой нечеловеческой лютостью, что это заставило его превратиться в настоящего убийцу.— Элен закрыла глаза, почувствовав приступ головокружения. Доремус испуганно заерзал на стуле и попытался успокоить несчастную женщину: — Но Майкл не призрак и, следовательно, при всей своей изощренности он не вездесущ. Мне думается, что...

Внезапно Элен вскочила и бросилась из кухни. Доремус тут же последовал за ней. Но, заметив, как женщина заспешила вверх, на второй этаж, он догадался, что сейчас происходит в ее душе. Доремус спокойно вернулся на кухню и, задумавшись, взял в руки стакан с виски. Сделав глоток, он поставил стакан на место, затем убрал со стола посуду и начал мыть ее. К этому времени вернулась Элен. Она была по-прежнему бледна, но, похоже, немного успокоилась.

— Простите, я подумала, что... Мне надо было проверить, как там Пэг.

— Ну, и как она там?

— Спит крепко.— Элен встревоженно посмотрела на следователя: — Вы же сами сказали, что Майкл хочет заставить меня страдать. Как вы думаете, сможет ли он что-нибудь сделать с Пэгги? Если он ненормальный, то он способен на...

— Я даже предположить не могу, каким будет его следующий шаг,— признался Доремус.— Пока что ему хватило ума и осторожности, чтобы не появляться вблизи вашего дома. Но если мои догадки верны и вы — следующая жертва в страшном списке, то ему волей-неволей придется объявиться.

На лице Элен ровным счетом ничего не отразилось, но, когда она схватилась за спинку стула, Доремус заметил, как дрожат ее побелевшие пальцы.

— Как же нам его найти? — в ужасе выдохнула Элен.— Прежде чем он позвонит, прежде чем он появится здесь. Я не знаю, стоит ли мне, может быть...

— Утром я переговорю с Иноком Милсом,— не повышая голоса, перебил ее Доремус.— Я пару раз видел его и с точностью могу сказать, что это неплохой полицейский. Будучи первым помощником шерифа, Милс может заняться расследованием по делу Майкла Янга и помочь вам. Я попрошу его об этом и попытаюсь убедить, что это крайне необходимо. Милс тщательно проверит всех, кто может носить личину Майкла... Правда, на это потребуется время, и я не больно-то рассчитываю на успех. А пока самым разумным было бы отправить Пэгги к родственникам.

Некоторое время Элен не отвечала.

— Это невозможно,— вымолвила, наконец, она.— Лучше нам уехать с ней вдвоем на несколько недель или на все это время, пока вы будете разыскивать Майкла.

— Нет, Элен, вы, к сожалению, должны оставаться здесь.

— Что вы хотите этим сказать? — возмутилась Элен.— Оставаться и ждать, пока он меня прикончит? Какой смысл...

— Если вы покинете Шейдс, Майкл, разумеется, последует за вами, и тогда у меня не останется ни

малейшей возможности помочь вам. Пока вы здесь, защита будет обеспечена. А если все хорошенько обмозговать, то и Пэгги лучше никуда не уезжать. Пока она находится в школе, за ней будет постоянно следить один из помощников шерифа. Таким образом, мы не спугнем Майкла. Ничего не должно отвлекать его внимания от вас — и от меня тоже.

— И что же вы намерены предпринять?

— Я хочу дать понять Майклу: если он собирается причинить вам зло, то для начала ему придется убить меня.— С этими словами Доремус раскурил крохотную сигару, которую вертел в руках.— Сдается мне, Майкл примет вызов.

— Откуда вам известно, что он попытается вас убить?

— У него не останется другого выхода. Потому что с этого момента я буду находиться рядом с вами двадцать четыре часа в сутки.— Услышав такую новость, Элен нахмурилась.— Он не глуп и сразу смекнет, почему я не выпускаю из виду ни вас, ни Пэгги. А так как до сих пор ему везло, Майкл непременно захочет довести свое дело до конца и отомстить. И насколько я его понимаю, мое присутствие вряд ли серьезно озадачит его, поэтому нам остается выжидать момент, когда Майкл допустит какую-нибудь оплошность.

— И вы собираетесь остаться со мной? — спросила Элен, стараясь подавить в голосе испуг.

— Я предпочел бы первый этаж,— рассеянно откликнулся Доремус.

— Вы знаете, по-моему, там нет подходящей комнаты...

— Я смог бы воспользоваться вашим кабинетом. О лучшем уголке и мечтать нельзя. Помнится, там стояла какая-то кушетка или диванчик? Давайте наведем ваш кабинет еще разок.— Доремус двинулся по темному холлу, Элен беспомощно следовала за ним.— А это что — вход в подвал? — Следователь распахнул дверь и, мельком взглянув на замок, нахмурился.— Не годится,— пробормотал он.— Надо поставить прочный засов. С утра пораньше я и займусь этим.— Доремус

закрыв дверь и направился дальше.— А вон там под лестницей ванная комната, верно?

— Почти. Самой ванны там нет, только душ, и он, честно говоря, не очень...

— Ну, там-то мне придется только бриться,— бодро отозвался Доремус, поворачивая в фойе выключатель. На пороге кабинета он остановился и по-хозяйски окинул взглядом великое множество антиквариата. Диван, о котором он упомянул, оказался прелестной — викторианского стиля — кушеткой пяти с половиной футов в длину.

— Великолепно,— прокомментировал Доремус.— И здесь нет окон. Вот это мне уже нравится.

— Если нужно, я могу кое-что отсюда убрать...

— Не стоит беспокоиться, здесь просто прекрасно. А если вдруг утром у вас выпадет свободный часок-другой, можно будет сгонять ко мне за вещичками.

— Но на этом диване нельзя спать. Это все равно, что проваляться целую ночь на асфальте.

— Я сплю только в том случае, если мне больше нечем заняться,— возразил Доремус.— Наверху у вас я заметил великолепные старинные шахматы. Если не возражаете, я позаимствую их на несколько дней.

Элен молча уставилась на следователя, все еще не осознавая до конца происходящего, а потом вымолвила:

— Вы что, серьезно хотите остаться здесь?

— А вас это не устраивает?

— Нет-нет, все в порядке.

— Надеюсь, мое присутствие не слишкомотяготит вас?

— Ну что вы... все будет хорошо. Что ж, надо так надо.— В глазах у Элен от усталости начиналась резь.— Сейчас принесу вам постельное белье и свежее полотенце. А потом, наверное... пойду спать.

— Неплохая мысль, спокойной вам ночи. Вы не возражаете, если я поднимусь вместе с вами?

— Зачем?

— Мне надо изучить планировку дома.

— А-а...

Они медленно шагали вверх по лестнице. Доремус то и дело останавливался, когда под ним раздавался скрип

ступеньки. Каждый шорох, каждый подозрительный шум он старался отметить про себя. Очутившись на втором этаже, Доремус вошел в спальню Элен и долго наблюдал из окна, запоминая каждое деревце на заднем дворе. Потом, распахнув одно из окон, он высунулся по пояс и внимательно изучил контуры крыши. Убедившись, что на второй этаж без лестницы не заберешься, Доремус удовлетворенно закрыл окно на щеколду и захлопнул ставни.

Элен доставала из стенного шкафа простыни, когда Доремус наконец вышел из ее спальни.

— А где спит Пэгги? — на пороге прошептал он.

Элен указала ему комнату. Следовательно осторожно отворил дверь и заглянул внутрь, а потом, так же тихонько закрыв ее, повернулся к другой комнате, расположенной напротив

— Это кабинет моего мужа, — объяснила Элен, подходя к нему с целым ворохом простыней и чистых полотенец. — Там до сих пор остались его вещи, и я...

— Я там ничего не трону, — пообещал Доремус и вошел внутрь. В темноте его сигара светилась красным угольком. Элен вздохнула и зажгла верхний свет.

— Неплохая коллекция оружия, — констатировал Доремус, указывая на небольшой стеклянный шкаф возле двери.

— Мой муж был егерем. А вы любите оружие?

— Нет. Но я знаю, как с ним обращаться. — Он указал на автоматический кольт 22-го калибра. — Вот этот подойдет, если, конечно, у вас есть к нему патроны.

Элен удивленно взглянула на следователя.

— Если он вдруг придет, возникнет необходимость стрелять, — терпеливо пояснил Доремус.

— Вы и в самом деле верите, что Майкл забредет к нам?

— Я не в курсе его дальнейших планов. Я только делаю предположения. Однако я, возможно, ошибаюсь, и вся моя теория ни на что не годится... — Он потушил сигару. — Придется ждать, — печально добавил Доремус.

Элен раскрыла стеклянные дверцы шкафа и достала пистолет, а потом выдвинула ящик, где хранились боеприпасы.

— Они лежат здесь уже долгие годы,— заметила она, с сомнением разглядывая коробки с патронами.

— Это не имеет значения.— Доремус осмотрел пистолет. Тот был хорошо смазан и, следовательно, вполне пригоден. Доремус с удовольствием засунул его себе за ремень. Затем, взяв простыни и полотенца, он поспешил в коридор.— Вам нет необходимости спускаться со мной, Элен. Я прекрасно управлюсь сам. Спокойной ночи.

Следователь направился к лестнице, а Элен потушила свет в кабинете мужа и плотно закрыла дверь. У самых ступенек Доремус вдруг на секунду замешкался и обернулся:

— Не волнуйтесь,— прошептал он, будто Элен только и ждала от него этих слов, а потом начал спускаться вниз, в фойе.

«Не волнуйтесь»,— печально повторила про себя Элен и, направившись в спальню, принялась стелить постель.

Она надеялась, что сразу же уснет, но вместо этого в голову лезли разные мысли и воспоминания: страшные и добрые, грустные и веселые... «Бедняга Хэп, ты же не хотел причинить никакого вреда моей сестре, я это знаю... Майкл, неужели ты действительно возненавидел меня за то, что я натворила? Ты ведь никогда не говорил, что ненавидишь меня, почему же теперь ты желаешь моей смерти?» Элен как ни старалась, так и не смогла представить себе Майкла живым, взрослым мужчиной, который пытался теперь убить ее. Он виделся ей брошенным, жалким мальчонкой. «Как же тебе должно быть одиноко сейчас, Майкл!» Элен задремала, и последним, о ком она подумала в ту ночь, был Доремус. Она уже не испытывала никакой тревоги. Ведь там, на первом этаже, остался Доремус со своими крошечными сигарами, пистолетом и шахматами — надежным лекарством от скуки. Так что теперь наступило время спокойно поспать.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Эми проснулась на рассвете от шума мотора. Там, внизу, действительно тарахтел автомобиль Крэга. Девушка повернулась на бок, с трудом разлепив глаза, провела рукой по простыне, где Крэг только что лежал. Простыня была еще теплой. Эми обеими руками обняла его подушку и, прижав ее к обнаженной груди, вздохнула и снова погрузилась в сладкий сон.

Через некоторое время она опять проснулась — на этот раз от телефонного звонка.

Эми села в кровати.

— Крэг? — позвала девушка и тут же вспомнила, что он недавно уехал.

Эми взглянула на часы — без четверти восемь.

— Что же ты меня не разбудил? — сердито пробормотала она.

Телефон не умолкал. Эми широко зевнула, потянувшись, и сняла наконец трубку.

— Алло?

— Я хочу поговорить с Крэгом.

— Что?

— Дайте мне Крэга, — повторил детский голос.

— Крэга... — пробормотала Эми, собираясь с мыслями. — А Крэга здесь нет... Сейчас только восемь часов. С какой стати ему здесь быть? Кто это говорит?

— Он был здесь, — с отчаянием в голосе выдохнул мальчик. — Он спал рядом с вами. Куда он уехал?

— Ты звонишь из школы? — Эми почувствовала, как ужас исподволь начинает заползать в душу. — Кто ты?

— Майкл, — выпалил мальчик, — и я хочу..

— Майкл?

— ...поговорить с Крэгом.

— Майкл Янг? — Несколько секунд оба напряженно молчали. Когда Эми, наконец, заговорила, ей вдруг почудилось, будто у нее внезапно пропал дар речи. — Что?.. Зачем тебе нужен Крэг?

— Мне надо ему кое-что рассказать, — нетерпеливо выкрикнул мальчик.

— Но его... его, правда, здесь нет. То есть, он уже уехал. Я в это время еще спала, но я слышала, как он заводил машину и уезжал.— Выговорившись, Эми почему-то почувствовала себя более уверенно и теперь начала сомневаться, не снизошла ли она в этой беседе до одного из своих гринлифских подопечных. Поэтому она бодро добавила: — Докажи, что ты Майкл Янг.

Тишина, которая последовала за этими словами, с каждой секундой сгущала страх в душе Эми. В какой-то момент девушка решила было, что мальчик повесил трубку. И тогда он снова заговорил. Голос его был озорным, но в нем явственно звучали злобные и угрожающие нотки:

— Когда мама была маленькая, она любила играть с тетушкой Элен. Они играли в парикмахерскую. И моя мама остригла тетушку наголо. До этого волосы у той были рыжие, а когда снова отросли, стали почему-то темно-коричневые. Спросите тетушку Элен. Она подтвердит.

— Ну хорошо. Весьма занятная история, если она, конечно, действительно имела место. Непременно спрошу Элен.— Но Эми уже знала, что мальчик не обманывает ее. Теперь она была убеждена, что разговаривает именно с Майклом Янгом.— А другие доказательства у тебя есть?

— Я не хочу больше с вами говорить,— разозлился мальчик.

— Вчера вечером... страшная штука приключилась с шерифом Уошбруком. Тебе об этом что-нибудь известно?

— Да,— угрюмо буркнул Майкл.

— Ты там был?

— Он получил по заслугам. Может быть, вы все-таки позовете Крэга?

— Майкл, где ты находишься? — в отчаянии воскликнула Эми.— Я хочу увидаться с тобой и поговорить.

— Я уже сказал, что с вами не буду разговаривать! — стоял на своем мальчик. Казалось, он вот-вот расплачется.

— Ну, прошу, выслушай меня. Крэга здесь нет, но, если ты хочешь ему что-то передать, скажи мне, и я его разыщу.

Эми вдруг осеклась, испугавшись, не сболтнула ли она лишнего. Наверное, нельзя было требовать от Майкла так много, но вот он снова заговорил, чуть слышно, с хныкающими интонациями:

— Передайте ему... я хочу, чтобы он умер.

— Нет! Нет, Майкл. Ты не можешь хотеть этого.

— Я хочу, чтобы он умер. Я ненавижу его.

— Ты не можешь ненавидеть всех, Майкл. Это просто невозможно! Крэг любил тебя, он всегда о тебе заботился...— У Эми перехватило дыхание, она никак не могла отыскать подходящие слова. Мальчик плакал теперь навзрыд.— Майкл,— взмолилась Эми,— я очень хочу помочь тебе. Пожалуйста, скажи мне, где ты находишься, и я к тебе приеду.

Раздались всхлипывания.

— Я нахожусь...— проямил мальчик, но тут же связь неожиданно оборвалась.

Эми сидела, зажав в кулаке трубку и подтянув к груди колени. Ее начало знобить. Внезапно девушка почувствовала, что по щекам заструились слезы. Она вытерла их уголком простыни и положила трубку на рычаг. В комнату пробивались солнечные лучи, но Эми то и дело зябко поеживалась. Она встала с кровати и, отыскав в шкафу самый теплый халат, тут же облачилась в него. Она попыталась собраться с мыслями и закурила. Подойдя к телефону, Эми решительно набрала номер Крэга, но тут же передумала и, поникнув головой, опустила трубку.

— Боже мой, что же мне теперь делать? — надрывно воскликнула Эми.

Но план уже созрел. Девушка торопливо потушила сигарету, натянула брюки и лыжный свитер и, позабыв обо всем: о работе, о сыром, прохладном утре — бросилась в старенький гараж.

Доремус в который раз заставил Эми повторить разговор с Майклом, пока не удостоверился, что она пере-

сказала все слово в слово. Наконец он задал вопрос в упор:

— А почему, собственно, разыскивая Крэга, Майкл звонил именно вам?

Эми покраснела.

— Ну хорошо, тогда скажите, в котором часу Крэг уехал?

— Понятия не имею,— смущенно пробормотала Эми.— Но на улице было уже светло. Может быть, в половине седьмого, а может, и в половине восьмого. Но не позже. Я слышала, как он заводил мотор, но так и не проснулась до конца.

Вошла Элен и налила всем трим кофе.

— Как же нам объяснить все это Крэгу? — расстроилась она.

— Я считаю, что ему вообще не следует передавать этот разговор,— вставил Доремус.

— Да, но ведь Майкл грозился убить его! — запротестовала Эми.

— Тут вы не совсем правы. Если не ошибаюсь, Майкл выразился иначе: «Я хочу, чтобы он умер». А это вовсе не угроза.

— Нет, лично я уверена, что это и есть самая настоящая угроза. К тому же он добавил, что ненавидит Крэга.

— Возможно.

— Ну разве из этого не следует, что он намеревается...

Доремус покачал головой.

— Не знаю, что заставило его позвонить именно вам. Мне казалось, что это не входит в его планы. Но то, что Майкл успел сообщить, вполне похоже на него. Однако я по-прежнему уверен, что следующей жертвой в его кровавом списке должна стать Элен.

Эми чуть не выронила чашку из рук и испуганно уставилась на Элен. Но та лишь грустно улыбнулась и вкратце пересказала Эми версию Доремуса, пока он увлеченно намазывал пирожное маслом.

— Неужели Майкл жив? — изумилась Эми и повернулась к следователю.— Ну, знаете ли, сказать «невероятно», будет, видимо, слишком мягко.

— Странно. Похоже, вы охотнее поверите в привидения и прочую ерунду. А вот разумное объяснение вам никак не подходит.

— Разумное, ничего себе! Ваше «объяснение» не учитывает массу фактов. Ведь многие уже видели маленького мальчика. А Пэгги — целых два раза, да и бедняга Эльза... К тому же сегодня утром я разговаривала именно с мальчиком, а никак не со взрослым мужчиной.

— Вероятно, он просто подделал голос, — предположил Доремус.

— Нет уж, — упорствовала Эми. — Вы уж меня извините, но я работаю с такими мальчиками и слышу их голоса восемь, а то и десять часов в день. Здесь уж меня не провести. Я слушала Майкла и могу с уверенностью констатировать, что со мной говорил именно мальчик.

Элен кивнула.

— Тут я с Эми полностью согласна. Не знаю, был ли это один и тот же голос, но я убеждена, что...

— По телефону можно запутать кого угодно, — возразил Доремус.

— Я потребовала у него доказательства, что он — Майкл Янг, и он их мне представил.

Доремус встрепнулся.

— Вы что-то забыли мне рассказать?

— Да. Я попросила, чтобы мальчик доказал, что он на самом деле Майкл Янг. После долгой паузы мальчик заговорил, и довольно самоуверенно — вы же знаете, какими противными мальчишки бывают в этом возрасте. Майкл рассказал, что, когда его мать и Элен были маленькими, они любили играть в парикмахерскую. Да, именно так. В парикмахерскую. И однажды Алиса взяла ножницы и обкорнала Элен, отхватив чуть ли не все волосы. До этого у Элен была рыжая шевелюра, а когда волосы снова отросли, их цвет поменялся на темно-каштановый.

Элен онемела от ужаса.

— Все правильно. Я еще помню, как рассердились родители на Алису за эту выходку. Хотя мне, по правде говоря, было почти безразлично — ходить лысой или с волосами. Зато уж Алиса вволю покуражилась — между

нами всегда возникало что-то наподобие соперничества. Нет, сдается мне, я об этом никому не рассказывала.

— Возможно, сама Алиса и поведала мальчикам эту леденящую душу историю,— предположила Эми и повернулась к Доремусу.— Ну, что вы теперь скажете?

— Я склонен придерживаться собственной теории,— стоял он на своем, отхлебывая кофе из большой чашки.— Вот теперь, Элен, кофе у вас выдался на славу. Тридцать лет я потратил на то, чтобы научиться заваривать кофе по этому рецепту, а вы, я вижу, схватываете все на лету.

— Да, неплохой получился,— сухо поддакнула Элен и взглянула на Эми.— Завтрак сегодня нам приготовил Доремус.

— Правда? А что же Бренда? Как же она вынесла присутствие на кухне второго повара?

Доремус снова улыбнулся и не спеша развернул маленькую сигару.

— Скажите, а как долго вы еще намерены оставаться здесь? — неожиданно поинтересовалась Эми.

— Трудно сказать.

— Может быть, лучше за домом понаблюдает помощник шерифа?

— Лучше меня вряд ли кто-нибудь сможет охранять Элен с Пэгги,— возразил Доремус.

— Однако пока в опасности жизнь Крэга, а вам, похоже, и дела до этого нет.

— Может быть, вы правы,— согласился Доремус.— Хотя я могу и ошибиться.

— Вы признаете, что его могут убить, и пальцем о палец не ударяете, чтобы защитить Крэга? Потом-то вы, конечно, признаете свою ошибку над его трупом!

— Эми! — укоризненно осекла девушку Элен.

— Я не смогу промолчать! Я должна рассказать Крэгу про Майкла:— Эми немного помолчала и добавила:— Может быть, я смогу ему как-то помочь.

— А почему бы не пригласить Крэга вечером сюда? — предложил Доремус, обращаясь сразу к обоим женщинам.— Надо растолковать ему, зачем я здесь торчу, какие у меня дальнейшие планы и соображения.

Не исключено, что и Крэг подкинет мне парочку дельных советов.— Доремус зевнул и поднялся из-за стола.— Кстати, неплохо было бы проведать Инока Милса. А вдруг они нашли в городском парке что-нибудь стоящее? — С этими словами Доремус, попыхивая сигарой, удалился. Небритый, он выглядел чересчур по-домашнему.

— Не знаю, что и подумать,— тихо произнесла Эми.— До недавнего времени я возлагала на него такие надежды! Но теперь мне кажется... он какой-то... невоспитанный, что ли?

— Сама не пойму,— безразлично отозвалась Элен.

— Я уж было подумала, что он вас заинтересовал.

Элен печально улыбнулась.

— Возможно, дела наши и пошли за последнее время кувырком, но чего-чего, а ума я покуда не лишилась.

— Вот и прекрасно. Теперь-то я уверена, что этот человек создан не для вас. И все же...— Эми положила в остывающий кофе кусок сахара и начала его размешивать.— Он такой самонадеянный и слишком много о себе воображает. Но, несомненно, в нем что-то есть. Особенно это заметно детям. А уж их-то провести невозможно.

— Разумеется, ведь он всегда отзываются на доброту,— согласилась Элен.

* * *

Крэг приехал к Элен вечером. Он с каменным лицом выслушал подробный рассказ Эми о телефонном звонке Майкла. К ее ужасу, Крэг не проронил ни единого слова. Он только бросил на Эми такой взгляд, который мог означать одно из двух: либо Крэг счел все это выдумкой, либо решил, что Эми действительно спятила. Потом в разговор вступил Доремус и подробно изложил свою теорию о том, что Майкл, вероятно, жив. Эта версия сразу же заинтересовала Крэга, и он начала задавать Доремусу бесчисленные вопросы, все более ожив-

ляясь с каждой минутой. В конце концов Крэг так разволновался, что вскочил со стула и начал взад-вперед метаться по кухне.

— Это уже кое-что! — бормотал он себе под нос. — Скорее всего, так оно и есть. Майкл не погиб тогда в пруду. Я немедленно начну поиски документов. Надо обязательно проверить, не пропадал ли из гринлифской школы какой-нибудь мальчик в ту же самую зиму, что и Майкл. Вы уже спрашивали об это Инока Милса? У шерифа должны храниться документы о пропавших без вести.

Доремус кивнул.

— Да. Правда, Милс не сообщил мне ничего утешительного, но это не имеет решающего значения. О пропавших детях ведь не всегда заявляют.

— Может быть, Майкл, конечно, и выжил, — резко бросила Доремусу Эми, не задумываясь над тем, что о ней подумает Крэг, — но, тем не менее, во всей этой истории замешан мальчик. И я не понимаю, как можно упускать это из виду или так легко отмахнуться от подобного факта.

Доремус внезапно обернулся к Эми, и девушка так и застыла с открытым ртом. Решив про себя, что следователь — просто неудачник и растяпа, Эми была поражена его взглядом. Глаза Доремуса сверкали, как у волка, напавшего на след. Эми тут же почувствовала, что в этом человеке заключена недюжинная сила, а также безошибочная профессиональная интуиция. Эми моментально воспряла духом.

— Я ничего не упускаю из виду, — спокойно парировал Доремус. — Но пока я вынужден ждать и бездействовать. И еще надеяться, что мои суждения верны и я нигде не допустил серьезного просчета.

* * *

Около двух часов ночи Элен внезапно проснулась. Она была твердо уверена, что в ее спальню кто-то зашел.

Небо затянули тучи, и тусклая луна еле-еле пробивалась сквозь них. На стене спальни, как гигантская ночная бабочка, шевелилась тень от дерева. И тут Элен заметила вдруг чью-то крадущуюся фигуру. От неожиданности женщина чуть было не закричала.

— Мам! — раздался внезапно жалобный голосок Пэгги. — Мне плохо. У меня живот болит.

Элен облегченно вздохнула и направилась за лекарством. Уложив дочку и вернувшись к себе, она поняла, что сон как рукой сняло. Женщина решила выпить чашечку крепкого горячего кофе и спустилась в гостиную.

Элен собиралась бесшумно проскользнуть в кухню, чтобы не потревожить Доремуса, и ей показалось, что, передвигаясь по лестнице, она не издала ни звука. Но только она сделала несколько шагов, дверь в кабинет распахнулась и перед Элен возник следователь с пистолетом в руке. Лампу в комнате он чем-то прикрыл, и перед взором Элен предстал лишь маленький квадрат света, выхватывающий из тьмы шахматное поле, которое, видимо, и изучал несколько секунд назад Доремус.

— Не сварите ли и мне чашечку? — попросил он.

Когда Элен принесла поднос с кофе в кабинет, Доремус уже снова с головой погрузился в шахматы, склонившись над доской. Черный «кольт» лежал тут же, всего в нескольких дюймах от его левой руки.

— Вы играете сами с собой? — поинтересовалась Элен.

— Нет. Вот эти фигуры — мои, а черные принадлежат моему приятелю Арщенко. Это русский филолог, он работает в Московском университете. Мы играем с ним уже несколько лет подряд, с того самого дня, как встретились в Чикагском университете. Сейчас мы сражаемся по переписке. За четыре года я только раз выиграл у него, но мне кажется... уж нынче-то победа останется за мной. Это выяснится весной. — Он взглянул на Элен и принял из ее рук чашку с дымящимся ароматным кофе. — А вы, я полагаю не играете?

— Мы с мужем играли иногда, но я...

— Это замечательно! — загорелся Доремус и смел с доски фигуры.— Не хотите ли партию прямо сейчас?

— Ну а как же мистер Арщенко?

— Он подождет. На обдумывание хода у меня еще целых три дня.

Доремус принялся заново расставлять фигуры. Элен, внезапно вспомнив о теплой разобранной постели, чуть слышно вздохнула.

— Ну, если только одну партию... А вообще-то я играю так себе...

Это вполне соответствовало истине: через двадцать минут она получила мат. Доремус тут же в мельчайших подробностях объяснил Элен все ошибки, тщательно разобрав партию. Элен помимо воли широко зевнула. Доремус изумленно взглянул на часы, стоявшие рядом на столике.

— Вы знаете, Элен, а у вас есть способности к этой игре,— заявил он.— Вот моя жена так и не смогла научиться...— Доремус сунул руку в карман в поисках сигары и обнаружил, что уже выкурил последнюю. Он в отчаянии откинулся на спинку кресла, безразлично уставившись на шахматную доску. Элен составляла чашки из-под кофе на поднос. Заметив рассеянный взгляд Доремуса, она сочувственно присмотрелась к нему и вдруг спросила:

— А когда умерла ваша жена, Доремус?

— Три года назад.

— Ее звали Марианна?

— Да.— Он помолчал некоторое время, а потом задумчиво посмотрел на Элен: — Вы были просто молодцом. Я имею в виду ваше отношение к моему переезду сюда и все такое прочее. Ведь это было очень непросто. Но другого выхода не оставалось. Мне необходимо пока что находиться в вашем доме.

— Я вас понимаю.

— Может быть, он и не явится сюда... Но если все-таки придет, то вы встретите его не одна. А вот Марианна была совершенно одна. Она попыталась сопротивляться, но как она могла справиться? — Доремус замолчал, погрузившись в тяжкое раздумье.

Элен, услышав такие слова, пришла в замешательство. Она никак не осмеливалась спросить Доремуса, что же все-таки произошло с его женой. Постепенно напряжение спало, и тот снова заговорил:

— Мне пришлось вылететь в Де-Мойн вслед за подозреваемым, чтобы провести следственный эксперимент. Обычно, когда я отсутствовал, Марианна всегда переезжала к моей сестре и ждала меня там, но на этот раз она помогала соседу: у него скоро должна была состояться свадьба, и моя жена решила остаться, чтобы подсобить. Марианна чувствовала себя уверенно: дело было весной, а места у нас тихие... Впрочем, где сейчас в этом подлунном мире можно найти тихий уголок? В четыре утра самолет приземлился в Мейфилде, а в шесть я уже закончил дела с подследственным и около семи явился домой. Подойдя к подъезду, я увидел молочника, взял у него бутылки и сразу же засунул их в холодильник. Затем я быстренько пробежал глазами «Геральд трибьюн» и наконец поднялся наверх. Никаких признаков взлома не было, иначе я бы сразу заметил это. Так что, ничего не подозревая, я вошел в собственный дом.— Доремус заморгал и потер рукой слезящиеся глаза.— Что меня поначалу поразило — так это кровь на стенах — она казалась такой свежей... В комнате царил жуткий хаос. А Марианну я обнаружил чуть позже — она лежала за кроватью, вернее, была зажата между спинкой кровати и стеной. Убийца нанес ей пятьдесят ножевых ударов и в конце-концов сломал лезвие.

Остолбенев, Элен уставилась на следователя широко раскрытыми глазами. Лицо ее посерело. Так и застыв на пороге, она не могла оторвать от Доремуса полный смещения взгляд.

А тот, будто не замечая хозяйку дома, продолжал:

— Мальчишка находился в ванной — передвигаться он уже не мог. Не знаю, как она отбивалась от его ножа, но я частенько демонстрировал ей самые разные приемы, в том числе и те, которыми пользуется уличная шпана. Кроме того, моей жене наверняка хватило храбрости, чтобы дать отпор малолетнему хулигану. Им ока-

зался соседский мальчишка, которому мы оба искренне хотели помочь. Скорее всего, узнав, что за дверью стоит именно он, Марианна и открыла. Другого объяснения я не нахожу. Он лежал на полу в ванной, потому что не мог даже ползти. Стены были забрызганы и его кровью. Кое-где с его головы был сорван скальп, один глаз выдран, а зияющая глазница заполнена свернувшейся кровью. Зрелище чудовищное. Лицо его походило на застывшую маску, но только я вошел, он грязно выругался. Видимо, я тогда плохо соображал, потому что, медленно достав револьвер, я в упор всадил в него пять или шесть пуль, а потом спокойно покинул ванную.

Элен стояла как громом пораженная. Так и не найдя слов утешения, она молча вышла, сполоснула в раковине чашки и блюдца, а затем вернулась к Доремусу. Задумавшись, следователь расставлял шахматные фигуры. Внезапно он натянуто улыбнулся Элен.

— Поверьте, я не хотел огорчать вас своими воспоминаниями.

— А вы еще кому-нибудь рассказывали об этом?

— Я никогда никому не доверял свою трагедию. Мне казалось, что на это не хватит ни сил, ни мужества.

— Не надо было держать все это в душе,— с легким укором пробормотала Элен.

Какое-то время они с теплотой смотрели друг на друга. Доремус улыбнулся и, водружая на нос очки, заметил:

— Спасибо, кофе получился отменный. А что если нам сыграть еще разок?

— С удовольствием. Знаете, Доремус... наверное, в последние дни я была к вам несправедлива. Простите. Это здорово, что вы сейчас здесь, со мной. Правда, очень здорово. И не только потому, что я боюсь Майкла. Надеюсь, когда вся эта чертовщина останется наконец позади, вы не откажетесь время от времени навещать меня?

— Придется. Ведь Пэгги предложила мне в качестве отступного половину своего школьного пособия, если я останусь у вас навсегда,— как бы невзначай обронил Доремус, и лицо его приняло невинное выражение.

Элен, даже не успев покраснеть, весело расхохоталась.

— Ну уж если Пэг обещала, то обязательно отдаст. Спокойной ночи вам, Доремус.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Далеко за полночь он свернул на запад и промчался мимо спящего городка, затем вырулил на сбегавшую вниз извилистую улочку под названием «Белая Церковь». За окном мелькали окутанные ночным сумраком домишки. Стояла безлунная ночь.

Слишком долго подкарауливал он подобную темень. Но вот теперь-то спешить не следовало — ведь начин он сейчас суетиться, и весь план моментально рухнет. Снова и снова обкатывал он его в уме, возвращаясь мыслями к той веселенькой разминке, которую устроил всего неделю назад. Зайти в дом и покинуть его. Суметь осуществить все за каких-нибудь двадцать минут — и никак не дольше. А потом — снова в путь. Так что на рассвете — его и след простыл. Это, кстати, являлось важнейшей частью плана.

Добравшись до особняка Коннелли, Гарри припарковал автомобиль на обочине под густыми кронами старых вязов. Он тщательно осмотрел дом и только после этого заглушил мотор. Два последних квартала Гарри пришлось двигаться с габаритными огнями, ведь горящие фары могли привлечь чье-то внимание. Теперь же, сидя в полной тишине, он медлил и старался не смотреть на те яркие и сияющие столбы света, что выхватывали из тьмы уличные фонари.

И тут он почувствовал, как тревожно забилося сердце. Ладони стали липкими от холодного пота. Это означало лишь одно — пора начинать. Рядом с ним на сиденье лежало все необходимое, и Гарри осторожно поднял эти вещи. Здоровый бельевой мешок с тугой резинкой, какими обычно пользуются в прачечных,

Гарри засунул под свой черный свитер. Нож с пружинным лезвием — в правый карман брюк. Разумеется, складной ножичек подошел бы для этой цели куда как лучше, однако за него никогда нельзя поручиться — в самый нужный момент эта штукавина имеет обыкновение сама собой складываться. А уж тогда — пиши пропало.

Гарри тихонько приоткрыл дверцу и выскользнул из машины, затем несколько секунд постоял не шевелясь. Дыхание его походило на пар, невесть откуда возникший здесь, в пустом пространстве. Взяв себя в руки, Гарри решительно двинулся вперед.

Где-то вдалеке залаяла собака, но он не обратил на нее внимания.

Застыв на полоске тени, отбрасываемой уличным фонарем, Гарри на миг заколебался, а потом стремительно перемахнул через приземистый каменный забор, ограждавший владения Коннелли. Очутившись во дворе, он почувствовал себя спокойней и уже более уверенно зашагал к дому. Накануне здесь, видимо, здорово поработали граблями: лишь пару раз зашуршали под его ботинками опавшие листья. Дорога была ему хорошо знакома — Гарри с закрытыми глазами мог отыскать тут каждый кустик.

В третий раз он остановился возле самого дома. Затаив дыхание, Гарри внимательно огляделся по сторонам. Отсюда машину уже не было видно. Вокруг по-прежнему стояла полнейшая тишина. За все это время ни один автомобиль так и не потревожил ее.

Гарри вытащил нож, и пятидюймовое лезвие, вырвавшись из рукоятки, с щелчком распорол воздух. Подходя к боковому крыльцу, Гарри опустил лезвие, опасаясь, как бы оно невзначай не сверкнуло в темноте. Конечно, нож создавал кучу неудобств, однако, в конечном итоге, все эти неудобства — ерунда, ведь Гарри знал, как управляться с этой штукавиной.

Три ступеньки отделяли его от двери. «Самая обыкновенная стеклянная дверь», — с презрением подумал Гарри. Он прекрасно знал, что замок на двери сломан и, даже если его успели починить, все равно он — Гарри —

за считанные секунды окажется внутри... просто на это уйдет чуть больше времени.

Расшатав лезвием ножа старый разболтанный замок, он без труда открыл дверь и бесшумно проник внутрь. Неплохо сработано.

Гарри вдруг живо представил себе женщину, спящую наверху, и злобно ухмыльнулся, прикинув в уме, как она перепугается, когда увидит его с ножом в руке. Да, многое отдал бы он за один только ее страх. Но это никак не входило в его планы.

Вся веранда была захламлена «мусором» — как окрестил разные сундуки да саквояжи Гарри, — так что ступать теперь приходилось осторожно. Надо было как можно скорее пробраться в просторную гостиную. Поначалу Гарри решил было воспользоваться карманным фонариком, однако интуиция подсказывала, что делать этого не следует. Да и глаза уже привыкли к темноте: он прекрасно различал все окружающие предметы. Гарри безошибочно ориентировался в доме и, похоже, фонарик оказался здесь лишним.

Он уже почти миновал гостиную, когда внезапно остановился, чтобы перевести дыхание. Нервы были напряжены, и Гарри не терпелось поскорее закончить дело. Он снова двинулся вперед, чувствуя, как отчетливо гулко стучит в висках кровь. С улицы в гостиную проникал рассеянный свет. Гарри разглядел лестницу, ведущую наверх, и два застекленных шкафчика рядом с дверью.

Неожиданно ему почудился едва уловимый табачный запах, и это озадачило Гарри. Однако он тут же успокоился. Видимо, тот, кто здесь накурил, давно отправился восвояси и мирно посапывает сейчас в собственной постели. Гарри вновь сосредоточил свое внимание на шкафчиках. Он осторожно провел ладонью по стеклу. Пальцы нащупали крошечный замок. С такой ерундой, Гарри, конечно, справится одним мизинцем. Ну что за блажь ставить такие хлипкие штуковины, если...

Внезапно гостиная озарилась ослепительным светом: он бил прямо из-за спины Гарри, как при фотосъемке. Гарри застыл, так и не успев убрать руку со стеклянной

дверцы. Свет почему-то не гас, как ожидал Гарри, а наоборот, разгорался все ярче и ярче. Теперь Гарри казалось, что это направленное сияние простреливает его затылок.

— Стой и не двигайся! — скомандовал Доремус. — Только шевельнешься — я продырявлю тебе обе ноги, Майкл.

Лезвие ножа сверкало всего в нескольких дюймах от правой руки. Молниеносный взгляд на нож... Сомнения... И рука Гарри инстинктивно поползла к ножу...

— Я не шучу, — предупредил тот же голос. — А сейчас сделай шаг назад и повернись ко мне лицом — и без глупостей!

Сила и решительность, прозвучавшие в этом голосе, словно околдовали Гарри. Он медленно повернулся и тут же зажмурился от нестерпимо яркого света, бьющего прямо в глаза.

— Ну все, все! Вы же меня ослепите!

— Стой спокойно! — Доремус шагнул к лестнице и поставил фонарь с мощной лампой на журнальный столик. Яркое сияние продолжало обволакивать Гарри Рендла чудовищным светом. Удерживая пистолет в одной руке, Доремус другой набрал телефонный номер. Трубку, видимо, долго не снимали. Наконец, следователь заговорил:

— Инок? Извини, что беспокою в такое время. Я поймал его... Да-да, Майкла Янга.

— Чего-чего? — нахмурился Гарри.

— Да, в доме. По-моему, он собирался наверх, в спальню. — Несколько секунд следователь молчал и слушал помощника шерифа. — Ну хорошо. Тогда встретимся прямо в участке.

— Какого черта!

— Заткнись! — рассвирепел Доремус, с ненавистью окинув взглядом нож Гарри.

— Что еще за Майкл Янг? Вы что, хотите сказать, что тот ублюдок, который...

В этот момент Доремус включил верхний свет и обернулся. По ступенькам спускалась Элен Коннелли. Она в недоумении переводила взгляд с Доремуса на

Гарри Рендла и обратно. Внезапно Элен заметила в руке у следователя «кольт».

— В чем дело? И почему Гарри...

— Ну а теперь поздоровайся со своей тетушкой Элен,— подсказал юноше Доремус.

— Миссис Коннелли, он что, свихнулся?

Элен все еще не могла ничего понять. Она удивленно уставилась на Гарри. Юноша замолчал и испуганно заморгал.

— Но... Доремус... как же так?.. Вы уверены?..

— Я уверен в том, что этот тип ворвался ночью в ваш дом без приглашения. И еще я уверен, что он не забыл прихватить с собой нож.

— Послушайте,— с отчаянием в голосе начал канючить Гарри.— Моя фамилия Рендл. Рендл, понимаете? Я никогда раньше не слышал про Майкла Янга, пока доктор Бриттон...— И тут на лице Гарри отразился ужас. Он ошалело воззрился на Доремуса, холодея от внезапной догадки.— Да что здесь происходит? Вы хотите сказать, что... Почему вы все время называете меня Майклом?

— А я считаю, что ты и есть Майкл Янг. И сегодня ты явился сюда, чтобы убить Элен.

— Боже милостивый! — пролепетал Гарри. Казалось, сейчас в его голове осталась лишь одна мысль — рвануться к двери и сломя голову бежать отсюда.

Доремус будто прочел в его глазах это желание.

— За каждый шаг ты получишь по две пули,— напомнил он.— Пули, конечно, не Бог весть какие тяжелые, но пока ты доберешься до выхода, ты чуток прибавишь в весе. За это я ручаюсь. Так что оставь-ка эти мысли.

— Боже милостивый! — повторил Гарри. Лицо его побелело как полотно. Он нервно облизнул пересохшие губы, неопределенным жестом указал куда-то в сторону улицы и, запинаясь, продолжал: — Я ведь собирался уехать из этого города... Все, хватит, теперь уже навсегда отсюда. И поэтому... План-то у меня созрел давно. Ведь я частенько помогал завозить сюда разный мусор и, конечно, сразу же обратил внимание на всякие

безделушки, которые есть в доме — ну, эти старинные драгоценные камушки и украшения... Вот я и подумал, что когда решу убраться отсюда, то по дороге непременно загляну в этот дом и... ну, в общем, прихвачу с собой кое-какие цацки. Я даже и мешок припас — вот он у меня, под свитером, можете сами убедиться. Я бы за пять минут с этим управился, ну а потом сбыл бы все это где-нибудь за несколько сотен. — Гарри исподлобья бросил на Элен смущенный взгляд, а затем перевел его на Доремуса. Теперь в глазах юноши застыла мольба. Он оттянул свитер, и пустой мешок вывалился на пол.

— Ну вот же! Видите? Да не вру я! А машину я оставил возле дома, чуть подальше. Я знал, что дверной замок уже еле дышит, но все равно, чтобы открыть его, мне был нужен нож. А убивать я никого не собирался! Да я ее почти и не знаю, просто подрабатывал здесь иногда. Мистер, меня зовут Гарри Рендл! Гарри! Рендл!

— Заткни-ка свой фонтан, а то разбудишь Пэгги, — рявкнул Доремус, тщательно взвешивая в уме слова Гарри Рендла. Только теперь сработала интуиция, и сомнение закралось в его душу.

— Пойду-ка я поставлю кофе, — предложила Элен. Она прошла мимо Доремуса и, поравнявшись с Рендлом, пристально взглянула на того.

— Вы сами это скоро выясните, — мрачно буркнул Гарри. — Я вам ни слова не соврал. Вот выясните, кто я на самом деле такой. А с убийцей меня не путайте.

— Вот в одном ты точно не ошибся. В ближайшие сутки мы узнаем о тебе столько, сколько ты и сам о себе не знаешь. Тебе хоть раз приходилось иметь дело с детектором лжи, Рендл?

— Нет, — после долгой паузы выдавил из себя Гарри. — Но я не против такой проверки. Потому что мне нечего скрывать.

У ворот притормозила полицейская машина, и Рендл нервно оглянулся. Доремусу снова показалось, что у юноши мелькнуло желание убежать, но в следующий момент Гарри обмяк и, вперив в пол опустошенный взгляд, уже безвольно поджидал полицейских.

Главный помощник шерифа Инок Милс отличался крепким телосложением. Слегка сутулый, он уже успел наполовину облысеть. На его обильно усыпанном веснушками лице сияли добрые зеленые глаза. И хотя Доремус познакомился с Милсом совсем недавно, он уже с уверенностью мог сказать, что тот неплохо знал свое дело. Пожалуй, самым привлекательным в Милсе являлось то, что он легко сходился с любым человеком, а кроме того, был скрупулезен до мелочей.

Милс быстро связался с окружной полицией и выяснил прошлое Гарри Рендла. Вместе с Доремусом они устроили Гарри перекрестный допрос и, выпытывая мельчайшие детали его прежней жизни, терзали юношу до тех пор, пока тот не потерял дар речи от усталости. Доремус оказался прав. К шести часам вечера они уже знали о Гарри такие подробности, которых тот сам либо не знал, либо успел уже порядком подзабыть. В конце концов сыщикам пришлось констатировать, что Гарри Рендл на самом деле есть не кто иной, как Гарри Рендл, сирота, воспитанием которого успешно занималась сначала улица, а затем и тюрьма. Детектор лжи выявил, что Гарри не является убийцей, а в момент гибели шерифа Уошбрука юноши поблизости не было.

— Да, жаль, что он не Майкл Янг,— заявил Милс, когда они с Доремусом, покинув участок, заглянули в ресторанчик, чтобы выпить по чашечке крепкого кофе.— А теория ваша мне пришлась по душе. Ну а теперь... что ж, снова поползут слухи о привидениях и прочей чепухе. А настоящий убийца будет преспокойно разгуливать на свободе.

— И все же не стоит пока забывать о моей теории,— подхватил Доремус.— Пусть даже я оказался не прав в отношении Гарри. Во всяком случае, теперь надо быть начеку. Раз нам не удалось поймать Майкла Янга, значит, он до сих пор бродит где-то рядом и ждет своего звездного часа. Вполне возможно, он явится

сегодня ночью, — продолжал следователь, потирая усталые глаза. — А может, и нет.

— Однако пока вы неплохо устроились. Я слышал, что миссис Коннелли — прекрасная хозяйка и отлично стряпает.

Доремус улыбнулся:

— Ничего подобного. Я готовлю в сто раз лучше.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Очень скоро Элен обнаружила, что постоянное присутствие в доме телохранителя начинает мало-помалу действовать ей на нервы. Разумеется, Доремус был куда лучше всех этих ежедневных визитеров и покупателей. Однако уже в субботу она радовалась любому поводу, лишь бы сбежать из дому. Хоть на пару часов. Чтобы не видеть Доремуса, неотступно околачивающегося рядом. Вот таким-то поводом и явилось родительское собрание в школе. Однако Элен пришлось потратить пару часов, демонстрируя все присущее ей красноречие, чтобы убедить Доремуса остаться дома и не провожать ее — Элен — в школу. В конце концов Элен удалось уговорить Доремуса, что в людном месте ей не может ничего угрожать.

— Собрание состоится в спортивном зале, а туда явятся сотни родителей!

— Вот это меня как раз не больно-то радует.

— Потому что один из них может оказаться Майклом? Вы это имеете в виду? Ну так что же? Неужели ему взбредет в голову у всех на глазах совершать преступление? При таком количестве свидетелей?

Доремус мрачно разглядывал потухший окурок.

— Я уже сказал, можете идти. Только никуда не отпускайте от себя Пэгги.

— Разумеется.

— Машину припаркуйте как можно ближе к школе и попросите кого-нибудь из знакомых проводить вас

после собрания. О причинах желательно не распространяться.

— Ну хорошо,— вздохнув, согласилась, наконец, Элен. Ее уже начало одолевать сомнение, правильно ли она поступает и сулит ли ей это собрание то радостное и приподнятое настроение, о котором она последнее время так мечтала. Стоит ли рисковать и собой, и Пэгги?

— Позвоните мне сразу, если...

— Как же вы мне напоминаете отца!

— Понял, понял. Уже молчу.— Доремус виновато улыбнулся.

* * *

Итак, дом теперь находился в полном распоряжении Доремуса. Следователь принял горячий душ, натянул новехонькие джинсы «Левис» и, набросив свежую сорочку, вышел во двор. Вечерняя прохлада начала обволакивать городок, и ложбины уже курились легким туманом. Доремус бросил взгляд в сторону городского центра. Тот находился всего в четырех кварталах отсюда. Однако клубы тумана заволокли и его. Доремус неторопливо обошел двор, разглядывая каждое деревце. Внезапно в сизой пелене возник здоровый котище. Он застыл на месте, словно замешкавшись, а потом, воровато оглядевшись, дал деру. Доремус решил немного постоять — в надежде увидеть и других существ, которые столь таинственно и чарующе являются из тумана.

Однако уже через пять минут следователь убедился в своем полном одиночестве и вернулся в дом, потушив фонарь у входа на веранду. Он отыскал в библиотеке какой-то ковбойский роман и устроился в кабинете, предвкушая приятный вечер. Доремус успел вникнуть во все жизненные перипетии героев, с головой погрузившись в чтение, когда вдруг зазвонил телефон.

Доремус неохотно оторвал взгляд от книги и, что-то

прикинув в уме, снова увлекся романом. Однако телефон не умолкал. Насчитав восемь звонков, Доремус отложил наконец книгу и поднялся. Когда раздался десятый звонок, следователь уже находился в полной уверенности: человеку на другом конце провода непременно надо поговорить.

— Магазин Коннелли,— хрипло произнес следователь.

— Вы хотите встретиться со мной, так?

Прошло несколько секунд, и губы Доремуса скривились в ледяной усмешке.

— Совершенно верно, радость моя.

— Мы можем увидаться через полчаса на мельнице у фермера Хока.

— Полчаса. А тебе хватит этого времени, чтобы материализоваться, или что там еще с вами, призраками, происходит?

— И приходите один, иначе вы меня не увидите.

Прежде чем Доремус сумел сообразить, как же заставить мальчишку разговориться, связь оборвалась. Следователь медленно опустил трубку на рычаг и в задумчивости посмотрел на свои часы. Начало десятого. Мальчик говорил быстро, в его голосе чувствовалось напряжение. Видимо, он не меньше Доремуса жаждал этой встречи.

— Так, значит, на той старой мельнице? — вполголоса пробормотал следователь.— Похоже, ты что-то задумал, парень.

Он снова потянулся к трубке и решительно набрал домашний номер Инока Милса.

— Говорит Доремус,— представился следователь, услышав знакомый голос.— Мне только что звонил Майкл Янг.— Тут Доремус вспомнил, что мальчик не назвался, однако его это почему-то нисколько не смутило, и он продолжал: — Майкл уже что-то припас и для меня, только вот я никак пока не могу сообразить, что именно... Да, помощь мне может понадобиться. Элен Коннелли увела Пэгги на какое-то родительское собрание. Час тому назад. Наверное, неплохо было бы послать кого-нибудь из ваших людей в школу: пусть приглядывает за ними, но только осторожно, не привлекая

внимания. Ну а я никак не могу отказать себе в удовольствии посетить старую мельницу, ту, что стоит на ферме у Хока... примерно через двадцать пять минут я уже должен быть на месте. Похоже, я буду там впритык. Нет, этого не надо. Выжди, ну, скажем, часок, а потом мчись туда на всех парах. Час-то я продержусь в любом случае. К тому же он должен думать, что я один. Иначе мы его не увидим.

* * *

Мельница на речушке Айронуолл была выстроена еще в сороковые годы прошлого столетия, и хотя ее жернова по-прежнему изо дня в день перемалывали муку, тем не менее эта старинная мельница служила теперь приманкой для падких на старину туристов. Время от времени сюда наведывались и художники, охочие до разного рода экзотики. Мельница эта располагалась ярдах в ста от проселочной дороги, в верхнем течении реки. Схороненная за густыми кронами древних вязов, она словно растворялась ночью.

Доремус несколько раз бывал в этих краях, здесь, на берегу, он загорал и купался в реке, каждый раз поражаясь обилию водорослей.

Следователь без труда вспомнил эту старинную мельницу, окруженную довольно высоким забором. До сих пор ее содержали в идеальном порядке. Со стороны пастбища, находившегося на севере, проникнуть на мельницу было несложно. У самой водной кромки клубился туман, сверкавший в лунном сиянии. Постепенно он окутывал пастбище. Сюда вела и еще одна дорога. Однако пролегалла она по отвесному берегу. Тропа брала начало у самого моста и, круто уходя вверх, петляла, повторяя береговые изгибы. Бродить по такой тропинке было весьма опасно. Именно этот путь и выбрал Доремус. А сделал он это вовсе не потому, что собирался подкрасться незаметно — нет, ведь даже глухой услышал бы в полной тишине шум его мотороллера. Просто здесь, вдоль всего берега, тянулась полоса гу-

стого кустарника попеременно с высокими деревьями. Поэтому Доремус сколько угодно мог оставаться в укрытии.

Притормозив на обочине, Доремус слез с мотороллера и по тропинке направился к реке, освещая дорогу фонарем. Лево́й рукой следо́ватель крепко сжимал девятизарядный револьвер.

Кустарник здорово мешал движению, но Доремус не торопился. Следо́вагель еще раз убедился, что тропа, по которой он бредет — верная. Доремус неплохо знал эту дорогу, поэтому выключил фонарь и дальше пробирался уже в темноте. Внезапно над его головой показалось гигантское мельничное колесо.

Доремус остановился, прислушиваясь к плеску воды под колесом. Сделав несколько шагов вперед, он принялся внимательно изучать расчищенную площадку перед входом на мельницу. Вдали, на пастбище, шелестела сухая трава, уже тронутая желтизной. В лунном свете Доремус без труда мог разглядеть мельницу. Он на глаз прикинул ее высоту и заметил, что самые верхние окна заколочены досками. Пристегнув фонарь к ремню, следо́ватель двинулся к входной двери. На всякий случай он слегка пригнулся. Набрав в легкие побольше воздуха, Доремус одним прыжком преодолел последние метры. Прислонившись к прохладной стене, он опустилсЯ на колени.

На двери висел замок. Вернее, тот как-то беспомощно болтался на засове. Здесь, на этом пустыре рядом с мельницей, Доремус являлся отменной мишенью. Следо́ватель даже поежился, представив себе, как четко выделяется его силуэт на фоне звездного неба. Он толкнул дверь и, как змея, вполз внутрь. Очувтившись в темноте, Доремус почувствовал себя уверенней и снова встал на четвереньки. Легкие распирали, однако руки не дрожали. Все вокруг обволакивала густая — хоть глаз коли — тьма. В нос ударила резкая смесь запахов плесени, гниющего зерна и крысиного помета. Медленно и осторожно отползая от двери, Доремус двигался вправо.

И тут в темноте послышался торжествующий детский смех. Точно так же внезапно он стих — словно

кто-то зажал рукой рот. Доремус застыл на месте, нащупывая большим пальцем выключатель на фонаре.

— Ну ладно,— негромко начал он,— давай поговорим. Однако мне бы хотелось взглянуть на тебя.

Он снова передвинулся вправо, на этот раз более проворно. Пол на мельнице был земляной, во всяком случае, в том месте, где находился сейчас Доремус. Мимо прошмыгнула крыса, шлепая лапами по грязи. Доремус не обратил на нее внимания. Он прислушивался к другим звукам. К тем, которые мог издать только человек.

И снова раздался смех — громкий и злорадный. Резко вскочив на ноги, Доремус включил фонарь. Луч света описал дугу, выхватив из мрака поленья, старые жернова, лестницу, ведущую наверх... И тут, на ступеньках, Доремус увидел мальчика, одетого в спортивную форму.

Мальчик, застигнутый врасплох этой внезапной вспышкой, прикрыл лицо руками, что было неудивительно, ведь в глаза ему бил такой яркий свет, словно исходил он от прожектора локомотива. Доремус и сам невольно прикрыл ладонью глаза, приближаясь к мальчику. Но тот быстро пришел в себя и рванулся вверх по ступенькам. Он так стремительно взлетел по лестнице на второй этаж, что следовательно не успел удержать его в луче своего мощного фонаря.

Добравшись до лестницы, Доремус остановился и направил пучок света вверх. Опять наступила полная тишина. Сверху медленно осыпалась пыль, словно кто-то внезапно потревожил покой старой мельницы.

— Майкл!

Доремус начал медленно подниматься по лестнице, останавливаясь на каждой ступеньке. Да, конечно же, фонарь безусловно сделал свое дело, но теперь-то его уже не имело смысла использовать, и следовательно прекрасно понимал это. Мальчик настолько поразил его воображение — ведь Доремус рассчитывал встретиться здесь с кем угодно, но только не с этим цыпленком.

— Я не собираюсь играть с тобой в прятки, Майкл! — крикнул Доремус. — Давай поговорим!

Он добрался до лестничной площадки, откуда ступеньки резко уходили влево. Да, Майкл находился сейчас, конечно же, в более выгодном положении. Однако выбирать не приходилось — надо было двигаться дальше.

Пара ступенек отделяла Доремуса от заветного второго этажа, когда вдруг сверху на него свалились вилы. Они упали совершенно вертикально. Произошло это так внезапно, что, казалось, злой умысел здесь совершенно ни при чем. Вилы ударили Доремуса по запястью, и он выронил фонарь, пытаясь тут же подхватить его. Это ему не удалось, и фонарь грохнулся где-то на первом этаже. И тогда Доремус наугад три раза выстрелил. У него и в мыслях не было задеть мальчика. Следователь хотел лишь напугать его. Затем Доремус быстро взобрался на второй этаж и, наткнувшись на стенку, остановился, чтобы перевести дыхание.

— Ты выиграл, — немного погодя произнес следователь. Он уже успел прийти в себя.

Мальчик рассмеялся, но Доремус тут же смекнул, что и он изрядно вымотался от всей этой беготни.

Стараясь не издать ни звука, следователь достал из нагрудного кармана маленький фонарик, напоминавший по форме карандаш.

Мальчик снова хихикнул. Доремусу показалось, что звук этот приблизился, хотя он не мог бы сказать этого наверняка. Следователю не терпелось зажечь фонарик, однако тот, похоже, оставался единственным «сюрпризом» в его защитном арсенале. Поэтому Доремус решил все-таки повременить с фонариком.

Глаза уже успели привыкнуть к темноте. Кроме того, лунное сияние непостижимым образом просачивалось внутрь мельницы — вероятно, сквозь трещины в крыше или щели между досками.

Пол заскрипел у него под ногами, и Доремус застыл как вкопанный. И тут пол опять скрипнул. Но на этот раз уже не под ним. Доремус вытянул вперед правую руку, ощупывая стену. Внезапно рука повисла в воздухе: стена здесь заканчивалась. Что же это перед ним? Дверной проем? Сердце заныло в тревожном предчувствии. А если там впереди какая-то клетушка, где и пря-

чется сейчас мальчишка? Тут Доремус вспомнил вилы, просвистевшие всего в нескольких дюймах от его головы, и следователя передернуло. Но другого выхода не было, как, впрочем, и времени на обдумывание ситуации.

Доремус включил фонарик и, шагнув в пустое пространство, направил луч прямо перед собой.

Мальчик стоял неподалеку — футах в десяти от следователя. В глазах его застыл страх. Приоткрыв рот, он, как загипнотизированный, уставился на фонарик. Вдруг мальчик пошатнулся и исчез.

Доремус стремительно рванулся с места и, молниеносно перебросив револьвер и правую руку, левой наугад хватанул пространство, где только что стоял мальчик. Пальцы вцепились в детскую курточку. Но уже в следующий момент мальчику удалось вывернуться.

И тут Доремус почувствовал страшный удар по голове. Теряя сознание, он рухнул на пол.

Придя в себя, он попытался встать, но не смог. Мозг лихорадочно работал. Доремуса охватила паника. Что произошло? И где сейчас его револьвер? Все еще в руке или он его выронил? Следователь попытался перевернуться на спину. Чудовищная боль моментально прострелила его, и Доремус опять потерял сознание. Вновь очнувшись, он мысленно выругался, проклиная себя за беспечность. Боль в затылке мучила, не давая сосредоточиться.

Рядом послышались шаги. И еще какие-то булькающие звуки. Словно где-то отвернули кран с водой. Доремус инстинктивно свернулся калачиком, прикрывая руками голову. Внезапно он почувствовал, что кто-то поливает его ноги. В нос ударил резкий запах.

«Бензин, — пронеслась в голове жуткая мысль. И Доремус вновь сделал попытку подняться на ноги. — Бензин». Следователь закашлялся и отвел руки подальше от лица, потому как бензиновые пары начинали разъедать глаза. Горючее уже стекало с его волос. Доремус громко застонал.

В дверном проеме появился дрожащий оранжевый язычок пламени, осветивший каморку. Увидев спаси-

тельный выход, Доремус тут же метнулся к нему. И в тот же миг ужас сковал его тело.

На пороге стоял Майкл и равнодушно смотрел на следователя. В руке мальчик сжимал горящий факел.

Похолодев, Доремус отступил назад. Он вцепился в пуговицы промокнутой рубашки, пытаясь растегнуть ее. Пуговицы не поддавались, и Доремус разорвал ткань. Но бензин, просочившись сквозь нее, уже стекал по телу.

— Послушай, приятель, — вымолвил следователь, продолжая отступать, — ведь мы сейчас оба полыхнем. Так что лучше не подходи.

Казалось, Майкл не слышит его. Он медленно и неотвратно приближался, шаг за шагом, и в глазах его словно плясали дьявольские искры.

— Ты что, рехнулся? Сейчас бензиновые пары вспыхнут! — выпалил Доремус. — Немедленно брось факел, затопчи его ногами, слышишь?

Следователь уперся спиной в стену и шагнул в сторону. Майкл на секунду замешкался, будто раздумывая, правильно ли он поступает. А потом, криво ухмыльнувшись, решительно двинулся на Доремуса, выбросив вперед руку с факелом. Губы у него затряслись. Казалось, он что-то хочет и не может сказать Доремусу.

Следователь забился в угол. Дальше отступать было некуда. Факел пылал так близко от него, что Доремус всей кожей ощущал его жар.

— Нет! — в отчаянии выкрикнул он.

Внезапно старые, насквозь прогнившие доски позади Доремуса хрустнули и через мгновение затрещали, словно поленья, брошенные в костер. В ту же секунду следователь потерял равновесие. Упругий поток свежего воздуха, а также ощущение невесомости исторгли из его горла отчаянный вопль. Старая мельница, покачнувшись, начала заваливаться куда-то вбок, как показалось Доремусу, и вскоре вовсе исчезла. Небо стремительно закружилось, потом неведь откуда взялись кроны деревьев, и в следующий миг он камнем рухнул в спокойные воды пруда.

С головы до ног облепленный скользкими водорослями, Доремус выбрался на берег. Запах тины смешив-

вался с резким запахом бензина. Следователь был до того потрясен всем происшедшим, что в изнеможении повалился на холодную землю. Сильнейший озноб охватил Доремуса, он дрожал всем телом.

Так он и лежал, то проваливаясь в забытие, то вновь приходя в сознание. Он даже не пытался отодрать от себя налипшую корку из водорослей и почти подсохших осенних листьев.

Внезапно Доремус услышал голоса. Собрав последние силы, он пополз. К горлу то и дело подкатывался тошнотворный комок, тело не слушалось, но Доремусу удалось добраться до расчищенной площадки перед мельницей.

В глаза ударил яркий свет фонаря.

— Лежите спокойно, мистер, и не шевелитесь. У нас тут два обреза!

— Вы его видели? — чуть слышно пробормогал Доремус. — Он еще там, внутри? Я имею в виду мальчика.

— По-моему, с ним что-то стряслось, отец. Нюхника. Кажется, он весь в бензине!

— Что это вы тут химичите у моей мельницы? — послышался грозный голос старшего Хока.

Из кустов появился юноша и, подойдя ближе, воскликнул:

— Па, кого это вы тут выловили?

— Какой-то придурак, Виллис, — проворчал Хок. — Ну вы, вставайте, что ли...

— Я же пытаюсь вам все объяснить! — не унимался Доремус. — Здесь только что был маленький мальчик. Вот он-то как раз и собирался спалить вашу мельницу... а заодно и меня. Ему примерно лет десять, темные волосы, бледное лицо. Одет в кроссовки и спортивную куртку. Не знаю, куда он убежал, но мы должны его найти!

— Па! — вмешался вдруг один из сыновей Хока. — По-моему, этот старый хрыч вывалился из окна. Вон там в пруду доски плавают.

Второй сын почесал в затылке и неуверенно обратился к Доремусу:

— Маленький мальчик, говорите?

— Да-да, вы его видели?

— Какой-то парнишка пару минут назад улепетывал отсюда, как заяц, через пастбище. Только я его не успел хорошенько разглядеть.

— А в какую сторону? — Доремус напрягся.

— На север. К ферме Овермейера. Па, тебе не кажется, что он тут нам лапшу на уши вешает?

Целая вечность понадобилась Доремусу, чтобы объяснить, кто он такой, но стоило ему упомянуть Инока Милса, у мистера Хока в тот же момент отпало пламенное желание пристрелить Доремуса на месте, и фермер заговорил, растягивая слова:

— Ну-у, до фермы Оверме-ейера я с вами, пожалуй, прогуляюсь. Вреда не бу-удет. Джек, вы с Виллисом пока сгоняйте на мельницу, гляньте, все ли там в порядке. Да, Виллис, одолжи-ка этому мистери свою куртку, а то он чего доброго околеет от холода.

— Па, но это же совсем новая куртка.

— Ничего, он тебе ее вернет в целости и сохранности. Пойдемте со мной, мистер, а вы двое — делайте то, что я сказал.

Поблагодарив, Доремус застегнул куртку, отороченную овчиной, и последовал за фермером. Хок нес фонарь, точь-в-точь напоминавший тот, что принадлежал следователю.

До пастбища было рукой подать, и они очень скоро добрались до луга. Полная луна заливала все вокруг своим сиянием. Здесь они перевели дыхание и осмотрелись по сторонам. На сколько хватало взгляда, вокруг не было видно ни одной коровы.

— Вот это и есть владение Овермейера, — объявил старый Хок, вытянув вперед грязный указательный палец.

— А чьи земли там дальше, внизу у дороги?

— Некого Брюннеля. Он то ли художник, то ли скульптор, черт его знает. — С этими словами Хок повернулся лицом к владениям Овермейера. — Сдается мне, что нам в эту сторону, хотя, похоже, все это как мертвому припарки.

— А почему бы нам не разделить? — предложил

Доремус.— Скорее всего, мальчишка побежал к Брюннелю: я помню, там ведь густые деревья, где можно надежно спрятаться.

— Да, конечно, хотя вряд ли. Если он хорошо знает эти края, то уж точно туда не сунется — вон там, за старым амбаром — сплошное болото.

— А может, он вообще никогда не бывал на этом пастбище. А если он решился заскочить к Брюннелю? Разрешите мне воспользоваться вашим фонариком?

— Что? Ну конечно же, а то вы еще, чего доброго, извозите курточку Виллиса. Мистер, послушайте, я надеюсь, что вы точно знаете, за какое дело взялись.

— Абсолютно точно,— подтвердил Доремус, бросившись по тропинке вниз, пока Хок не спеша двинулся в сторону фермы. Фонарь помог Доремусу обойти топь, и, миновав трясины, тот с легкой душой зашагал к большому амбару с заостренной крышей, расположенному на вершине холма.

Казалось, в этих Богом забытых местах не должна обитать ни одна живая душа. Однако ярдах в ста в крохотной хибарке мерцал огонек. Ни собачьего лая, ни возни скота в сарае не доносилось оттуда. Доремус взглянул вверх, и в его сознании возникло смутное недоброе предчувствие. На противоположной стороне крыши сарая был установлен прожектор, но поначалу Доремус почему-то не заметил его.

Следователь немедленно выключил фонарь и подошел к амбару, пытаясь все время оставаться в тени. Главные ворота были заперты. На стене рядом с ними Доремус заметил небольшую табличку, и, осторожно приблизившись к ней, прочел: «Галерея Брюннеля, вход сзади».

Доремус окинул дом быстрым цепким взглядом. Внимание его привлекло единственное освещенное окошко. Следователю вдруг показалось, что там, внутри, кто-то метнулся. Здание окружали густые заросли кустарника и невысоких деревьев, и уж если Майкл решил проведать здешний уголок, то он без труда найдет себе тут укромное местечко. Следователь прикинул в уме, что за это время мальчик вполне мог отмахать полмили.

Изнутри амбара доносились странные звуки, напоминавшие лязг металла.

Доремус обогнул дом, пройдя мимо темных окон, и очутился у двери. Перед ней находилась широкая, вымощенная каменными плитами площадка. На стене висела еще одна табличка, но Доремус даже не удосужился прочесть ее, потому что дверь оказалась распахнутой настежь. Включив фонарь, следовательно решительно шагнул вперед. Первое, что бросилось ему в глаза, было огромное металлическое изваяние обнаженной женщины. Оно смахивало на четырехфутового морского льва, застывшего на гранитном пьедестале. За этим шедевром выстроились другие, изображавшие то ли женщин, то ли тюленей — во всяком случае, с первого взгляда определить это было непросто. А еще дальше располагалась целая армия металлических мужей — шагающих, бегущих, стоящих на коленях. Сплошь и рядом высились какие-то фантастические конструкции, выполненные либо из медной проволоки, либо из почерневших, угрожающе торчащих штырей. Очевидно, они символизировали город будущего с его таинственными и многочисленными лабиринтами.

Доремус направил пучок света вверх и заметил здоревенные куски металла — выкрашенные в яркие цвета, они свисали со стропил на верхнем этаже галереи. Там же находилась подвижная скульптура, которая то и дело покачивалась, лязгая гигантскими ножами, изображавшими, по всей вероятности, конечности.

Следователь опустил луч фонаря и сразу же разглядел на верхней ступеньке лестницы мальчугана. С ног до головы перепачканный мальчик притаился и тяжело дышал, не мигая уставившись на фонарь.

Доремус вздохнул:

— Ну ладно. А теперь спускайся.

Внезапно мальчик вскочил и бросился прочь из освещенного круга. По дороге он задел гигантскую статую, и белая гипсовая голова, рухнув откуда-то сверху, покатилась к ногам Доремуса. Тот отшатнулся и, пытаясь удержать равновесие, вцепился в толстый канат, висевший рядом. Гулко ударил колокол, звон его эхом отразился от стен.

— Что ж, мне придется подняться к тебе, — заявил Доремус и двинулся по лестнице на верхний этаж галереи, тщательно высвечивая каждую ступеньку. Колокол прозвонил еще три раза.

Мальчик попятился. Доремус чуть опустил фонарь, чтобы не слепить его.

— Ну, хватит играть в кошки-мышки... Майкл.

Но мальчик продолжал отступать, прячась то за одну, то за другую статую. Каждый раз, когда луч света падал на него, он прыгал в сторону в поисках очередного укрытия. Сейчас он походил на маленького загнанного зверька. Даже мысль о том, что он чуть было не спалил Доремуса живьем, не могла убить в следователя жалость к этому несчастному.

— Успокойся, я не сделаю тебе ничего плохого.

Захныкав, мальчик весь съежился: галерея закончилась. Отступать было некуда. Оставалось голько прыгать вниз.

— Даже не пытайся, — предупредил Доремус.

В этот момент опять прозвонил колокол, и мальчик с ужасом взглянул вниз — пол первого этажа находился в футах двадцати отсюда.

Еще один удар колокола. Мальчик вздрогнул и, потеряв равновесие, упал. В последний момент ему удалось уцепиться своими худенькими ручонками за какой-то выступ, и он повис, вот-вот готовый рухнуть. Не колеблясь, Доремус подскочил к мальчонке и, подхватив за талию, втащил того обратно на второй этаж галереи. Оказавшись в руках следователя, мальчик начал отчаянно сопротивляться. Он извивался, брыкаясь и царапаясь, и, в конце концов, ему удалось вырваться. Сломая голову он помчался к лестнице. Доремус равнулся было за ним, но тут вдруг в амбаре вспыхнул яркий свет, и на пороге показались двое мужчин. Один из них — лысеющий толстяк с прямо-таки фантастических размеров бородой — судя по всему являлся владельцем студии. Другой — им оказался Крэг Янг — с трудом удерживал на смерть перепуганного рыдающего мальчугана. Психолог в недоумении уставился на Доремуса.

— Слава Богу, вам удалось поймать его, — пробор-

мотал следователь, медленно спускаясь вниз по лестнице.

— Питер,— обратился Крэг к мальчугану,— Питер, что стряслось? Что ты здесь делаешь и, вообще, как ты сюда попал?

— Так вы его знаете? — нахмурился Доремус.

— Разумеется. Это один из моих подопечных. Его зовут Питер Мэтис.

— Сдается мне, что именно он-то и разыгрывал всех нас по телефону... Его изобретательности, похоже, и конца не видно: сегодня вечером он пытался убить меня.

— Это невозможно.— Крэг начинал сердиться.

— Неужели? Тогда пусть все расскажет сам.

— Не знаю, что он делал так далеко от школы, но уверен лишь в одном: Питер не мог никому звонить по телефону.

— Не мог? Отчего же вы так в этом убеждены?

— Потому что Питер немой,— отрезал Крэг и принался успокаивать плачущего мальчика.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Доремус одолжил у скульптора Брюннеля рабочие штаны цвета хаки, а также чистую, хотя и выдавшую виды рубашку. Он сидел в кабинете директора гринлифской школы-интерната. Ботинки пришлось снять — они оказались слишком грязными, и Доремус опасался наследить на синем бархатистом ковре. После падения в пруд шея словно одеревенела и постоянно ныла, однако все невзгоды тут же отошли на задний план, как только Инок Милс предложил Доремусу хорошую сигару, и теперь тот нисколько не сомневался, что сможет спокойно работать дальше.

— Питер никак не мог выбраться с территории школы и при этом остаться незамеченным,— настаивал директор. Фамилия его была Куинлэн, а вся осанистая выправка, бодрость и оптимизм этого стареющего

джентльмена безошибочно свидетельствовали о его военном прошлом. Лицо Куинлэна покрывали многочисленные морщины, а когда он замолкал, губы его чуть заметно дрожали.

— Но ведь в субботу занятий в школе нет,— удивился Инок Милс.— И многие ребята отправляются в город.

— Обычно оно так и бывает, шериф. Но в эту субботу у нас проходил весьма ответственный футбольный матч, поэтому лишь несколько мальчиков оставались на территории школы. А большинство учеников находилось под попечительством своих родителей или других родственников.

— И Питер весь день находился здесь? — поинтересовался Доремус.

— Я абсолютно в этом уверен. Обедали в половине шестого, а игра закончилась за двадцать минут до этого. Если бы он не обедал, я непременно узнал бы. А сразу после обеда показывали кино. Фильм длинный — почти два часа. Потом все мальчики разошлись по своим комнатам. В том корпусе, где живет Питер и другие ученики младших классов, вечернюю поверку проводят в восемь сорок пять, а в девять часов уже гасят свет. В корпусе для старшеклассников мы позволяем ребятам ложиться спать на час позже.

— Итак, без четверти девять Питер лежал в своей постели.

— В противном случае мне немедленно доложили бы о его отсутствии.

— И тем более он не мог улизнуть из школы, когда крутили кино? — вмешался в разговор Милс.

Куинлэн отрицательно покачал головой.

— Но Доремус утверждает, что меньше чем через час после начала фильма,— продолжал Милс,— Питер уже находился на ферме Хока, а ведь до нее около пяти миль.

— Послушайте, а мог ли кто-нибудь из товарищей Питера подменить его во время вечерней поверки? Ну, скажем, накрыться с головой одеялом, притворившись спящим?

— Такие уловки нам знакомы,— улыбнулся директор.— Но дело в том, что товарищей по комнате у Питера нет. Он живет один.

— Я хотел бы осмотреть комнату, где он живет,— попросил Доремус.

— Разумеется. Я сам вас провожу.— Директор достал из ящика большую связку ключей и повел Милса с Доремусом через окутанный туманом двор.

— Скажите, а у вас есть ночной сторож у главных ворот?

— Да. Три-четыре раза за ночь он обходит весь двор, но делает это, когда ему вздумается.

Доремус внимательно разглядывал здания интерната, их остроконечные крыши. Жилые корпуса, куда они направлялись, располагались под прямым углом друг к другу. Они оказались четырехэтажными. Эти строения соединялись со зданием столовой и спортзалом аркой. За столовой находилась автомобильная стоянка, но со стороны корпусов ее не было видно, и попасть туда можно было только через главные ворота, по неосвещенной и извилистой асфальтированной дороге, огибающей прямоугольный двор. За школьной территорией зловеще возвышались поросшие лесом горные хребты.

Директор уже отпирал дверь жилого корпуса, когда в административном здании дважды прозвонил колокол. Отсюда, со стороны ворот, вход в это здание хорошо просматривался. Он был ярко освещен. Кроме того, внутри коридоры также купались в люминисцентном сиянии.

— Сколько имеется таких ключей, как ваш? — осведомился Доремус, изучая массивную дубовую дверь.

— Три. И я могу точно сказать, где в данный момент находится каждый из них. К тому же вы, вероятно, успели уже заметить, что двери запираются исключительно снаружи.

Они поднялись наверх, туда, где жил Питер. Здесь замок был попроще, и директор легко отпер его запасным ключом.

— Каждое такое помещение представляет собой комплекс из двух спален и рабочего кабинета,— шепотом

том пояснил директор, когда все трое осторожно заглянули внутрь.— Давайте-ка посмотрим... По-моему, Питер обитает вот в этой.

Раздвинув занавеску, они вошли в небольшую спальню с двумя кроватями и шкафчиком, смахивавшую скорее на казарму, чем на детское общежитие. На одной кровати не было никакого белья, даже матраса. На другой же, очевидно, кто-то совсем недавно спал.

Доремус вдруг почувствовал, как внутри у него все похолодело. С замирающим сердцем он двинулся к окнам. Здесь их было три — каждое со ставнями, шириной в двадцать четыре дюйма. Одно из них оказалось приоткрытым. Снаружи протянулся довольно широкий карниз — около восьми дюймов. Доремус глянул вниз — высота футов сорок. Кладка была неровная, каменные плиты кое-где выступали, но не более чем на пару дюймов. Так что спуститься из окна по стене было невозможно. Кроме того, Доремус не обнаружил ни одного выступа, за который можно было бы ухватиться руками.

Следователь перевел взгляд направо. Здесь покато спускалась крыша, а у самого ее края Доремус заметил желоб для стока воды. Он вполне мог служить опорой. Следователь поставил на карниз ногу и попробовал было вылезти из комнаты, но даже не обремененный лишним весом, так и не смог этого сделать. Тогда он по пояс высунулся из окна, стараясь как можно внимательнее осмотреть выцветшую, красноватую крышу.

— Нет, таким образом Питер никак не мог выбраться отсюда,— запротестовал директор.— Уж больно это рискованно. И всем мальчикам это хорошо известно. Мы ведь каждый год читаем на эту тему специальные лекции. Предупреждаем, что забираться...

— Я больше чем уверен, что воспитанники следуют вашим указаниям. Все они, похоже, очень послушные мальчишки, однако Питер — исключение. Я теперь почти убежден, что выбирался он именно этим путем. И точно так же возвращался назад. Причем неоднократно, по меньшей мере раз десять, а то и все двенадцать. Ну все, нам пора.

Оказавшись во дворе, Доремус посмотрел на окна Питера.

— Стоит преодолеть вон тот опасный участок, пока крыша не станет более плоской, и тогда путешествие по ней — вообще дело плевое. А на фоне темного леса мальчика вряд ли можно заметить. Самый сложный отрезок пути — вот эти двенадцать футов. Однако в кедах или кроссовках, да еще опираясь на водосточный желоб, не так-то и трудно добраться до плоской крыши. Ну а теперь неплохо было бы отыскать то место, где он спрыгивал на землю, раз уж мы частично разобрались с его маршрутом.

Они подошли к следующему жилому корпусу. Здесь в сплошной стене одиноко чернела дверь, а дальше тянулся каменный переход в столовую. Стены его были увиты плющом.

— Вы считаете, что он лазал по этому плющу? — засомневался Милс.

— Это единственный путь, чтобы слезть с крыши.

— Да, но вы забываете, что Питер Мэтис не ахти какой спортсмен, — грустно возразил Куинлэн. — Что же могло заставить его совершать такие опасные прогулки по крышам?

Доремус задумчиво посмотрел на директора школы.

— Возможно, Крэг откроет нам эту тайну. А теперь надо проведать мальчика. Как он там себя чувствует?

* * *

Крэг и Эми покинули лазарет и сидели теперь в кабинете директора на диване.

— Сейчас он спит, — без обиняков начала Эми, как только вошли мужчины. — Но это стоило нам большого труда. Его так напичкали успокоительным, что, по идее, он должен был отключиться за считанные минуты. И тем не менее что-то его здорово беспокоит... — Голос девушки звучал печально. — Он метался в постели и стонал. Пришлось повозиться с ним не менее получаса. Давно не случалось такого в моей практике.

Крэг ничего не добавил. Он выглядел крайне подавленным и все время молчал. А когда он собрался закурить, руки у него сильно задрожали. Это выглядело почти комично, словно какой-то заштатный актер бездарно пытался изобразить мертвецки пьяного.

— Можно утром задать Питеру несколько вопросов? — осторожно закинул удочку Милс, но Крэг тут же взорвался:

— Ни в коем случае!

Однако через несколько секунд он, очевидно, пожалел о своей вспышке гнева и, окинув присутствующих виноватым взглядом, начал оправдываться:

— Питеру надо сейчас хорошенько отдохнуть... ему нужен полный покой. Скорее всего, придется поддержать его на транквилизаторах несколько дней. Видите ли, я не знаю, какую душевную травму перенес этот мальчик, но постараюсь выяснить это сам в спокойной обстановке... Я расспрошу его обо всем...

— А вдруг Питер Мэтис как раз и есть ваш брат Майкл? — подал голос Доремус.

Психолог заморгал, будто ему только что пришлось выслушать какую-то дикость.

— О чем вы говорите?

— Я поясню. Может быть, он с ч и т а е т вас своим братом?

— Боже мой, ну, разумеется, нет!

— А ведь поначалу вы сами были убеждены в том, что мальчик, который звонил Элен по телефону, искренне считал себя Майклом Янгом.

— Да, я не отвергал такой вариант. Но Питеру ничего не известно о моем брате! Впрочем, за последнюю пару недель он и в самом деле мог понабрататься слухов о «призраке Майкла» и прочей чепухе, которая просочилась даже в эту школу. Похоже, за моей спиной уже частенько точат ляды по этому поводу. Но Питер-то не мог никому звонить по телефону. И об этом я вам уже говорил.

— Да, я помню, что он немой. Но проблемы у него психологические, а не физические, верно?

— В четыре года он перестал говорить из-за силь-

ных эмоциональных переживаний и с тех пор не произнес ни слова.

— Возможно, он ничего не говорит,— согласился Доремус,— но как девятилетнему мальчику ему удаются куда более необычные для этого возраста вещи.

И следователь рассказал о том, что ему удалось обнаружить в комнате Питера. Крэг выслушал его молча, а потом встал и подошел к окнам, выходящим на освещенный прямоугольный двор интерната. Эми присоединилась к нему, и на какое-то время в комнате воцарилась тишина.

Когда Крэг, наконец, отвернулся от окна, вид у него был обескураженный.

— Я не могу в это поверить.

Милс посмотрел на Доремуса. Тот, очевидно, погрузился в свои размышления, потому что его умные зеленые глаза слегка затуманились, словно он сейчас что-то тщательно обдумывал. Следователь ничего не добавил к словам Крэга, он продолжал разглядывать Эми, которая, казалось, не в силах была отойти от окна. Милс теребил поля шляпы и вертел ее в узловатых пальцах, а потом вдруг заявил:

— Не верить — мало, и неверие вряд ли продвинет нас к разгадке тайны. То, что случилось сегодня, как раз лучше всего объясняет версия Доремуса. А теперь подытожим. Сначала раздаются эти телефонные звонки у миссис Коннелли — да вы ведь сами присутствовали при таком.— Крэг медленно покачал головой.— Во всяком случае, вы присутствовали в ее доме, когда раздался этот звонок. Короче, мальчик объявил, что он — ваш брат, а потом начал вести себя более вызывающе. Затем он звонит Пэг Коннелли и предупреждает, что с доктором Бриттоном должно произойти несчастье,— и буквально в тот же день доктор погибает. Но это непохоже на несчастный случай; наоборот, все, кажется, продумано до мелочей и отлично сработано. А когда несчастная Эльза вытаскивает своего мертвого мужа из амбара, то сразу натывается на мальчишку, который непонятно за каким дьяволом шляется в такой час на их участке и при этом, по уверению самой Эльзы, как две капли воды похож на Майкла, каким он ей за-

помнился.— Инок прокашлялся. Видимо, он не привык к таким длинным речам, а затем решительно продолжал: — И этот ваш подопечный, Питер Мэтис, вполне мог сойти за вашего брата, если вспомнить ту поблекшую любительскую фотографию, где Майклу примерно столько же лет. Очень уж Питер на него смахивает.

— По-моему, между ними нет ничего общего.

— Обратите внимание на форму лица и расположение глаз. Другие тонкости, в том числе и цвет волос, не так уж важны. Дайте мне закончить. Пэгги Коннелли уверяет, что дважды видела этого мальчика, и я охотно принимаю ее слова на веру, несмотря на то, что она всего-навсего ребенок. Однажды это происходит в сумерках на школьной спортплощадке в Шейдс, а ведь за школой тянется тот же горный хребет, что и здесь, да и расстояние между школами не более двух миль.— Тут Инок повернулся к директору.— Послушайте, а у этого Мэтиса не наблюдалось привычки сбегать из интерната?

— Да, припоминаю что-то в этом роде. Когда мальчик впервые прибыл к нам в прошлом году, он несколько раз подряд уходил в город без всякого разрешения. Но только днем. И вам это хорошо известно, шериф. Видите ли, хотя основной контингент наших мальчиков — дети непослушные, можно сказать, бросающие вызов обществу, мы все же стараемся, чтобы наше заведение как можно меньше походило на исправительную колонию. И почти все наши беглецы возвращаются добровольно.— Куинлэн бросил беглый взгляд на Крэга, и тот кивнул, подтверждая слова начальника.— Во всяком случае, Питер всегда возвращался сам. И нам ни разу не приходилось разыскивать его.

— Тогда легко объяснить, почему он встретился с Пэгги на школьной площадке. Но второй-то раз было поздно — далеко за полночь, а девочка с матерью находилась тогда довольно далеко отсюда — милях в восьми.

— Я знаю,— устало отозвался Крэг.— Я сам был тогда вместе с ними.

— Но при этом вы не видели никакого мальчика?

— После того, как Элен уехала, я оставался на месте и еще минут десять или пятнадцать с фонарем искал этого «призрака», но так ничего и не обнаружил. Я подумал, что Пэгги просто приснился этот мальчик.

— Не исключено,— пробурчал Милс.— Но я-то во время праздника не спал в полицейском участке — это точно. В тот вечер мальчик позвонил и попросил к телефону Хэпа. Конечно, у нас нет доказательств, что этот звонок связан с тем страшным происшествием на реке...

— И уж, конечно, нет никаких доказательств, что все это время по телефону звонил именно Питер,— сердито перебил Милса Крэг.— Я устал повторять вам, что Питер не в состоянии произнести ни единого слова после давнишнего эмоционального потрясения, но вас, кажется, это никоим образом не убедило. Вы предпочитаете повесить на мальчика два убийства, причем очень жестоких. Вы забываете, однако, что речь идет о больном, измученном девятилетнем мальчике!

— Крэг,— начала было Эми, но голос ее прозвучал так тихо, что его не услышал никто из присутствующих.

Крэг беспомощно поник на диване.

— Я больше ничего не хочу слушать на эту тему,— устало пробормотал он.— Я несу ответственность за Питера, поэтому должен сейчас находиться рядом с ним.

— Я просто хочу кое в чем разобраться,— мрачно возразил Инок.— Сдается мне, я ни разу не назвал его убийцей. Но нам точно известно, где он находился сегодняшней ночью и его намерение. Рядом с мельницей были обнаружены потухший факел и пустая канистра из-под бензина. И если Доремусу звонил не он, значит, тут замешан еще один сорванец. А может, черт возьми, их уже целая банда!

— Скажите,— вмешался Доремус,— а вы случайно не заметили за последнее время в поведении Питера поступков, где каким-то образом проявилось бы насилие или жестокость по отношению к окружающим?

— С тех пор, как мы познакомились, я сразу же обратил внимание на то, что у Питера время от времени случаются приступы гнева и раздражения,— охотно отозвался Крэг.— Но в этом нет ничего странного. Пару раз он даже подрался со старшеклассниками, но в каждом случае это было вполне объяснимо — его агрессивность ни в коей мере не превышала норму для мальчика его возраста. А о жестокости и говорить не приходится. Ума не приложу, зачем только ему понадобилось накидываться на вас.

— Расскажите, пожалуйста, поподробнее о Питере. Откуда он поступил в ваш интернат?

— Из Сент-Луиса. Его детство оказалось... весьма мрачным. Мать — испорченная женщина, ненавидящая всех и вся на этом свете. Она забеременела в семнадцать лет, отказалась выйти замуж за своего любовника и переехала в дом родителей, ожидая появления на свет малыша. Скорее всего, она не любила своих стариков и решила таким образом отомстить им. Если бы вы их знали, вам не пришлось бы спрашивать, за что дочь так ненавидит их. Это была пожилая, обеспеченная, вполне процветающая пара. Но более бессердечных людей лично мне встречать не приходилось. Тем не менее поведение дочери не вывело их из равновесия. Может быть, в каком-то смысле, это делает им честь. Они переехали в свое поместье и перестали принимать гостей, да и сами полностью отказались от всяческих визитов. И сейчас они редко показываются на людях. И вот родился Питер. Надо ли говорить, что ранние годы он провел в атмосфере чудовищной ненависти, царящей в этом доме. Единственным утешением для ребенка оставалось то, что мать, видимо, оказалась не до конца испорченной женщиной. Она по-своему любила сынишку. Никому не позволяя прикасаться к ребенку, она, таким образом, взяла все заботы о малыше на себя. Но когда тому исполнилось три года, она погибла, сгорев в собственной кровати; не затушила как следует сигарету. И вот тогда Питер — беззащитный и легко ранимый — оказался один на один с холодным и жестоким миром. Я уже упоминал о том, что в четыре года мальчик лишился дара речи. Можете сами

сделать вывод, что пришлось перенести бедняге в доме его бабушки и дедушки.— Внезапно на глаза Крэгу навернулись слезы, но голос его не дрогнул, и психолог продолжал: — Если бы природа не наделила мальчика железной волей, Питер Мэтис наверняка находился бы сейчас в сумасшедшем доме. Однако могу вас заверить, что состояние Питера понемногу улучшается: с помощью гипноза я пытаюсь снять с его мозга блокаду, которая и влияет на способность разговаривать. Тут у нас уже наметились сдвиги. Хотя, боюсь, после сегодняшних событий нам придется начинать все сначала.— Крэг поднялся и, смахнув слезы, устоял на ковер. Трижды прозвонил колокол.

Доремус, слегка склонив голову, внимательно слушал.

— Если быть откровенным, я считаю, что сегодня на мельнице на меня напал вовсе не Питер,— заявил он, осторожно коснувшись шишки на затылке ближе к правому уху,— кроме Питера на мельнице еще кто-то находился.— Шериф хотел было возразить, но следователь жестом остановил его: — Нет, Иннокентий, я больше никого не видел, это чисто теоретическое предположение. Но, учитывая мой рост, трудно представить, что бегущий мальчик мог нанести мне удар по голове. Ведь пока мы там играли в кошки-мышки, он не стоял на месте, а все время удирал: да-да, для него все это явилось чем-то вроде игры. Питер не разговаривал, это верно, однако он то и дело злорадно хихикал, будто вся эта заваруха доставляла ему немалое удовольствие.

Теперь все, кроме Эми, пристально смотрели на следователя. Девушка же словно окаменела, не в силах отвести взгляда от окна.

— Понимаете, для Питера это была всего лишь игра. Он отправился на мельницу не для того, чтобы убить меня или кого другого. Даже когда он крался ко мне с факелом в руке, поведение его было каким-то странным. По-моему, он просто хотел передать мне факел, словно кто-то невидимый на каждом шагу подсказывал мальчику, что надо делать дальше. И когда я не взял у Питера факел, он выглядел довольно расте-

рянным.— Доремус замолчал, а потом вдруг неожиданно обратился к девушке: — Эми, вам это ни о чем не говорит?

Вопрос не застал ее врасплох. Эми оторвала, наконец, взгляд от окна и после короткой паузы тихо, но отчетливо вымолвила:

— Да.— Голос ее звучал решительно.— Кажется, я начинаю понимать, что все это значит.— Тут Эми снова перевела взгляд на окно.— Во всяком случае, нельзя отрицать, что Питер частенько удирает отсюда, иногда даже поздно вечером. Остается предположить, будто что-то или кто-то заставляет его пускаться в такие опасные путешествия. Другого объяснения я не нахожу. Питер одержим. Вот вам мое мнение.— Она вызывающе посмотрела сначала на Крэга, потом на ошеломленного директора интерната.— И одержим он не кем иным,— продолжала девушка,— как самим Майклом Янгом.— Глаза ее расширились, в них заметался страх, а голос стал еще тише.— Вот кто контролирует его действия. Это он заставляет Питера совершать все жуткие поступки.

Крэг беспомощно застонал, а Куинлэн смерил девушку таким взглядом, будто она находилась в состоянии сильнейшего бреда.

— Эми, не надо опять...— с отчаянием в голосе начал было Крэг.

— Это просто ТЫ не веришь в одержимость духами, а ведь она на самом деле существует! Сколько томов исписано на эту тему известнейшими людьми! Ты же сам недавно говорил, что чувствуешь, будто в Шейдс присутствует некое зло. Будто оно вырвалось на волю, как джинн из бутылки. Не хочу утверждать, будто это именно дух Майкла Янга. Но Майкл ведь может оказаться и живым, как предполагал Доремус. В этом тоже есть доля истины, правильно, Крэг? Ведь еще пару дней назад тебя вполне устраивала эта теория. Хорошо, допустим, что Майкл Янг действительно не погиб тогда, а вырос где-нибудь в другом месте, а потом вернулся назад, в наш город. Стало быть, он живой, настоящий, ходит себе рядом с нами и убивает людей. Мы вот не знаем, кто он на самом деле... а Питер знает!

— Что-что? — только и выговорил Крэг.

— Да-да, Питер его знает, — настаивала Эми. — Он не раз встречался с Майклом в лесу, и они успели подружиться. Майкл много чего рассказывал Питеру о семье Янгов, о трагедии, разыгравшейся с его матерью, и, конечно же, сердце Питера растаяло, он проникся к Майклу симпатией и сочувствием. Ведь мать Питера тоже была несчастной женщиной — ее ненавидели, преследовали, и потом эта загадочная, страшная смерть от собственной сигареты... Видите, как много у них общего. А Майкл успел поумнеть — он ведь уже не ребенок. Вот он теперь и использует Питера в своих корыстных целях. Он же мог заставить Питера сделать что угодно, пойти на любое преступление во имя, ради... — Внезапно Эми замолчала на полуслове и вдруг выкрикнула: — Элен! — Голос прозвучал необыкновенно хрипло, как будто у девушки сильно болело горло.

— С ней все в порядке. С одиннадцати часов у ее дома дежурит полицейский, — попытался успокоить Эми Инок Милс. Он скомкал свою широкополую шляпу, облизнул пересохшие губы и обратился к Доремусу: — По-моему, версия Эми выглядит самой убедительной из тех, что мне сегодня пришлось выслушать в этой комнате. Не исключено, что Питер смог бы здорово помочь нам. Но это, разумеется, зависит от того, когда нам позволят навестить его, — закончил Милс и выразительно посмотрел на Крэга, который, казалось, даже не расслышал его просьбы. — Кстати... где расположен ваш лазарет?

— На третьем этаже в этом корпусе, — поспешно ответил директор интерната.

— А сегодня ведь уже воскресенье, — задумчиво произнес Инок. — Как вы думаете, сколько еще проспит мальчик?

— Не менее пятнадцати часов, если, конечно, его не будут тревожить, — отозвался Крэг.

— Я считаю, у входа в лазарет тоже надо поставить полицейского. Только тогда я буду спокоен за то, что его никто не потревожит без вашего согласия. А еще лучше, отправим-ка его в городскую больницу. Не

забывайте: мы имеем дело с самым настоящим убийцей, а уж он ни перед чем не остановится, если ему взбредет в голову добраться до мальчишки.

При этих словах Эми побледнела.

— В лазарете, кроме Питера, еще три мальчика и дежурная сестра, она круглосуточно находится около больных,— возразил Крэг.— Так что Питер — в полной безопасности. К тому же я лично буду дежурить возле него, пока он не проснется, а если понадобится, то и дольше.

— Чем раньше мы выясним его загадочного приятеля, тем лучше.

— Вполне с вами согласен.— Крэг бросил на Эми долгий взгляд.— Ну, теперь, когда мы знаем ответы на многие вопросы, я считаю, что вскоре мы разберемся с этими тайнами раз и навсегда.— Возбуждение вновь охватило Крэга. Казалось, его что-то тревожит: — Но почему же Май... Майкл ни разу не пришел ко мне? Ведь мы с ним были друзьями... Неужели он и в самом деле желает моей смерти? Как мог он измениться за эти годы? — Эми положила ему руку на плечо, пытаясь успокоить, но Крэг не замечал ни ее руки, ни самой девушки.— Мне теперь легче поверить в привидение. Или, например, в то, что у Питера выросли крылья и он может летать.— Крэг хотел было рассмеяться, но поперхнулся и надрывно закашлялся. Глаза его лихорадочно блестели, щеки пылали.— Безумие,— бормотал Крэг.— Это какое-то безумие, это невероятно... Единственное, во что я пока согласен верить, это в мальчика. В нашего беспомощного маленького мальчика.— Эми вздрогнула и убрала руку с плеча Крэга. Движение это было таким мимолетным, что не ускользнуло лишь от внимательных глаз Доремуса.

— Я бы тоже хотела остаться здесь на ночь,— тихо произнесла она.

— Что ты говоришь? Нет-нет, в этом нет никакой необходимости. Эми, тебе надо выспаться. А если что-нибудь произойдет, я тебе сразу звякну...— Крэг посмотрел на нее и, кивнув на прощание Иноку Милсу с Доремусом, направился к выходу. Закрыв за собой

дверь, Крэг бросился вверх по лестнице. Он так спешил, что перескакивал сразу через три ступеньки.

Инок Милс устало зевнул и, вынув из-под саржевого жилета «кольт», передал его Доремусу.

— Чуть не забыл... мои ребята нашли вот это возле пустой канистры из-под бензина. Вы стреляли три раза, верно?

— Просто для остротки. Я ни в кого не целился.

Милс встревоженно покачал головой:

— Давайте завалимся завтра в какое-нибудь уютное местечко и обговорим подробности этого дельца. А теперь разрешите подбросить вас до деревни.

Доремус отказался, и Милс покинул кабинет, пожелав всем спокойной ночи.

Директор интерната поднялся и, шаркая домашними тапочками, начал везде гасить свет. Эми почувствовала себя брошенной и одинокой.

— А знаете, меня очень интересуют книги по демонологии, которых у вас, насколько я понял, предостаточно,— осторожно начал Доремус.— Вы не могли бы одолжить мне парочку на несколько дней?

— С удовольствием.

Все трое вышли из кабинета директора. Куинлэн жил неподалеку от здания интерната, и, когда Крэг срочно вызвал его, директор явился, наспех натянув на пижаму сразу несколько свитеров. Сверху он набросил теплое пальто.

— Наверное, необходимо сообщить о случившемся родственникам Питера,— предложил Куинлэн.— Это единственное, что пока приходит мне в голову. Но я даже не знаю, как им все это объяснить. Совсем не представляю, с чего начать.

— С Питером все будет теперь в порядке,— попыталась успокоить его Эми.— В этом я почему-то убеждена.

— С ним ужасно обошлись... Его просто использовали в корыстных целях. И все это произошло буквально у нас под носом. А я-то, старый осел, был уверен, что для наших мальчиков мы из кожи вон лезем... пытаемся сделать все, чтобы им было у нас хорошо.

— Разумеется, сэр.

— Мисс Лоулор, проследите, чтобы мистер Кетчам запер за вами, хорошо?

Поникнув головой, директор зашагал в сторону стоянки, где оставил машину. Он казался теперь беспомощным стариком.

— Куинлэн — замечательный человек, — сообщила Эми, — но только... наверное, уже слишком стар для такой тяжелой работы. Мне иногда бывает его искренне жаль. Всеми силами он пытается помочь каждому нашему ученику.

Они медленно шли по коридору до самого конца, туда, где располагался кабинет Эми. Она молча указала на застекленный шкаф с книгами и, опустившись на скрипучий кожаный диван, замолчала, теперь уже надолго.

Доремус из вежливости наскоро пролистал несколько томов, а потом обратился к девушке:

— Вы знаете, я тут подумал и пришел к заключению, что у меня сейчас вряд ли хватит времени на чтение. Может быть, я лучше попрошусь к вам в попутчики и вы меня подбросите по дороге?

Эми возмущенно посмотрела на следователя, однако через мгновение взгляд ее смягчился:

— Вы знаете, пожалуй, я не откажусь от такой компании, — призналась она.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Она лихо управляла своим стареньким «мустангом», время от времени потирая рукой глаза и передергивая плечами, чтобы не заснуть за рулем. Доремус, слегка согнувшись, сидел рядом. Сейчас ему как никогда хотелось закурить сигару.

— Если вас не затруднит... мне бы все-таки хотелось разыскать свой мотороллер. Я оставил его где-то в кустах неподалеку от мельницы.

— С удовольствием,— согласилась Эми, хотя в голосе ее послышалось легкое раздражение.— Если не ошибаюсь, это по дороге к молочной ферме Милликан?

— Совершенно верно.

В молчании они промчались мимо опустевшей деревни. Ранний туман только-только начинал рассеиваться, в небе сияла огромная ярко-желтая луна.

— Вы ведь достаточно близко знакомы с Крэгом Янгом, не так ли? — поинтересовался Доремус.

— С тех пор, как приехала в ваши места — полтора года. Сразу после окончания Калифорнийского университета.

— Так, значит, вы родом из Калифорнии?

— Я и родилась, и воспитывалась там. В Уэст-Ковине. Тогда там еще можно было побродить по настоящей апельсиновой роще.

— Элен рассказывала, что одно время вы даже мечтали стать кинозвездой.

— А какая девчонка не грезит этим в шестнадцать лет?.. Мне везло во всем, к тому же многие считали, что я достаточно хороша для кино. Этаким бутончик, если можно так выразиться. Мне тут же предложили несколько эпизодических ролей, а потом мы задумали целую серию фильмов ужасов. Мы их снимали по ночам, освещая площадку взятым напрокат прожектором. За триллерами последовал еще один сериал, его крутили целых тринадцать недель, а потом о нем полностью забыли. Честно говоря, все это — чушь, но тогда успех буквально вскружил мне голову. И вот на меня положил глаз известный импресарио. У него были такие связи, что, запросто звякнув любому киношному небожителю, этот агент за несколько минут мог договориться с тем о моем контракте. Тем временем я, как говорится, совершенствовала свое искусство, училась у других актеров. В один прекрасный момент я поняла, что меня окружают совершенно феноменальные юноши, которые умудряются в свои двадцать с небольшим лет полностью утратить духовность. Через некоторое время, точнее, через два года, я, наконец, стала осознавать, что подобное может вскоре произойти и со

мной. Вот тогда-то я решительно поставила на своей кинокарьере точку.

— Я вполне одобряю ваш нынешний выбор.

— Я тоже. То, чем я сейчас занимаюсь — просто идеальный способ проявить мои возможности.

— Наверное, вы с Крэгом скоро поженитесь. Я угадал?

Несколько секунд Эми молчала, и пауза эта показала обоим мучительной.

— Да, вероятно, уже скоро.

По проселочной дороге они направились к молочной ферме, поднимая за собой клубы пыли. В свете фар мелькнул еле заметный отсюда мост через ручей, и Эми затормозила.

— А я ведь собирался спросить Крэга, не приметил ли он кого на этой дороге, когда ехал сюда, — задумчиво произнес Доремус. — Странно, почему-то этот вопрос вылетел у меня из головы.

— Наверное, вы сильно переволновались. А кроме того, он ведь мог ехать по другому шоссе. К Брюннелю имеется и гораздо более короткий подъезд. — Доски моста угрожающе закрипели под колесами. — Где мне остановиться?

— Как только съедем с этого мостика. Кстати, а каким образом Крэг очутился у Брюннеля? Представляю, каких усилий стоило бы нам затащить Питера назад в школу.

— Крэг с ума сходит от его шедевров, особенно от той гигантской бронзовой обнаженной дамы. А Брюннель фактически никуда не выходит из своей галереи — так и торчит там целыми днями. — Эми выключила мотор. — Я думаю, лучше положить ваш мотороллер в багажник, боюсь, на заднем сиденье он не уместится. У меня есть веревка и трос, так что мы его надежно прикрутим.

Они вышли из автомобиля, и Доремус при свете фар без труда отыскал в кустах свой мотороллер. Выкатив его, следовательно засунул мотороллер в багажник, и вдвоем с Эми они ловко привязали крышку багажника к заднему бамперу. Эми в задумчивости наблюдала, как вдали клубится туман. В лунном свете поверхность

пруда сверкала, как зеркало, и Доремус сразу же узнал то место, куда он плюхнулся, проломив прогнившие доски мельницы.

Внезапно Эми вздрогнула.

— Жуткое местечко. Вы, наверное, не из робкого десятка, раз отважились навестить здешние края, не зная, что может ожидать...

— Ну, поскольку мы все-таки снова очутились здесь, мне хотелось бы теперь более тщательно осмотреть это место,— заявил Доремус и начал спускаться вниз к воде, освещая себе путь фонариком, который он одолжил у фермера Хока.

— Неужели вы оставите меня одну? — испуганно проронила Эми.

Доремус оглянулся и, широко улыбнувшись, предложил:

— Пойдемте вместе. Такая компания меня вполне устраивает.

Эми была в толстом розовом свитере, лыжных штанах и высоких черных сапожках, поэтому она легко пробралась сквозь густой кустарник и не раздумывая вошла в мелкий ручей. У самого берега рядом с мельницей Доремус протянул руку и помог девушке преодолеть скользкий участок. Они стояли рядом в лунном свете и молча разглядывали вход на мельницу. Здесь, на площадке перед дверью, виднелось множество различных следов.

— Куда же вы упади? — поинтересовалась Эми, и Доремус указал ей это злополучное место.

— Но это же очень высоко! Вы могли разбиться.

— Эта мысль пришла мне в голову всего лишь часу тому назад. У меня внезапно появилось такое ощущение, что все тело изнутри охватила дрожь. А до этого я, вероятно, просто находился в состоянии шока.

Эми закусила губу.

— Пойдемте отсюда. Я так вымоталась, и, кроме того...

— Ну, еще хоть пять минут.— Они вплотную приблизились ко входу на мельницу.— Меня мучит один и тот же вопрос: почему именно бензин? — вслух рассуждал Доремус.— Что же происходит сейчас у него в моз-

гах? Ведь он мог преспокойно дожидаться, пока я появлюсь в двери, и на куски разнести мне голову из того же «кольта». Зачем только такие сложности — тащить с собой несчастного Питера?.. Да еще заставлять его участвовать в такой страшной игре?

— После того как вы свалились в пруд, они тут же убежали, я правильно все поняла? Оба. А он, ну, Майкл, вероятно, подумал, что вы уже мертвы.

— Скорее всего, да. — Теперь Доремус с Эми стояли у кустов перед мельницей. — Они побежали сюда, в сторону главной дороги. Здесь-то он и выкинул факел, пустую канистру и мой револьвер. Очевидно, он нашел его внутри. Я ведь обронил «кольт». И вот на полпути дорогу им перерезал один из сыновей Хока — Виллис, — он заметил их, к тому же у Виллиса был с собой фонарь. Вместо того чтобы, пригнувшись, замереть и выжидать, пока минует опасность, Питер, скорее всего, перепугался и рванулся вперед, в сторону пастбища. И тогда Виллис помчался вслед за ним. Скорее всего, Виллис был настолько возбужден, что вообще не заметил Майкла. А Майкл, уже не опасаясь никакой погони, беспрепятственно прошел через лес к основной дороге. Туда, где он заранее оставил машину.

Эми посмотрела на Доремуса, и теперь в лунном свете ее глаза напоминали два темных бездонных озера.

— Безусловно, у него есть машина, и Майкл сам ее водит: иначе как бы он каждый раз смог таскать с собой Питера? Следовательно, его автомобиль был припрятан где-то на обочине. А Питер остался на какое-то время без его присмотра. Итак, что бы вы сделали на месте Майкла?

— Я бы... просто ждала его возле машины, наверное.

— Ну а если бы Питер так и не появился в скором времени, вы бы сами отправились на его поиски, так? И если последний раз вы видели его на пастбище, стоит отправиться именно туда? Но при этом необходимо соблюдать осторожность, чтобы не выдать себя. Значит, надо возвращаться лесом, двигаясь по его кромке, затем

пересечь болото. И вот тогда-то вы окажетесь как раз у галереи Брюннеля.

— Да,— только и вымолвила Эми.

— Здесь-то вы и находите Питера. Он забрался на вершину холма, но звать его слишком опасно — значит, вам остается отлавливать его возле самого амбара Брюннеля, затем подвести к машине и срочно сматываться отсюда.— Доремус подвел Эми к залитому луной пастбищу. Кое-где траву прихватил легкий иней.— Так вот именно в этом направлении я и пошел в поисках Питера — к Брюннелю. Вероятно, Питер заметил меня и... Майкл, несомненно, тоже, в тот момент, когда я прятался у леса. Он сразу же оценил обстановку и смекнул, что я доберусь до Питера гораздо быстрее его, и тогда его затея — коту под хвост. Поэтому он возвращается на то самое место, где оставил машину. Скорее всего, он припрятал ее в кустарнике, чтобы тот хоть чуть-чуть приглушил звук мотора. А потом..

— Он уехал,— быстро закончила Эми.

Доремус выключил фонарь и повернулся лицом к девушке. Они стояли по щиколотку в густой траве среди поднимающегося тумана, и их дыхание клубилось легкими облачками. Эми выглядела крайне изможденно, дыхание у нее словно сковало. Девушку охватила дрожь, но не от холода. Что-то не давало ей покоя. На щеках серебряными ниточками заблестели слезы.

— Нет, я так не считаю,— спокойно возразил Доремус.— Он доехал только до владений Брюннеля. И звали его не Майкл.

— Боже мой,— надломленным голосом еле выговорила Эми.— Боже, Боже, нет, нет, прекратите, Доремус! Я не хочу вас больше слушать!

— Там, в интернате, вы неплохо все подытожили, Эми. Вы по кусочкам сложили то, что было уже известно, все, о чем только могли подозревать — все наши теории и версии. Вам удалось слепить из них стройный рассказ, и звучал он весьма убедительно. Но не все в вашем рассказе оказалось правдой, потому что сама правда гораздо, гораздо страшнее. И тем не менее, Эми,

мы должны посмотреть ей в глаза. Истина должна вос- торжествовать.

— Нет! Нет, это невозможно!

— Нет в Шейдс никакого Майкла Янга, который якобы тщательно планирует убийства, пытаюсь отомстить за свою мать. Майкл Янг умер в ту ночь во время бурана, а дух его сейчас пребывает на небесах. Нет никакого Майкла Янга. Он не существует в действительности. Несмотря на все отчаянные попытки Крэга вернуть его к жизни в образе Питера Мэтиса.

Доремус был готов к чему угодно, но только не к той реакции, которая моментально последовала у Эми после его монолога. Девушка набросилась на него с кулаками и, нанося беспорядочные удары, осыпала тумаками и голову, и плечи, и грудь Доремуса. Эми задыхалась и поэтому не могла кричать, но звуки, доносящиеся из ее горла, были куда страшнее самого отчаянного визга. Следовательно попытался удержать ее за руки. Тогда она ударила его головой в подбородок, и Доремус, потеряв равновесие, упал. Девушка начала безжалостно избивать его ногами — совсем как озверевший мужчина. При этом она вопила и истерично причитала. Доремус перекашивался с боку на бок, пытаясь избежать сильнейших ударов, наносимых каблуками. Наконец ему удалось схватить Эми за лодыжку, и он с силой крутанул ей ногу. Эми тяжело рухнула на землю, но, к счастью, высокая трава смягчила удар. Девушка села, все еще продолжая лягаться, и угрожающе выставила вперед руку, словно собираясь вцепиться ногтями в лицо Доремусу. Тот отбросил ее руку и почти оглушил девушку здоровенной оплеухой. Взметнулось вверх облако волос, и Эми удивленно уставилась на Доремуса. Однако ухмылка никак не сходила с ее губ, растянутых в злобном оскале. Тогда Доремус вlepил ей еще одну пощечину, и Эми разом обмякла, беспомощно уронив на грудь голову и опустив руки. Белокурые локоны рассыпались по плечам. Из горла Эми вырвался жуткий, нечеловеческий вопль.

Стоя над ней, готовый в любой момент вкатить девушке очередную затрещину, Доремус вдруг испытал

в глубине души желание овладеть Эми. Это обескуражило следователя: ведь который месяц подряд ни одна женщина не вызывала в нем сексуального влечения. Но уже мгновение спустя Доремуса захлестнула нежность и жалость к несчастной девушке. Он осторожно склонился над ней и, приподняв за локти, помог встать на ноги. Эми не сопротивлялась, все еще не решаясь открыть глаза. Она то и дело всхлипывала, судорожно сглатывая. Доремус отпустил ее руки, и она распрямилась с той энергичной решимостью, с какой только что набрасывалась на следователя.

Доремус оставил Эми на лугу, а сам направился к мельничному пруду, разрывая по дороге рубашку, которую одолжил у скульптора. Он намочил ткань и вернулся на луг. Девушка ничком лежала на траве. Доремус опустился на колени, перевернул Эми на спину и осторожно приложил влажную ткань к ее распухшему лицу. Девушка вздрогнула и попыталась было отодвинуться от него.

— Я хочу умереть,— простонала Эми.

Доремус начал скрупулезно изучать лицо девушки. Все, на что он прежде не обращал внимания, теперь приятно поразило его: аккуратный чуть вздернутый носик, мягкий овал лица с едва выдающимися скулами, волевой подбородок, удивительно длинные и густые ресницы. «Какая же это для нее трагедия — так влюбиться в Крэга», — подумал про себя следователь. Ведь она всеми способами пыталась защитить его, всячески оправдывая Крэга, а жестокая истина изнутри сжигала все ее существо. Доремус давно начал догадываться о происходящем, но вот как это хрупкое создание смогло оценить чудовищную ситуацию? Может быть, благодаря женской интуиции? «Как она прекрасна, — с тоской размышлял он. — Такая способная, восхитительная. Что же мне теперь с тобой делать, как успокоить, утешить, что сказать в эти страшные минуты?»

Доремус глубоко вздохнул и поднялся на ноги. Эми лежала на траве без движения, грудь ее едва заметно приподнималась. Следователь склонился над девушкой и легонько пошлепал по ее лицу влажной тканью, чтобы поскорее привести Эми в чувство.

— Вставайте,— приказал он.— Я не собираюсь тащить вас на руках. Вы уже достаточно взрослая, чтобы передвигаться самостоятельно.

Эми не обратила внимания на его замечание, и Доремус снова мягко ударил ее концом мокрой рубашки. Девушка открыла глаза и взглянула на Доремуса. При свете луны он заметил, как покраснелись ее щеки, а на одной из них виднелась небольшая ссадина.

— Вам не надо было этого делать.

— Вставайте.

Эми уселась на траву, а потом с трудом поднялась на ноги. Доремус бесстрастно наблюдал за ней. Внезапно Эми словно прорвало:

— Я вас терпеть не могу. На всем белом свете не найти более ненавистного для меня человека. Я не шучу. Я невзлюбила вас с самой первой встречи. Вы зазнайка, бессердечный и занудный пижон. И я хочу, чтобы вы об этом знали.

Закончив эту тираду, Эми, слегка пошатываясь, побрела через пастбище к мельнице. Там она остановилась и, коснувшись раненой щеки, зарыдала. Доремусу вдруг показалось, что именно так должны плакать обиженные дети, которых не понимает никто в мире.

Он подошел сзади и, поддерживая девушку за локоть, осторожно повел вдоль ручья к машине. Всю дорогу Эми не переставала всхлипывать. Когда же они сели в автомобиль, она неожиданно обняла Доремуса обеими руками и уткнулась холодным лицом ему в плечо, в новенькую курточку Виллиса Хока, которую тот одолжил Доремусу. Следовательно не противился, он ждал, пока Эми наконец успокоится. Небо на востоке начинало светлеть. Эта ночь оказалась бесконечной. И тут на Доремуса навалилась смертельная усталость. Он почувствовал себя измученным и опустошенным. К тому же голова его раскалывалась. А еще Доремус был уверен, что конец этой жуткой истории еще далеко...

— Наверное, он... тяжело и серьезно болен. Я не знаю, как это могло произойти... Но раньше я над этим не задумывалась. Ни разу за все время. Он что-то там

скрывал, странные, навязчивые мысли днем и ночью терзали его. Сколько же времени вынашивал он в голове свои планы? О Господи, Боже, Боже, что я могу сделать, как помочь ему?

— Эми, теперь самое главное — всегда помнить об этом, Крэг действительно болен. И чрезвычайно опасен. Теперь же — как никогда, потому что может почувствовать, что мы близки к разгадке его тайны.

Эми отстранилась от Доремуса и испуганно обронила:

— Питер!

— Рядом с Крэгом Питер находится в полной безопасности. Пожалуй, он единственный, кому сейчас ничего не грозит.

— Как же он мог заставить Питера делать все эти чудовищные вещи? Разгуливать по крышам школьных корпусов... Ведь он мог запросто сорваться и погибнуть. И какое отношение имеет Питер к смерти доктора и Хэпа? Доремус, я ничего не понимаю!

— Думаю, все началось именно с Питера. Ведь он внешне здорово смахивает на Майкла Янга, да и лет ему примерно столько же, сколько было Майклу, когда тот погиб. Кроме того, насколько мне известно, характеры Питера и Майкла, их темпераменты тоже имеют много общего. И вот в жизни Питера появляется Крэг — школьный психолог. Крэг пытается разрушить стену озлобленности и враждебности, из-за которой Питер потерял дар речи. Они все ближе и ближе друг к другу. Схожесть судеб сплачивает их. Ведь и у того, и у другого трагически погибли матери. Может быть, именно это влекло Крэга к Питеру — у того тоже отняли мать, и она трагически погибла, причем так внезапно.

— Но почему все так случилось? — не выдержав, воскликнула Эми.

— За последнее время мы только и слышали, как сильно любил свою мать Майкл. Он возненавидел всех, стал непослушным, неоднократно пытался сбежать из дома. А что мы знаем об отношении Крэга к матери? Как он воспринял ее смерть? Неужели ему было все равно? Сильно сомневаюсь. Думаю, ему было так же

больно и обидно за мать. Вот он и затаил злобу на тех, кто приложил руку к ее смерти, и поклялся отомстить. Как и его брат. Но мальчики отличались друг от друга и характерами, и темпераментами. Крэг, видимо, относился к тем, кто, закусив губу, сжимает кулаки и держит все в себе. Кроме того, на плечи ему легли заботы о младшем брате. Он почувствовал ответственность за братишку — ведь они остались совсем одни под попечительством малознакомой тетки, которую поначалу невзлюбили и относились к ней с недоверием. Словно весь мир восстал против Янгов, и теперь Крэгу приходилось любой ценой охранять Майкла. Только представьте, как глубоко потрясла Крэга смерть брата — ведь он не уберег его, потерпев полное фиаско.

Выпрямившись в кресле, Эми с каменным выражением лица слушала все, что говорил ей следователь. А потом, облизнув губы, произнесла:

— Наверное, он чувствовал себя... виноватым. Навероятно, чудовищно виноватым в этой гибели.

— Именно так. И с возрастом комплекс вины набирал силу. Скорее всего, его психика не выдержала. Безусловно, все эти годы он страдал. Вы догадываетесь, что может произойти с человеком, который постоянно ощущает на себе вину, который к тому же вынужден скрывать чувства и мысли от других, ежесекундно контролируя свои поступки.

Эми немного помолчала, а потом, запинаясь, промолвила:

— Он может... сам себя уничтожить. Или... перенести часть бремени на кого-нибудь другого.

— Разумеется. Как, например, на Элен Коннелли. Или на Эндрю Бриттона. Или на Хэпа Уошбрука.

— Доремус... А почему вы все-таки уверены, что это дело рук именно Крэга?

— Подозрение закралось в тот момент, когда я понял, в какой зависимости от Крэга находится Питер. Кстати, в амбаре, когда я преследовал Питера, произошла тоже довольно любопытная штука. Я нечаянно дернул за веревку колокола, он прозвонил десять, а может, и двенадцать раз. И в эту самую минуту Питер встрепенулся, будто... очнулся ото сна. Выглядел он так,

словно плохо соображал, что делает и где находится. Происходящее, видимо, потрясло его, и он чуть было не упал. Позже, когда я услышал бой колокола в гринлифском интернате, очень схожий с колокольным звоном в галерее скульптора, мне вдруг показалось, что все это время, пока я его преследовал, мальчик находился под гипнозом. А колокол послужил как бы сигналом к его пробуждению. Ведь школьный колокол звучал точно так же. Я имею в виду, что Питер «очнулся» от навязанного ему гипнотизером сна. А потом и сам Крэг упоминал о том, что для лечения Питера он активно использует гипноз. Вот тут-то мне и пришла в голову мысль, что Питер по ночам выбирался из своей комнаты и как кошка путешествовал по крышам школьных корпусов. Теперь-то мне становится понятным, почему это так легко удавалось ему. Ведь он проделывал все эти трюки, находясь под глубоким гипнозом. Крэг контролировал каждое движение мальчика, кроме того случая в амбаре, когда Питер очнулся и, заметив Крэга, кинулся к нему.

— Что-то подобное и мне приходило в голову. Питеру кто-то наверняка должен был помогать убежать из интерната. Тот, кто имеет разрешение покидать школу и возвращаться на машине в любое время. У него не спрашивали пропуск, ведь его лицо было хорошо знакомо сторожу. И тогда я тоже догадалась, потому что...— Эми замолчала и, пошатнувшись, уткнулась головой в подбородок Доремусу. Он успел поддержать ее, и густые светлые волосы рассыпались у него по плечам.— Там, наверху, в изоляторе, когда Питер заболел, Крэг вышел из себя. Да, именно так. В это время я находилась в соседней палате — там, где хранят лекарства. Я хотела дать Питеру успокоительное — мальчик был невменяем — и нашла ампулу мепробамата. Медсестра у нас старенькая и без очков ничего не видит. Она тоже очень переживала за Питера. Отыскав лекарство, я передала ей ампулу, чтобы медсестра подготовила все для укола, а сама вернулась к Крэгу. Он сидел на кровати с Питером, крепко обняв его, и поначалу мне показалось, будто рядом с ними находится еще какой-то мальчик. Я ведь могла не заметить этого третьего пар-

нишку, мало ли зачем он мог прятаться в лазарете. Потому что я слышала голос: «Не надо, Майкл, не надо... ты не погиб, ты не погиб...» И это был детский голос, голос маленького мальчика. Но в комнате кроме нас никого не было. Это говорил Крэг. И голос этот... я слышала раньше. Несколько дней назад, по телефону. Крэг уехал тогда от меня минут за тридцать до этого звонка. И я готова поклясться, что это был именно тот самый голос. По телефону он назвался Майклом. И заявил, что ненавидит Крэга.— Эми напряглась, и Доремус крепче обнял ее.— Боже мой! — со стоном произнесла девушка.— Мне так страшно!

— А что случилось после того, как вы слышали, что Крэг называет Питера Майклом?

— Крэг заметил меня и, повернувшись, уже своим нормальным голосом спросил: «Ну, что ты так долго возилась там? И где, наконец, эта медсестра?» Как раз в этот момент в палату торопливо вошла медсестра со шприцем и сделала Питеру успокаивающий укол. Причем дозу вкачала немалую. Я ушла. И старалась не думать о том, что слышала несколько минут назад. Я заставляла себя не вспоминать больше об этом никогда. Потому что в тот момент меня словно ударили ножом прямо в сердце. Знаете, когда ранят острым кинжалом, кровь выступает не сразу, а чуть позже. Простите, Доремус, что я вам тоже причинила боль. Но у меня, похоже, оставался последний шанс не утонуть в луже собственной крови.— Эми опустила руку следователю на колено. Он почувствовал ее дыхание на своей щеке и улыбнулся, ощутив в душе внезапный прилив нежности.— Но зачем он использует Питера? — продолжала Эми.— Почему он уперся, настаивая, что Питер и есть Майкл? Хотя, наверное, на этот вопрос ответ может дать только он сам. Я права?

— Вы же сами наблюдали, как он перевоплощается в течение нескольких секунд. Я не понимаю, зачем ему это, но... давайте рассуждать так: у Крэга на сердце тяжкий груз. В этом мире он одинок. Его жизненный путь представляет собой чередование светлых и темных полос. Вот, к примеру, Крэг попадает на темный, как

ночная мгла, полный ужаса отрезок, а уже дальше, всего в двух шагах, сверкает солнце, и его теплые лучи, касаясь лица, согревают. Наверное, обо всех детских кошмарах Крэг вспоминает именно на темных участках пути. Он хотел бы замедлить этот стремительный бег времени, серьезно задуматься обо всем происходящем, но не в силах сделать этого. Ни на секунду не может он остановиться, потому что знает: тот груз на сердце погребет его. Когда я еще служил в полиции, мне частенько приходилось иметь дело с психопатами, нередко беседовал я и с психиатрами. Они-то и давали мне самые подробные консультации. Так вот, у психически больных людей на определенном этапе жизни отчаяние достигает апогея, и тогда даже самое незначительное событие, сущий пустяк, может навечно погрузить их во тьму, где кошмары полностью овладеют несчастными. Вы должны знать об этом, Эми, ведь это ваша профессия. Конечно, о таких вещах не больно-то приятно думать и рассуждать. Ведь закон не может предъявить Крэгу никакого обвинения — у нас нет доказательств. Ни единого. Его, разумеется, надо изолировать от общества. Но это практически невозможно.

— А что нам теперь-то делать? Убрать от него Питера?

— Я еще раз повторяю, что Питер под опекой Крэга находится в полной безопасности. Потому что психика Крэга в огромной степени зависит сейчас от этого мальчика. Правда, неизвестно, насколько Крэг сам навредил Питеру, я имею в виду его душу. Но надеюсь, что опытный специалист сможет вернуть мальчика в нормальное психическое русло, когда кончится весь этот кошмар.

— Но что же делать нам? — не унималась Эми.

— Советоваться, думать, искать выход. Да, сейчас мне нужно срочно позвонить. А потом... мне понадобится ваша помощь, это очень важно. Необходимо доказать, что Крэг сумасшедший и способен на убийство. Это будет нелегко. И к тому же времени у нас осталось в обрез.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Элен проснулась сегодня даже раньше, чем Пэгги, в половине восьмого. Дочурка мирно сопела рядом. Она спала на животе, обхватив ручонками пышную подушку. Девочка все реже и реже забиралась теперь в постель к матери. А в былые времена Пэгги частенько шлепала голыми ножками по коридору, спотыкаясь в темноте о ступеньки. А затем, юркнув к матери под одеяло, тут же засыпала. От близости детского тельца у Элен сладко замирало сердце. Это были минуты, когда одиночество, казалось, отступало. И женщина со счастливой улыбкой погружалась в сон. Когда же Элен пробуждалась и обнаруживала рядом Пэгги, печаль иногда овладевала ею: природа властно требовала другого тепла.

«Да, воробушек растет. И как быстро», — заметила про себя Элен, подтыкая под Пэгги краешек одеяла, чтобы той было уютней.

Утро выдалось ясное и прохладное. На заднем дворе иней уже слегка тронул желтые опавшие листья. Элен накинула свой самый нарядный халат — в таком и королеве не стыдно было бы показаться — рукава оторочены кружевными манжетами, от ворота и до пола по всему запаху тоже спускались кружева, но только баснословно дорогие. Элен сбегала вниз по лестнице, и, заметив вдруг, что дверь в кабинет распахнута настежь, застыла как вкопанная. Только теперь она поняла, что ставший привычным запах сигарного дыма отсутствовал. Элен заглянула в кабинет. Доремус, вероятно, заходил сюда ночью и, прихватив свои пожитки, покинул дом. Одеяло, простыни и подушка, на которой он спал, лежали на диванчике, аккуратно сложенные. Сверху Элен заметила записку, а рядом с ней — желтый бланк телеграммы.

«Элен!

Как Вы, наверное, уже поняли (из телеграммы), я вынужден ненадолго съездить в Платвилл. Я ведь вырос на руках у Суэна и его

жены, поэтому не смог отказать им. Я как раз успеваю на семичасовой автобус до Форт-Вуда. Оттуда — самолетом до Сент-Луиса или до Дьюбюка. А из аэропорта добраться на машине до их дома — пара пустяков. Если я уложусь вовремя, то вернусь завтра вечером (но поздно!). А вчера мы выяснили кучу прелюбопытнейших подробностей. Если они вас интересуют, позвоните шерифу Милсу — и он введет Вас в курс дела.

Ничего не бойтесь!

Доремус».

Прочитав загадочную фразу «Ничего не бойтесь!», Элен покачала голову. Она бегло перечитала записку, а затем взглянула на телеграмму: «Дядюшка Суэн серьезно болен если можешь приезжай мы тебя любим — Мэда».

Нахмурившись, Элен вышла в гостиную. Она колебалась, раздумывая, стоит ли звонить в такой ранний час шерифу. Внезапно приняв решение, она подошла к телефону и быстро набрала домашний номер Инока Милса.

* * *

Яркие солнечные лучи, пробившись через окно спальни, коснулись щеки Эми, словно кто-то поднес к ее лицу зажженную свечу. Девушка вздрогнула и, закашлявшись, тут же проснулась. Открыв глаза, она моментально зажмурилась от ослепительного света. Несколько секунд Эми никак не могла сообразить, где находится, пока взгляд ее не упал на знакомый ковер. Девушка повернулась на другой бок. Желудок был словно набит булыжниками, и в нем препогано урчало. Так она и спала — в промокшей одежде, неумытая, с ошметками грязи, прилипшими к лицу. Эми казалось, что у нее отбиты все внутренности. Тело нестерпимо ныло, словно его хорошенько отделали дубинкой.

Пошатываясь, Эми поднялась и заглянула в зеркало на трюмо. Она по достоинству оценила свой вид. Покрасневшее лицо, на одной щеке отпечатались следы от свитера, который девушка так и не сняла перед сном. «Воскресный день,— грустно подумала она.— Да, видок у меня что надо. Как будто вчера здорово нализалась. Один раз такое со мной уже случилось, но всего один раз».

И только теперь сознание ее окончательно прояснилось, и Эми поняла, почему же ее не радует это солнечное воскресное утро. И почему оно кажется ей таким странным, почти угрожающим. А ведь всего несколько часов назад жизнь Эми представляла собой чудесную сказку, где все наперед устроено и горизонты безоблачны. Девушка верила в завтрашний день, зная, что он непременно принесет ей счастье. Еще в детстве добрые и любящие родители вселили в Эми эту уверенность, и девушка была им благодарна. Но ведь и сама она впоследствии здорово потрудились над собой, научившись избегать соблазнов, которые на каждом шагу подстерегали юную девушку и грозили превратить ее либо в истеричку, либо в пустышку. Да, немало пришлось ей хлебнуть и горя на своем жизненном пути. Однако все удары судьбы Эми переносила с завидной стойкостью. Поставив цель, девушка твердо шла к ней. И она прекрасно знала, что ей нужно от жизни. В душе Эми гордилась своей принципиальностью и стойкостью, но вслух старалась не распространяться об этом. Конечно, случались и осечки, но они не сломили упрямую девушку. Она знала себе цену. Однако при этом искренне восхищалась другими достойными на ее взгляд людьми. Эми по-детски радовалась каждой мелочи, каждому, пусть даже самому незначительному, успеху. А уж их-то в ее жизни было предостаточно.

Тропа судьбы запутанна и сложна, и ей все равно, кто ты таков. Невинные и добрые люди получают от судьбы те же затрещины, что и люди злые.

Эми почувствовала в горле комок и с трудом удержала внезапно подступившие слезы. Она отвернулась от зеркала и, сделав усилие, чтобы не упасть, застыла по-

среди спальни, залитой солнечным сиянием. Нервная дрожь охватила девушку. Она утратила всякие ориентиры в этом мире — похоже, тот готовил ей очередной сюрприз. Впрочем, так же, как и каждый день. Здесь оставалось лишь два пути: либо Эми будет встречать каждое утро уверенно и с радостью, либо — с ужасом, ожидая подвоха. До сегодняшнего дня проблема выбора не стояла. В Крэге Эми черпала уверенность для себя. Его она любила и боготворила. За Крэга она боролась. Она спала с ним. «Все решилось бы просто, если бы Крэг погиб,— подумала Эми.— Тогда бы я искренне оплакивала его, сердце мое разрывалось бы на части от горя. Ах, как это легко и просто — оплакивать возлюбленного, постепенно забывая о нем. А дальше... Что ж, а дальше жизнь продолжается».

Но ведь Крэг не погиб.

В своем небольшом коттеджике Эми обшарила каждый уголок, где Крэг мог бы устроить тайник. А потом обыскала и двор. Птицы всюду заливались под теплыми солнечными лучами. Стояло лето, и легкий ветерок, подхватывая желтые листья, мчал их вдаль по пустынной дороге или же выводил рулады, забираясь в горлышки опорожненных молочных бутылок на крыльце. Где-то вдалеке звонили церковные колокола. Напряжение сковало Эми. Девушка смертельно устала.

— Я не боюсь его,— упрямо повторяла она.— Еще вчера я любила его. Уж это точно.— Эми пыталась заставить себя поверить в эту любовь, но ей никак не удавалось. Девушке вдруг стало как-то по-детски стыдно.— В конце концов, я же сама психолог, и уж в чем в чем, а в подобных вещах должна неплохо разбираться. Я ведь могу помочь ему. Разве нет?

Однако на самом деле Эми понимала, что ей необходимо сейчас предпринять, и пугало ее только одно — а вдруг уже поздно?

Эми разделась и, мельком оглядев синяки и ссадины, в подавленном настроении побрела в ванную. Горячая вода и пар сняли боль. Запрокинув голову, Эми намылила шею, грудь и, касаясь тела, вдруг с невероятной отчетливостью вспомнила, как они вдвоем частенько забирались в душ и здесь, такие ненасытные после вол-

шебной ночи, полной любви, поцелуев и страстных объятий, скользкие, как два купающихся зверька, снова и снова стремились к близости. Да, Крэг был восхитительным любовником, но только поначалу... поначалу... А потом все это куда-то кануло... Сколько раз за последние месяцы они спали вместе? По пальцам пересчитаешь. И почему он так внезапно остыл?

Эми медленно завернула кран и, осторожно прикладывая полотенце к ранам, выбралась из ванны. Голова раскалывалась. «А что произошло бы, если бы мы все-таки поженились?» — подумала девушка. При одной мысли об этом ее замутило.

Эми неторопливо одевалась, тщательно подбирая одежду: плотно облегающие шерстяные брюки, безумно дорогая с французскими кружевами на манжетах голубая блузка, застегивающаяся до самого подбородка. Из гардероба Эми извлекла ярко-розовый свитер, но затем, передумав, аккуратно сложила его и оставила на кровати. На волосы девушка натянула широкую яркую повязку и, водрузив на нос темные очки, проглотила сразу две таблетки аспирина. Затем завела ручные часы и бросила взгляд в зеркало. Побледневшие губы, белое, словно мелом посыпанное, лицо, пустые, безразличные глаза. Высунув язык, она заметила, что и тот прикушен. Видимо, пытаясь заглушить боль, она стискивала зубы и случайно прикусила язык.

«Я поеду туда, я встречу с ним. Он ослепительно улыбнется, так, как улыбается один только он, и, нежно похлопав меня по плечу, успокоит: «Тебе все это только приснилось, Эми. Обыкновенный сон. Посмотри же на меня, Эми. Со мной все в полном порядке» Интересно, если я сейчас завизжу как резаная — это поможет?» — подумала вдруг Эми.

* * *

На спортивной площадке в полном разгаре кипел футбольный матч. Мальчишки, которые не испытывали интереса к игре, бесцельно шлепались вдоль школь-

ных стен. Завидев «мустанг», они приветливо помахали Эми рукой. Но девушка, казалось, даже не заметила их.

В воскресные дни машины разрешалось парковать прямо перед административным зданием. Неподалеку, футах в сорока, Эми заметила «шевроле» Крэга. Девушка нервно затушила сигарету. Обогнув здание, Эми по тенистой аллее добралась до входа и решительно вошла внутрь. На первом этаже не было ни души. Слабо мерцал желтоватый свет. Эми на цыпочках отправилась в свой кабинет. Выдвинув ящик письменного стола, она принялась искать ключ от кабинета Крэга, который тот вручил ей пару месяцев назад. В душе Эми надеялась, что не найдет ключ, но тот лежал на своем обычном месте. К нему была прикреплена бирка с номером.

Кабинет Крэга располагался в самом конце коридора. Эми тихонько постучала в дверь, обитую панелями из древесины грецкого ореха, и, с трудом переводя дыхание, подождала немного. Затем, постучав еще раз, убедилась, что внутри никого нет. Тогда девушка вставила ключ в замочную скважину и, повернув его, робко вошла в кабинет.

Здесь было темно. Прижавшись к двери, Эми дождалась, когда глаза привыкнут к темноте, а потом, крадучись, двинулась по ковру к окнам. Слегка раздвинув шторы, она выглянула в щелочку. Как нужны были ей сейчас доказательства, что Крэг — ее любимый Крэг! — безумен. Что Майкл Янг и Питер Мэтис непостижимым образом перемешались у него в голове. Вот Доремус не верит, будто она сможет найти такие доказательства. Но ведь эта мысль пришла в голову именно ей, Эми. И доказательства добыть может только она. Так-то. Если допустить, что Крэг останется на свободе — кто сможет предугадать его следующий шаг?

Эми рылась в ящиках письменного стола. Чего только здесь не было: и какие-то старые истории болезни, и письма, сложенные пополам. Девушка обнаружила тут и записную книжку Крэга. Эми внимательно

пробежала ее глазами, отыскивая хоть малейшие упоминания о Питере. Копаясь в ящиках, Эми то и дело поглядывала на часы, с ужасом думая, как стремительно движутся стрелки циферблата. Девушка не знала, где в данный момент находится Крэг и когда он вернется в свой кабинет. Может быть, он в лазарете, рядом с Питером. А вдруг именно сейчас Крэг на пути сюда? Эми подняла голову, взглянула на шторы и, закусив губу, выдвинула следующий ящик.

Девушка так и не нашла в столе нужных бумаг. Она бросила растерянный взгляд на шкаф, полки которого были завалены книгами и папками. В голове мелькнула мысль, что их можно просмотреть и попозже, но отчаяние подхлестывало девушку. Да, Крэгу вполне соответствовал бардак в кабинете — но беспорядок царил здесь только с точки зрения человека постороннего. Сам же Крэг в два счета мог отыскать в этом хаосе любую важную бумажку. Эми перебрала папки, на которых стояли фамилии учеников. Папки Питера Мэтиса она так и не нашла. А что, если Крэг вообще не вел никаких записей об этом мальчике?

В нижнем ящике стола лежала коробка с дюжиной кассет. Переносной магнитофон фирмы «Воллензак» находился тут же, рядом. Эми опустила на корточки и внимательно просмотрела кассеты — ни на одной из них она не обнаружила наклеек. Сначала девушка решила было прихватить пленки с собой и без всякой спешки прослушать их у себя, однако, колебавшись, пришла к выводу, что затея эта довольно опасная — ведь хозяин кабинета мог явиться сюда с минуты на минуту. И, упаси Бог, если он не досчитается своих драгоценных кассет... Вот уж ей тогда несдобровать...

Эми поднялась и носком туфельки попыталась задвинуть ящик. Похоже, она проиграла. Девушка почувствовала в душе страшную пустоту. И тут взгляд ее упал на магнитофон. Крэг, видимо, пользовался им совсем недавно. Пленка была отмотана лишь наполовину. Не раздумывая, Эми нажала на кнопку и, перемотав пленку к началу, запустила ее. Девушка почти совсем убрала звук. Лента крутилась бесшумно. Прошло уже

несколько минут, но из магнитофона не донеслось ни звука.

И вдруг из динамика послышался голос:

«Я убью тебя, шериф, я убью тебя, убью тебя, я прострелю твое проклятое брюхо, если ты не оставишь в покое мою мать...»

Эми остолбенела, услышав эту грубую брань. Судя по голосу, эти слова произносил ребенок. Угрозы между тем не умолкали:

«Ты оставишь ее в покое, ты не прикоснешься больше к ней своими вонючими лапами. Я отучу тебя. Если ты не прекратишь...»

Охваченная дрожью Эми нажала на «стоп». Она чувствовала, как кровь стынет в ее жилах. Противоречивые желания разрывали на части ее душу. Испить до дна горестную чашу, дослушав этот страшный монолог, или же стремглав бежать отсюда, рвануть куда глаза глядят, вырваться на улицу, головой окунувшись в солнечное прохладное утро, где можно наконец отдышаться и перевести дух. В щелку Эми заметила двух мальчиков, бесцельно шатающихся по школьному двору. Они выразительно жестикулировали и, судя по всему, что-то яростно доказывали друг другу. Эми напряглась. Непрошенные слезы вновь подступили к ее глазам.

И тут она увидела Крэга. Вместе с Питером тот проходил мимо столовой. Мальчик брел сзади, какой-то осунувшийся и поникший. И в то же время сосредоточенный. Крэг с неизменной трубкой во рту направлялся в сторону административного корпуса. Внезапно он остановился и что-то сказал Питеру. Эми показалось, что они даже улыбнулись друг другу при этом. Девушка резко отпрянула от окна, хотя прекрасно понимала, что снизу Крэг никак не сможет ее разглядеть. Только что виденная картина не укладывалась в голове у Эми. Вот они не спеша шагают по двору, решая при этом какие-то свои проблемы. А ведь сколько раз наблюдала Эми, как Крэг — такой внимательный ко всем своим подопечным — спокойно выслушивает подростков и каждому пытается помочь. Он был их кумиром. Из окон своего

кабинета Эми частенько незаметно следила за Крэгом, испытывая за него чувство гордости.

Злобная, полная ненависти тирада, только что звучащая на магнитной ленте, как гвоздь засела в мозгу у Эми. Девушка быстро прошла по ковру и, прикрыв за собой дверь, заперла ее на ключ. Стремглав промчавшись вдоль коридора, она добежала до своего кабинета и с ходу бросилась на диван, который жалобно заскрипел под ней. Эми закрыла лицо руками и пролежала так, не шевелясь, минут десять.

Теперь девушка со всей отчетливостью поняла, каким образом Крэг мог находиться у дома Элен в то самое время, когда звонил «Майкл». Он просто записал голос на пленку. А Питер в этот момент дома у Крэга набирал нужный телефонный номер и просто запускал магнитофон.

Эми вдруг вспомнила слова Доремуса: «Если вам понадобится моя помощь, наденьте свой розовый свитер и выходите на школьный двор. Я обязательно приду. Не знаю, сколько времени мне потребуется на сборы — минут десять или чуть больше, — но я во что бы то ни стало буду там».

Через некоторое время Эми услышала, как кто-то вошел в корпус. Она знала кто. После этого вновь воцарилась тишина. Очевидно, они направились в лазарет.

Эми поглядела на свой розовый свитер, перекинутый через спинку рабочего кресла, но не стала надевать его. Нетвердой походкой двинулась она в сторону лестницы и, пошатываясь, начала спускаться. По блестящему кафельному полу, сверкая, прыгали солнечные зайчики. В потном кулаке Эми судорожно сжимала ключ от кабинета Крэга.

* * *

Крэг тщательно задернул шторы и включил настольную лампу. Он сидел за письменным столом, придвинув стул почти вплотную к подоконнику. Между бровей

пролегла глубокая морщинка, свидетельствовавшая о крайней степени сосредоточенности. Сдержанный голос звучал тихо. Питер сидел рядом в маленьком кресле с подушечками для головы, положив ноги на невысокую скамейку. Голова его безвольно склонилась набок, глаза были закрыты. В считанные секунды мальчик погрузился в глубокий гипнотический сон. Жизнь словно покинула ребенка, и его мертвецкая бледность особенно контрастировала на фоне ярко-красной кожаной обивки. Питер походил сейчас на восковую фигуру.

— Твоя мама здесь, Питер,— произнес Крэг, не сводя пристального взгляда с лица спящего мальчика.— Она здесь, в комнате. И ты счастлив видеть ее. Ты очень ей рад. Она совсем близко. Ты ее очень любишь.

Постепенно лицо Питера осветила нежная улыбка, но тут же пропала, и он зашевелился во сне. Крэг придвинулся к нему поближе и нахмурился.

— Все в порядке, Питер. Ты рядом со своей мамой. Все в полном порядке. Сегодня ты будешь с ней разговаривать. Ты очень хочешь поговорить с ней, сказать... как сильно ты ее любишь.— Тут голос Крэга понизился почти до шепота: — Это произойдет очень скоро, Питер. Сегодня ты будешь разговаривать с ней.

Крэг бесшумно поднялся со своего места и, обойдя стол, встал рядом с креслом Питера.

— Ты помнишь ее голос?.. Вот она уже беседует с тобой, Питер. Что она говорит тебе? Попробуй вспомнить, попробуй рассказать об этом и мне тоже.— Крэг напрягся, ожидая реакции мальчика. Голова Питера раскачивалась на подушке, губы приоткрылись, но из груди вырвался лишь тяжкий вздох.

На улице поднялся ветер. Он пригоршнями швырял в окна осенние листья. Крэг бросил тоскливый взгляд на окно, а затем снова сосредоточил все внимание на Питере.

— Пожалуйста, попробуй. Пожалуйста, поговори со мной.

Голова мальчика откинулась назад, будто в эти

секунды он испытывал нечеловеческую боль и страдания. Питер застонал, но опять не произнес ни слова.

Крэг в упор разглядывал лицо мальчика. К горлу подступил горький комок. Крэг в отчаянии потер глаза руками.

— Ты не хочешь мне помочь,— надломленным голосом пробормотал психолог.— Питер, ты...— От сильного порыва ветра задребезжали стекла.— Ну, давай попытаемся еще раз, хорошо? — И тут лицо Крэга исказилось. Ярость проступила на нем. В глазах сверкнула ненависть. Крэг резко подался в сторону мальчика. Ветер, будто угрожая, завыл еще сильнее, пытаясь остановить безумца. Вздвогнув, Крэг застыл на месте. Нет, этот шум доносился не с улицы — это бушевал его собственный мозг. А в сердце его уже долгие годы царствовала вечная, суровая зима. Споткнувшись, Крэг рухнул на пол рядом с Питером. Внезапно в его замерзшем ледяном сердце ожил погибший одиннадцатилетний мальчуган.

М а й к л!!!

— Майкл! Майкл! — снова и снова повторял Крэг, в исступлении катаясь по ковру.— Майкл, вернись!

Крэг пополз к креслу. Каждое движение давалось ему с огромным трудом. Он попытался было встать на ноги, но не удержал равновесие и, повалившись совсем рядом с мальчиком, расплакался. Ногами он изо всех сил молотил по ковру. Захлебываясь в рыданиях, он не мог выговорить уже ни слова, так же, как и Питер Мэтис, спящий в кресле всего в нескольких футах от него. Но вот звуки стали членораздельными — вскоре уже можно было разобрать не только отдельные слова, но и целые фразы. Но только сейчас это был совершенно другой голос — голос подростка:

— Послушай, что Майкл сделал для тебя, мамочка. А я ему помогал. Мы сегодня ходили к ручью — он так разлился,— ты бы только видела! А на дереве мы видели большую черную змею. Майкл подплыл прямо под ветку, где она притаилась, а змея ничего не заметила. А я сидел под водой и не дышал целых полторы минуты. Майкл сам считал...

Некоторое время Крэг, еле переводя дыхание, так и лежал на ковре в темном кабинете. Лицо его было спокойным, хотя сейчас на нем в избытке проступили морщины, свидетельствовавшие о мучительных страданиях.

Внезапно Крэг сел на ковре и прислушался, широко раскрыв глаза. Внимание его снова привлек спящий мальчик. Поднявшись, психолог вплотную приблизился к креслу и с самым серьезным видом осмотрел своего пациента. Когда он опять заговорил, стало ясно, что фразы могут принадлежать только взрослому человеку, хотя тембр голоса оставался по-прежнему мальчишеским.

— Я знаю, почему ты не хочешь отвечать мне. Я ведь все понимаю, Майкл. Ведь это я позволил им увезти маму.— Лицо Крэга посерело от досады и ненависти, но он продолжал: — Но я ведь нашел тебя. А это очень важно. Мы все считали тебя погибшим, но оказалось, что мы ошиблись. Ты скоро отзовешься, Майкл, верно? После того, как месть исполнится.

Крэг уселся за свой письменный стол и смахивал сейчас на одиннадцатилетнего подростка, на лице которого отражалась решимость, а во взгляде появилась целеустремленность и упрямство.

— Ее-то я приберег напоследок. Я знаю, Майкл, что ты бы очень хотел помочь мне сегодня. Я знаю, ты тоже хочешь убить ее. И она вполне заслуживает смерти. Даже больше, чем все остальные. И она получит сполна.— На некоторое время в комнате повисла тишина.— Мы опять позвоним ей по телефону. И тогда я скажу так...— Голос его зазвучал совсем по-детски, а глаза широко раскрылись, словно готовые вылезти из орбит.— Тетушка Элен, это звонит Майкл! Я должен обязательно встретиться с вами — что-то страшное произойдет сегодня с Крэгом! Пожалуйста, приезжайте быстрее — я сейчас возле дома Крэга,— пожалуйста,— быстрее!

Крэг мельком взглянул на спящего мальчика и, довольный собой, хихикнул, прикрыв ладонью рот. А потом протянул руку к микрофону и включил магнитофон:

«...трахать мою маму, ты не посмеешь теперь подойти к ней и на пушечный выстрел, ты больше не...»

Крэг поспешно нажал кнопку. Пленка остановилась. Несколько секунд психолог сидел в оцепенении, не сводя с магнитофона изумленного взгляда. Глаза его вдруг налились кровью, и он в ярости вскочил с кресла, спинка которого с треском ударилась о подоконник. Питер опять зашевелился, так и не проснувшись. Одним прыжком Крэг достиг входной двери и распахнул ее настежь.

В коридоре не было ни души.

Крэг захрипел и почувствовал сильное головокружение. Он едва успел прислониться к дверному косяку, чтобы не упасть. В коридоре дрожали пятна солнечного света, а само солнце уже клонилось к западу. От внезапного яркого сияния у Крэга заслезились глаза. Но кое-что он все же успел заметить: в конце коридора вспыхнула и сразу же исчезла полоска света. Кто-то закрыл дверь.

Некое подобие улыбки мелькнуло на лице Крэга. Челюсти его были крепко, до боли сжаты. Психолог захлопнул свою дверь и направился вперед по коридору. У главного входа он прикрыл ладонью глаза, чтобы солнечный свет не помешал ему все хорошенько разглядеть. Этот странный оскал и невероятная ярость, сверкавшая в покрасневших глазах, могли бы сейчас напугать кого угодно.

Дойдя до кабинета Эми, Крэг, ни секунды не колеблясь, ударом ноги распахнул дверь и решительно вошел внутрь. Эми стояла у письменного стола. Услышав шаги, девушка вздрогнула и повернулась к Крэгу лицом. И чуть было не подпрыгнула от испуга.

— Мне помнится, я давал тебе ключ от своего кабинета. А теперь прошу немедленно вернуть его, — как можно спокойнее произнес психолог.

Взгляд его словно буравил Эми насквозь. Крэг слегка пригнулся, как хищник, готовящийся к смертельному прыжку. Никогда, даже в кошмарных снах, Эми не видела его таким. Она тщетно силилась найти хоть какую-нибудь зацепку, чтобы дать ему отпор, однако на

ум так ничего и не пришло. Эми лишь молча покачала головой и крепче сжала в кулаке ключ.

Улыбка на губах Крэга исчезла. Он медленно приближался к столу. Уставившись на Эми, он как будто пытался сжечь ее взглядом. Правая рука Эми лежала на столе. Девушка так сильно стиснула кулак, что костяшки пальцев побелели от напряжения.

— Проклятая шлюха,— презрительно бросил Крэг, будто речь шла вовсе не об Эми — о той, которую он так любил. Если, конечно, верить его же собственным словам.— Ты самая обыкновенная шлюха, не более.

У Эми перехватило дыхание. Она была ко всему готова, но только не к такому позору и оскорблению.

— За что? За что ты меня так обижаешь? — Она смотрела ему прямо в лицо, а перед глазами все расплывалось от подступивших слез: — За то, что я... любила тебя?

— Верни ключ или я сейчас сломаю тебе руку!

Эми разжала кулак, и выскользнувший ключ звякнул о стеклянную крышку стола.

— Вот. Забирай свой ключ. Крэг, я хочу... Мне необходимо поговорить с тобой. Может быть, ты присядешь?

Крэг метнул на ключ бешеный взгляд. Усмешка лишь на долю секунды промелькнула на его губах. Психолог протянул руку к ключу. Эми не следила за его движениями: ее больше интересовало выражение его глаз. На долю секунды пальцы застыли возле ключа... И вдруг Крэг схватил со стола пресс-папье размером с бейсбольный мяч — прелестная стеклянная бабочка, раскрашенная в черный и оранжевый цвет.

В этот момент Эми ласково коснулась другой руки психолога и умоляюще попросила:

— Крэг, нам очень надо поговорить...

И тут он с размаху ударил ее по уху тяжелым пресс-папье. Эми издала невнятный горловой звук и пошатнулась. Оседая, она все еще пыталась удержаться за его пиджак, уставившись на Крэга широко раскрытыми глазами, в которых застыло удивление.

Эми цепко держалась за пиджак, и Крэгу пришлось даже слегка склониться под тяжестью ее тела.

— А я не желаю с тобой разговаривать,— откровенно признался он, повышая голос. И тут же нанес второй удар — теперь уже по голове. В тишине маленького кабинета раздался хруст — золотисто-оранжевая бабочка раскроила череп несчастной девушки. Та сразу обмякла и повалилась на пол. Хлынувшая из раны кровь тут же окрасила светлые волосы.

Несколько секунд Крэг в отупении наблюдал эту картину. Затем поставил пресс-папье на место, нагнулся и, крихтя, поднял Эми на руки. Он опустил девушку на ковер, но только с другой стороны письменного стола. Правда, спрятать тело так и не удалось — одна нога выглядывала из-за стола. Крэг вернулся, согнул ногу в колене — теперь тело не так скоро обнаружат. Он снова взглянул на бледное лицо, синяки под глазами, впалые щеки. Удар пришелся в висок, и теперь уже Крэг не поручился бы, осталась ли Эми в живых. Впрочем, ему было наплевать на это.

Он покинул кабинет и медленно побрел по коридору, пошатываясь и едва волоча ноги.

За все это время Питер так и не переменял позу. Он по-прежнему сидел в красном кресле, безвольно сложив ручонки на коленях. Крэг опустился перед ним на корточки, нежно погладил мальчика по голове и, услышав его стон, тихо произнес:

— Прости меня, Майкл,— почти шепотом начал он.— Мне очень не хочется брать тебя сегодня с собой. Но это необходимо.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

На вершине горы Доремус устроил себе отличный наблюдательный пункт. Год назад на этом месте лежал огромный валун, но совсем недавно он скатился отсюда прямо к подножию, сминая на своем пути кустарник. И сейчас ничто не мешало следователю внимательно разглядывать все то, что происходило внизу.

Доремус сел, прислонившись спиной к величавому вязу, корни которого были наполовину вырваны из земли тем злосчастным валуном. Следователь закинул ноги на один из высохших корней. Он оставил винтовку дома. И если бы не отсутствие ярко-оранжевой жилетки и такой же шапочки, Доремус бы точь-в-точь смахивал на местного охотника. Хотя его теперешняя одежда была тоже добротной и теплой. Иногда, правда, порыв ветра чуть не насквозь пронизывал его, однако в остальном Доремус чувствовал себя вполне сносно. Следователь заволновался — не слишком ли уютно он здесь устроился, а то с подступающей дремой придется бороться не на жизнь, а на смерть.

Каждый час Доремус спускался к подножию горы, чтобы поразмять затекшие мышцы, а потом с тем же завидным постоянством возвращался наверх, карабкаясь по довольно отвесному склону. На шею следователь предусмотрительно повесил мощный японский бинокль. Не забыл он прихватить с собой и коробку сигар, а также здоровенную бутылку с водой. Кроме всего прочего, рация тоже находилась с ним. За все это время Доремус лишь дважды пользовался ею: днем, когда заметил машину Эми Лоулор, подъезжавшую к интернату; второй раз ближе к вечеру, почти на закате. Однако ничего интересного следователь так и не смог сообщить. Оба автомобиля — Эми и Крэга — по-прежнему поджидали своих хозяев. Они были припаркованы перед административным корпусом, который прекрасно просматривался отсюда. Ни Эми, ни Крэга Доремус так в течение дня и не видел. Вот это-то и волновало следователя сильнее всего.

Послышался знакомый зуммер, и тут же раздался голос Инока Милса:

— Доремус?

Следователь нагнулся и взял в руки микрофон:

— Слушаю.

— Уже десять минут десятого. Что-нибудь произошло?

— Нет. Очевидно, Крэг и Питер обедали в кабинете психолога... Я видел, как несли поднос. В семь часов

Питер в одиночестве покинул административный корпус и через двор направился к себе. Теперь, я полагаю, он уже в постели. Свет в жилом корпусе погасили вовремя, а в здании для старшеклассников его потушат чуть позже. Насколько мне известно, Крэг находится до сих пор в своем кабинете.

— А девушка? Она намеревалась побыть там не больше часа.

Доремус растерялся. За последние часы мысли его витали в другой области.

— Даже и не знаю, где она сейчас. Я наводил бинокль на ее окна, но там темно. Света нет, и мне ничего не видно.

— Тогда вполне возможно, что у нее неприятности. Кажется, нам пора начинать действовать.

— Если там и правда что-то случилось... А вдруг она... мертва. Значит, мы опоздали. Меня тоже одолевало какое-то недоброе предчувствие, словно очередная беда уже не за горами, иначе Крэг был бы сейчас дома. Но надо дать ему еще немного времени.

Битый час Доремус не отрывал глаз от окуляров и лишь на минутку опускал бинокль тогда, когда на глаза наворачивались слезы, а изображение начинало двоиться. Следователь нервно покусывал кончик незажженной сигары, проклиная себя за то, что уговорил Эми прокрасться в кабинет Крэга и поискать там улики против него, которые можно было бы использовать впоследствии. Но ведь она и сама настаивала на этом. «В противном случае ему грозит что-то страшное, да? Может быть, его убьют? Давайте попробуем, Доремус».

— Какой же я идиот! — в очередной раз выругался следователь.

Сейчас девушка представляла собой комок нервов, а он так легко поддался на ее уговоры. В каком-то смысле он собственноручно передал Эми в лапы этому маньяку.

Доремус смял намокшую от слюны сигару и швырнул ее вниз. «Нет, ей ничего не грозит, и она, конечно, жива,— пытался он сам себя успокоить и заглушить голос совести.— Возможно, она действительно наткнулась в его кабинете на что-то невероятное, и теперь

Крэг ее не выпускает. И это означает только, что он еще больший злодей, чем мы о нем думали». Доремус протер усталые глаза. «Ты глуп, Доремус. И на плечах у тебя не голова, а кочан капусты. Если бы ты оставался на службе, на твою долю выпала бы единственная должность — регулировщика движения на каком-нибудь заброшенном кладбище. Давай-давай, соображай побыстрее!»

Ветер донес десять ударов школьного колокола. Доремус вновь поднял бинокль и принялся тщательно изучать территорию интерната. У ворот он прекрасно различал ночного сторожа. Тот читал газету. За весь вечер он ни разу не показал и носа из своего уютного домика. И если бы интернат внезапно провалился сквозь землю, сторож, скорее всего, узнал бы об этом из заграничных газет.

Доремус навел бинокль на жилые корпуса. Окон не было видно, зато металлическая крыша отливала в лунном свете серебристым сиянием. Следователь осмотрел ее, потом внимательно изучил автомобильную стоянку, столовую и место, где разгружались продукты. Левое плечо по-прежнему противно ныло, и Доремусу никак не удавалось разработать его. В конце концов он плюнул и, решив просто игнорировать эту боль, переключил внимание на жилой корпус младших учеников.

И тут на крыше этого здания появился мальчик. Казалось, жизнь покинула его, такой он был зачарованный, словно сомнамбула. Он стоял не шевелясь и в лунном сиянии был виден как на ладони.

Доремус почувствовал, что у него перехватило дыхание. Питер как будто прислушивался к чему-то, стараясь уловить звуки, известные лишь ему одному. Сильный порыв ветра чуть не сбил мальчика с крыши. Но тот удержал равновесие и быстро понесся по крыше, словно наперед зная, что делать. Добежав до стены, обвитой плющом, мальчик глянул вниз.

— Осторожней, малыш, — тихо пробормотал Доремус, затаив дыхание. — Может, и раньше тебе не раз приходилось карабкаться по стенам, но все же постарайся проделывать эти трюки поосторожней.

Мальчик сделал еще пару шагов и, крепко уцепившись за лиану, начал сползать вниз. Даже в свой прекрасный бинокль Доремус с трудом следил за движениями Питера. Прошло уже минут пять, а мальчик спустился всего на несколько футов.

Доремус вдруг испуганно подался вперед. То ли Питер не успел перехватить очередную лиану, то ли ее сдуло порывом ветра, но только мальчик, беспомощно взмахнув руками, сорвался со стены и начал падать. У Доремуса похолодело все внутри. Чувствуя свое полное бессилие, он с ужасом вглядывался в происходящее. Питер приземлился на ноги прямо на каменный переход в столовую. Мальчик некоторое время постоял, приходя в себя. Внезапно он покачнулся, и у Доремуса опять замерло сердце. Еще чуть-чуть, и Питер сорвется, рухнув теперь уже на асфальт. Но мальчик, тяжело вздохнув, опустился на одно колено. И через несколько секунд снова продолжал спуск.

Остаток пути представлял собой дело нехитрое, и вот уже мальчик исчез из виду. Доремус тщетно пытался определить, куда же делся Питер. И тут следователь увидел его — тот мчался по тропинке к автомобильной стоянке, огибая административный корпус. Доремус направил бинокль на «шевроле» Крэга и увидел, что психолог уже стоит рядом со своей машиной. Крэг, похоже, поджидал мальчика.

Он быстро переговорил о чем-то с Питером, положив тому руку на плечо, а затем, распахнув дверцу, пропустил мальчика на переднее сиденье. Но сам почему-то не сел за руль, а торопливым шагом направился к зданию. Доремус тут же потерял его из виду. Он опустил бинокль, пытаясь дать глазам хоть минутную передышку. Может быть, в корпусе существовал и черный ход, и запасной выход, к примеру, через подвал. Но как следователь ни старался, он так ничего и не обнаружил.

Доремус мельком глянул на светящийся циферблат своих часов: девять минут одиннадцатого. И снова поднял бинокль.

В десять часов двадцать минут Крэг появился вновь. И на этот раз он нес на руках Эми.

Расстояние их отделяло приличное, и Доремус не мог определить, что с девушкой. Поднимая крышку багажника, Крэг подхватил Эми под мышки. Лампочка в багажнике, к сожалению, не горела; но по тому, каким безвольным казалось тело девушки, следовательно сделал вывод, что в лучшем случае Эми находится без сознания. Ну а в худшем... это уже труп. Ненависть, которую Доремус вдруг испытал сейчас к Крэгу, походила на самый чудовищный приступ мигрени. Ярость на мгновение ослепила и оглушила следователя. Он наклонился, поднял рацию и положил ее на колени. Вызывая Инока Милса, он ни на секунду не сводил глаз с «шевроле» Крэга.

— Начинаем операцию. Кроме того, есть кое-какие осложнения. Крэг собирается выехать с территории интерната. Питер Мэтис — в машине и, скорее всего, лежит. Так что сторож у ворот не заметит его. Эми находится в багажнике.

— В каком она состоянии?

— Не знаю. Полчаса в багажнике, и она в любом случае задохнется. Внимание, он тронулся. Сядьте ему на хвост, но только незаметно. И никакой иллюминации. Он может легко впасть в истерику.

— У нас все готово, — коротко отозвался Инок. — Мы уже в пути.

Прихватив рацию, Доремус зашагал вверх по склону. Он отстегнул от пояса фонарь и теперь, освещая себе путь сквозь густой кустарник, передвигался довольно быстро. Впереди, ярдах в двадцати, пролегла заброшенная, чуть заметная просека. На машине здесь, конечно же, не проехать, да и мотороллер придется чистенько тащить за собой, но теперь эти сложности казались Доремусу сущим пустяком. Он уложил рацию, пристроил фонарь как дополнительную фару и, рывком заведя мотор, пониже опустил голову, чтобы ненароком не налететь на низко свисающие ветви.

Следователь потерял счет времени. В уме он, правда, прикинул, что до главного шоссе, которое пересекает дорогу, ведущую в Шейдс, ему потребуется минуты четыре. Именно на этом перекрестке Милс решил устроить засаду.

Машина стояла посреди дороги. Обыкновенный автомобиль без единого полицейского атрибута. Рядом возились двое мужчин. Ни дать ни взять — забарахлил мотор, и автомобиль перегородил дорогу проезжающим машинам. План Милса сводился к следующему. Шериф, помахав рукой Крэгу, попросит того остановиться и помочь ему разобраться в моторе. Приблизившись к «шевроле», Милс выхватит пистолет и одновременно наведет на Крэга яркий фонарь. Этот план вполне мог сработать. Но, с другой стороны, Крэг ведь может и не остановиться. Он промчится мимо, задавив по дороге парочку случайных прохожих. К тому же у него наверняка есть пистолет. Однако из всех вариантов Милс с Доремусом все-таки остановились на этом. Он казался им наиболее безопасным.

«Если Крэг едет медленно, — размышлял Доремус, с трудом пробираясь на мотороллере вдоль просеки, — если он едет медленно, осторожно, если он внимательно следит за дорогой, за каждым ее опасным поворотом, да еще при этом беседует с Питером, то я, пожалуй, смогу выиграть целую минуту. Что ж, тогда сразу перепрыгнуть мотороллер и присоединяться к ребятам. Лишний человек им не помешает». Хотя сейчас Доремусу уже не хотелось вмешиваться. Ведь теперь все зависело от Милса. Тот был одет в штатское, и Крэг, наверняка, не узнал бы его сразу.

Внезапно дорога так резко пошла под уклон, что Доремус высоко подпрыгнул в седле, чуть не вылетев из него. Но вот дорога расширилась и выровнялась. Следователь прибавил газу, не щадя молоденькую по-роль.

«Бедная девушка, — не переставал казнить себя Доремус. — Я никогда не избавлюсь от этого груза на сердце. Это я виноват в ее гибели». Он резко затормозил и, соскочив с мотороллера, бросился к главному шоссе, вытаскивая на ходу «кольт». У самого поворота Доремус увидел машину шерифа с горящими задними габаритами. Помощник Милса стоял с фонарем в одной руке, а другой удерживал обрез. Одет он был в длинный плащ с капюшоном. Сам же Милс склонился над машиной, словно рассматривая ее — это был большой белый

«понтиак». Лучи фонаря светящимися дугами ложились на асфальт шоссе.

Услышав за спиной тяжелое дыхание Доремуса, Милс тут же повернулся к следователю.

— Похоже, местечко мы выбрали что надо, — сразу начал шериф. — Неплохое прикрытие, да и фарами он нас не ослепит.

— Как только вы вытащите Крэга из машины, я займусь мальчиком.

— Хорошо, — согласился Милс.

— А ваши ребята — они не отстали от него?

— Думаю, они держатся от него на расстоянии ярдов в тысячу, не ближе. Крэг и не подозревает о погоне, но, если он вдруг решит улизнуть от нас, они сразу же преградят ему путь.

— Возможно, все будет именно так, — согласился Доремус. Вокруг стояла полная тишина, только изредка слышалось далекое завывание ветра, похожее на стон. Мороз загнал цикад и древесных лягушек в тину, туда, где потеплее, к тому же поблизости не было ни домов, ни ферм, откуда вечно доносится собачий лай. Доремус залег у дороги.

Прошло еще минуты три. Милс, переступая с ноги на ногу, сплюнул на асфальт. Его помощник начал кипятиться:

— Да где же он, черт подери?

— Может, он шину проколол? — предположил Милс. — А ты держи себя в руках, в конце концов.

Доремус посмотрел на дорогу. К ним приближалась полицейская машина с погашенными фарами.

— Проклятье! — мрачно выругался Милс и послышался фонарем. Полицейский автомобиль прибавил газу и затормозил рядом с ними. Доремус неторопливо поднялся на ноги. Полицейский за рулем высунул голову из окошка:

— Я думал, вы уже схватили его. Где же он?

— Тебе лучше знать.

— Вы не встретили его по дороге? — удивился Доремус.

— Да нет же, черт возьми!

— Куда же он мог деться? — обратился Доремус к Милсу.

— Понятия не имею. Чак, принеси-ка мне карту.

Двое других полицейских оставались в машине, не заглушая мотор. Когда Милс начал разворачивать автомобильную карту округа Шейдс прямо на багажнике своего «понтиака», водитель включил фары.

— Тут один-единственный подъезд к этой точке от интерната, — пробормотал он, указывая лучом фонаря на одну из клеточек карты. — Эта дорога довольно грязная, с реки там бесконечно дуют ветры, а в конце вас подстерегает огромных размеров яма с водой, наполовину засыпанная гравием. Начинается через четверть мили от Биг-Даймонд и заканчивается на отметке «60».

— Значит, сейчас Крэг и едет по этой чертовой дороге.

— Возможно. Только дело в том, что полгода назад мы частично забаррикадировали эту дорогу. Весенний разлив расшатал мост над речкой. Он может рухнуть в любой момент. И Крэг должен знать об этом.

— А если он все же попытается проехать по мосту?

— Так на чем он там едет? — возразил Чак. — На игрушечной машинке, что ли? Ну, тогда непременно проскочит благополучно. Лично я и пешком бы побоялся пройтись по такому мостику. А почему вы решили, что он свернул с главного шоссе?

— Вероятно, Крэг что-то заподозрил. А может, он с самого начала собирался ехать по этой дороге. Или... может он искал место, чтобы... — Тут Милс покосился на Доремуса, и в его зеленых глазах промелькнул ужас.

— Чтобы избавиться от тела, — закончил Доремус.

— Да уж, эта яма с водой — идеальное место, — согласился Милс. — Но ведь существуют и другие укромные места, где тело не скоро отыщут. — Края карты взлетали от порывов ветра, и Милсу приходилось удерживать их обеими руками.

— Возможно и следующее. Крэг притормозил возле ваших заграждений и выключил фары, — рассуждал Доремус. — Остановил машину и выключил фары. Потому

что... скажем, ему понадобилась минута или две, чтобы все тщательно обдумать. В конце концов, Эми, возможно, жива до сих пор, и из багажника мог доноситься ее голос или возня. А вдруг Крэг забыл в интернате что-то такое, что ему было жизненно необходимо. Если он выбрал ту грязную дорогу, то вполне мог заметить полицейскую машину с выключенными фарами и заподозрить неладное. И как результат — свернуть куда-нибудь. Хотя бы сюда.— Доремус изучал маршрут по карте округа. Шоссе протянулось на восток, пересекая местечко, где располагался интернат, и убегало дальше, вдоль противоположного горного склона.— Если я прав, то в его распоряжении уйма дорог. Крэг может находиться где угодно.

Милс подошел к полицейской машине и о чем-то переговорил со своими подчиненными. Водитель развернул автомобиль, резко взвизгнули шины, и машина умчалась прочь.

— Я велел Брайанту и Маклемору поискать его на этой стороне моста,— объяснил Милс, подходя сзади.— И еще. Если им все-таки удастся обнаружить Крэга — пусть немедленно хватают его. Но если его и там нет, они обыщут территорию интерната. Потом прочешут все дороги между хребтами Констебль и Баунстаун. Правда, машина Крэга может мчаться на полном ходу — тогда задерживать ее станет опасно — а вдруг случится авария, и этот мальчишка — Мэтис — весьма вероятно, пострадает от удара. А пока что я собираюсь взглянуть на ту яму с водой и гравием. Сдается мне, что Крэг именно там пытается сейчас отделаться от тела несчастной девушки. Вы поедете с нами, Доремус?

— Нет.

Милс пристально посмотрел на следователя.

— О чем же вы задумались?

— Я думаю о том, что же все-таки Крэг сделал с Эми. Может быть, он выбил у нее признание, что за ним следят? Его действия сейчас совершенно мне непонятны — он стал небрежным и в то же время подозрительным. Что же он задумал? До сих пор мы считали все его

поступки⁴ в какой-то степени логичными, и именно с этой точки зрения рассматривали его поведение, а также и дальнейшие действия. Как, к примеру, поступит психически нормальный человек, у которого на руках — труп, и от него надо быстренько избавиться? А теперь представим себе, что Крэг окончательно рехнулся. Он вполне может начисто забыть, что у него в багажнике лежит Эми. Не исключено, что он бесцельно колесит по округе и при лунном свете бормочет всякую чушь, при этом с подбородка у него капает слюна, как у бешеного пса. Крэг способен потерять ориентацию и во времени, и в пространстве, и даже не соображать, холодно ему или жарко. Но есть и другой вариант. Крэг шаг за шагом приближается к развязке своего чудовищного плана и умышленно старается сбить нас с толку, окончательно запутать. А пока мы из стороны в сторону будем метаться в поисках его автомобиля, он преспокойно выйдет на следующую жертву: Элен.

— Конечно, я могу вызвать подкрепление, — вздохнул Милс. — Но что это даст? Даже если мы выставим у дома Коннелли усиленную охрану.

— Пока что этого делать не надо. Я думаю, у нас в запасе имеется еще часик — пока Крэг доберется до Элен. А сейчас пусть Брайант и второй помощник покрутятся на дорогах. Кто знает, а вдруг Крэг притормозил где-нибудь на обочине и декламирует детские стишки. А может быть, он действительно стоит сейчас над той ямой и, утопив Эми, считает пузырьки на поверхности воды. — Доремус нахмурился еще сильнее. — Я считаю, нам надо разбежаться, но как только появятся сведения о Крэге, соберемся опять все вместе. Я поеду на мотороллере в городок. Как раз сегодня вечером Элен и Пэгги хотели пойти со мной в кино, но меня срочно «вызвали» телеграммой, поэтому я надеюсь найти их в кинотеатре. Боюсь, что сейчас самое время открыть Элен глаза на любимого племянничка.

Сеанс уже закончился — в кинотеатре было темно. Фильм оказался коротким, и уже после десяти вечера все разбрелось по домам. На улицах было пустынно. На всей центральной аллее работали только две пивнушки, находящиеся в противоположных концах.

Возле автозаправочной станции за два квартала до здания суда стояла телефонная будка, и Доремус, не раздумывая, снова уселся на мотороллер и помчался туда. Часы показывали без десяти одиннадцать. С того момента, как Крэг погрузил Эми в багажник, минуло уже полчаса. В мозгу Доремуса проносились страшные видения: безумный Крэг колесит по дорогам округа и ждет, когда же, наконец, Эми сделает свой последний вдох и погибнет от удушья в его машине. Доремус только сейчас осознал, что его с ног до головы бьет мелкая дрожь. Разламывались все суставы. Следователь стиснул зубы и, остановив мотороллер у освещенной телефонной будки, набрал номер Элен Коннелли.

Раздалось гудков десять, и следователь покрылся холодным потом.

После восемнадцатого гудка послышался наконец сонный голосок Пэгги:

— Да? — И девочка сладко зевнула прямо в трубку.

— Пэгги, это звонит Доремус.

— Пра-авда? — протянула она с сомнением в голосе.

— Да. Я снова вернулся в Шейдс. Позови мне, пожалуйста, маму.

— Хорошо, — отозвалась Пэгги, и Доремус услышал легкий стук — трубку уронили на столик. — Ма-а-ама! Тебя к телефону просит Доремус!

Следователь привалился к стенке будки, глаза его начинали слезиться от напряжения. Он порывлся в карманах рубашки и, вытащив темные очки, нацепил их на нос. Прошло минуты две. Но голоса Пэгги так до сих пор и не было слышно. Липкое и тревожное ощущение

опасности сжало виски и поползло вниз по позвоночнику, постепенно овладевая каждым нервом.

— Пэгги! — закричал Доремус в трубку. — Пэгги! Ты меня слышишь?

Замерев в страшном напряжении, он прождал еще с полминуты. И тут на другом конце провода зазвенел знакомый детский голосок. Доремус судорожно перевел дыхание.

— По-моему, ее нет дома, — удивленно возвестила Пэгги.

— Ступай к двери, — скомандовал Доремус, всеми силами пытаюсь не выдать своего волнения, — выгляни на улицу и посмотри, стоит ли у дома мамин фургончик.

— А мне и отсюда видно, — отозвалась Пэгги. — Его там нет. Доремус, а куда мама уехала?

— Я... Я думаю, что не очень далеко. Послушай, крошка, сделай мне одолжение. Прямо сейчас. Как только мы с тобой поговорим и ты повесишь трубку, ступай к маме в кабинет и запри дверь на замок. Проверь, защелкнулся ли замок. И жди там. Жди, когда приедет шериф Милс. Он будет скоро — с минуты на минуту — и громко позовет тебя, так, что ты обязательно услышишь. Но больше... больше никого в дом не впускай. Ты меня поняла? Даже Крэга. Оставайся в запертом кабинете. Даже если услышишь, что Крэг просит тебя открыть ему, ни в коем случае не открывай.

— Почему?

— Это очень важно, Пэг. Когда встретимся, я тебе все объясню. А это будет скоро. А пока что пообещай, что будешь сидеть в кабинете и ждать приезда шерифа.

— Обещаю, — объявила Пэгги таким голосом, будто приняла все только что услышанное за несусветную чушь. — До свидания.

Доремус с некоторым облегчением повесил трубку. Он тут же достал рацию и вызвал шерифа:

— Милс!

— Милс слушает. Что случилось?

— Где вы находитесь?

— Направляемся по Двадцать второму шоссе на юг. У ямы будем минуты через четыре.

— Вы можете изменить маршрут и подъехать к дому Коннелли? Я только что разговаривал с Пэгги. Она в доме одна. Очевидно, Элен не стала будить девочку и куда-то срочно уехала — ее машины нет на месте.

— Чак, разворачивай,— обратился Милс к помощнику и поинтересовался: — Как вы думаете, куда она могла отправиться?

— Понятия не имею. Но вероятно, дело оказалось неотложным. Иначе она не оставила бы Пэгги вот так, одну-одинехоньку, после всех моих предупреждений. Скорее всего, ее выманил из дома сам Крэг.

— Вы хотите сказать, что жертвой должна стать не Элен, а ее дочь?

Из радиции донесся визг шин, и Доремус понял, что автомобиль шерифа уже мчится к дому Элен.

— Не исключено. Я велел Пэгги запереться в кабинете на первом этаже и никому, кроме вас, не открывать дверь. Когда будешь стучаться, ори погромче.

— Мы можем по пути прихватить и вас, Доремус.

— Нет, я попробую отыскать Элен.

— На своем-то мотороллере? Я вызову на подмогу Брайанта и Маклемора.

Доремус нервно потер лоб.

— За последние полчаса у меня была дюжина предположений, куда мог направиться Крэг. Но, похоже, все они ни к черту не годятся. Я-то ведь считал, что Крэг просто в бредовом состоянии разъезжает по округе. Но это не так. Он знает наверняка, что делает. План его срабатывает, как по расписанию, с точностью до минуты. У него ведь не было еще ни одной осечки. Но есть у меня тут догадка и да сохранит Господь семью Коннелли, если я ошибаюсь. Крэга не интересует Пэгги: он охотится за Элен. Он затащит ее в темное пустынное место и там убьет.

— А где именно?

— Здесь тоже два варианта: его всегда тянет к тому обгоревшему домику, где они когда-то жили с братом. Он и Питера туда таскал. Если следовать его логике — это как раз самое подходящее место, чтобы идеально завершить акт мести. Правда, на своей разва-

люхе я доберусь туда не раньше, чем через полчаса. А Брайанту с Маклемором хватит и пятнадцати минут.

— Я немедленно пошлю их туда. А второй вариант?

— На горе Бен-Ломонд Крэг мог выбрать и самый простой способ — позвонить Элен из своего дома и вызвать ее к себе. Я примерно знаю, где расположен его дом. И там буду через десять минут.

— Мы едем вслед за вами.

— Нет, я и сам справлюсь. Возможно, Крэг ожидает преследования на автомобиле, и, заметив вас, тут же убьет Эми. Если, конечно, он еще не успел этого сделать. А мотороллер без фар вроде не слишком бросается в глаза. К тому же при таком ветре Крэг не услышит шума двигателя. Дайте мне... Ну хотя бы полчаса. Думаю, я смогу приготовить ему хороший сюрприз.

* * *

На горе Бен-Ломонд стояло всего несколько домиков, потому что к ее вершине вела одна-единственная дорога, да и та — неасфальтированная. Эта дорога изобиловала крутыми спусками и подъемами и время от времени размывалась талой водой. Кроме того, частые оползни заваливали булыжником отдельные ее участки, так что дорога вообще становилась непроходимой. Длина этого небезопасного горного серпантина составляла две мили с четвертью, а единственным красивым местом во всей округе считали небольшой парк. Тем, кто с невероятным упорством продолжал обитать на горе, приходилось туго. Хозяева этих домов были вынуждены регулярно раз в год менять свои даже самые надежные автомобили, так как дорога эта в считанные месяцы гарантировала владельцам машин их полную непригодность. Воду, скапливающуюся в результате дождей и таяния снегов, местные жители откачивали либо специально приобретенными для этой цели насосами, либо заливали в специальные цистерны. Однако имелись здесь и свои плюсы. Сами дома, надо признать,

были выстроены с большим вкусом, а неудобный подъезд к ним с лихвой компенсировался окружающей тишиной, отсутствием городской суеты и вдобавок — потрясающим видом на красивое плато, поросшее густым, непроходимым лесом.

Крэг жил в одном из таких домов уже почти два года. Он снимал его у человека по фамилии Дильбек, который в былые времена исполнял обязанности и губернатора штата, и сенатора США. А когда некий более везучий и богатый республиканец одержал победу на выборах, Дильбеку не осталось ничего другого, как в свои пятьдесят пять лет подать в отставку. Но едва он въехал в новенький домик, который был выстроен с тем расчетом, чтобы Дильбек безоблачно провел в нем остаток своей неудавшейся жизни, как неожиданно последовало назначение его послом в одну весьма респектабельную страну. Разумеется, произошло сие не без помощи Президента, с которым Дильбек с давних пор был на дружеской ноге. И вот уже более года он не появлялся в своем родном штате.

Дом отличался довольно причудливой конструкцией и по площади занимал не менее акра. По прихоти владельца его соорудили футах в пятидесяти от того места, где злосчастная дорога круто уходила вверх. Вся территория была огорожена забором из красного дерева, а у самой дороги высились довольно внушительные кирпичные колонны. Стоит свернуть с общей магистрали на асфальтированный участок, он обязательно приведет вас к главным воротам. А если взглянуть на него с высоты птичьего полета, то подъезд этот напомнит огромную запятую. Задней стеной особняк словно упирался в гору с известняковыми вкраплениями. А площадка позади него была выровнена и занимала места ровно столько, сколько надо трем автомобилям, чтобы легко развезаться. Остроконечная крыша, украшенная мозаичными фрагментами, возвышалась над основной асфальтовой площадкой всего на несколько футов. В длинной стене из белого кирпича не было ни одного окна. Вход в сам дом находился со стороны другой асфальтированной площадки, на нижнем уровне. А первая располагалась на высоте шести футов.

Охваченная тревожным предчувствием Элен въехала через центральные ворота. Сегодня на ее долю выпала куча испытаний: и дорога, как всегда, оказалась размытой, и звонок этот... Звонок, конечно же, от Майкла. Не колеблясь ни секунды, Элен схватила в охапку свою сумочку, плащ, и в ту же секунду выскочила из дома. Уже по дороге женщина с досадой подумала, что не лишним было бы предупредить шерифа, куда она поехала. Но дело не терпело промедления. Элен серьезно опасалась за жизнь Крэга.

Его автомобиль она заметила сразу. Машина стояла на обочине. Элен затормозила и, припарковав свой автомобиль рядом с его «шевроле», выбралась наружу. Ветер в тот же миг растрепал ей волосы, чуть не сбив с ног. Элен слегка наклонилась вперед, чтобы легче было идти, и нерешительно сделала несколько шагов к дому. Она даже не сообразила, что позабыла выключить фары.

Внезапно ветер ослаб, словно кто-то удерживал его поначалу, а теперь выпустил, и он, как цепной пес, оказавшийся вдруг на свободе, сразу же присмирел. Элен вытянула вперед руку, коснувшись стены. В тот же момент ветер снова взвыл и, как кнутом, хлестнул ее по лицу. Спотыкаясь, Элен добралась наконец до высоких ворот. Она с изумлением подумала вдруг о том, как Крэг умудряется жить здесь под вечные завывания ветра.

Вспомнив о Крэге, Элен опять заволновалась. В висках застучало. Женщина изо всех сил пнула дверь, которая никак не поддавалась, и наконец очутилась на территории особняка. Здесь было поспокойнее. Элен обвела взглядом длинную стену, но не увидела ни одного светящегося окна.

— Крэг!

На веранду вели две лестницы: первая — через крытую галерею, опоясывающую весь дом, и вторая, чуть дальше, — прямиком на саму веранду. Элен осмотрела японский сад, разбитый параллельно лестнице и спускавшийся ровными террасами. Повсюду здесь росли какие-то вечнозеленые ботанические редкости. Высокие деревья величественно покачивали ветвями и тут же,

рядом, притулились растения-карлики, скрюченные, с мучительно изогнутыми стволами. Конечно, в светлое время суток этим садом можно было бы искренне повосхищаться. Но сейчас-то стояла ночь, и единственным источником освещения служила изредка выплывающая из облаков луна.

— Крэг, где ты?

Ветер снова затих, и где-то поблизости Элен услышала вдруг негромкий детский смех. Она резко обернулась.

И сразу же увидела мальчугана в ковбойском костюме, красной шляпе с широкими полями, завязанной под подбородком, в жилетке из искусственной кожи с шерифской звездой и расклешенных штанах из ткани, имитирующей шкуру бизона. Мальчик наставил на Элен игрушечный револьвер.

Он снова рассмеялся и выстрелил. Три раза подряд щелкнули пистоны. Вздогнув от неожиданности, Элен чуть было не свалилась с каменистой тропинки вниз, туда, где начинались железные ступеньки лестницы. Когда она пришла в себя, мальчика уже и след простыл. Видимо, он с ловкостью кошки перемахнул через ограду и спрятался на одной из террас японского сада. Элен пригляделась к темным силуэтам деревьев, но так никого там и не обнаружила.

И тут за подстриженным в форме куба кустом мелькнула красная ковбойская шляпа.

— Иди сюда,— хрипло выговорила Элен.— Я хочу... Кто ты такой?

Она и сама уже почти догадалась, кто это, но его имя никак не всплывало в памяти. Но главное, что это не Майкл. Наверняка. Элен облегченно вздохнула. На душе потеплело. Самый что ни на есть обычный подросток. И сейчас он просто забавляется. Разумеется, это не Майкл.

Да, но ведь звонил-то ей именно Майкл.

Элен спустилась на террасу, где она только что видела мальчика. Она прикрыла уши ладонями, чтобы завывания ветра не оглушили ее. Внезапно Элен снова заметила его. Мальчик стремительно выскочил из-за

высокого дерева, похожего на сливу, и прыгнул на другую террасу.

— Иди сюда... пожалуйста, подойди ко мне! Мне надо поговорить с тобой! Где Крэг? — Элен застыла в нерешительности и взглянула на дом. «Что же стряслось?» — пронеслось у нее в голове.

Вдруг неведомая волна страха захлестнула ее.

— Мальчик! — громко позвала Элен, и в тот же миг из подсознания выплыло имя. — Питер! Хватит дурачиться! Мне надо с тобой поговорить.

Ветер опять стих, и теперь женщина отчетливо слышала треск пистонов. Обернувшись, она проследила взглядом, как Питер, словно настоящий ковбой из какого-нибудь крутого вестерна, перебегает с места на место, стараясь оставаться невидимым.

Элен направилась в его сторону. Теперь она находилась в самом центре этого странного сада, окруженная причудливыми и невиданными растениями, никогда не произраставшими на землях штата Миссури. Высоко над головой тускло мерцали далекие звезды. Элен продолжала двигаться вперед.

Краем глаза она внезапно уловила движение в застекленной галерее. Женщина пригляделась, пытаясь рассмотреть, что же это могло быть... Собака? Но собаки не передвигаются так неуклюже. Элен подошла ближе. Позади не смолкало веселенькое хихиканье Питера, но тьма, да еще эта непонятная возня на галерее до того вывели женщину из равновесия, что она перестала оглядываться на дурацкий смех Питера.

— Крэг?! — еще раз позвала Элен.

Тень метнулась в сторону и замерла. Женщина находилась уже в двух шагах от галереи, но темнота мешала ей разобрать, что же такое прячется там внутри. И тут она поняла: это и есть Крэг, только стоит он почему-то на четвереньках.

«Наверное, ему плохо», — подумала Элен и, не мешкая, бросилась к лестнице. И тут тишину прорезал истошный горловой вопль. Звук его, словно электрический удар, поразил Элен. Она подняла голову и увидела Крэга.

Теперь он отчетливо вырисовывался на фоне темно-

серого звездного неба. На Крэге почти не было одежды, но Элен поразило не ее отсутствие, а дикий, какой-то первобытный вой, не прекращавшийся до сих пор. Она почувствовала, как ее язык словно распух и в буквальном смысле прилип к нёбу, а в сердце впились тысячи иголок. В затуманившемся мозгу пронеслось воспоминание. Элен поняла, где она слышала подобные безумные выкрики. Так во всех вестернах звучал боевой клич индейцев, когда те готовились напасть на поселенцев. После чего их — поселенцев — всех до единого вырезали.

Уголки ее губ слегка приподнялись, словно Элен вот-вот собралась улыбнуться, но в душе ей почему-то было не до веселья.

Медленно и с достоинством, как полагается вождю, Крэг высоко поднял руку. Холодно сверкнуло лезвие большого — никак не меньше десяти дюймов — ножа.

Крэг начал спускаться. Шаг, потом прыжок — и снова он на четвереньках. Еще один победный клич. Вот он опять напряжился, готовясь к прыжку, и через мгновение очутился футах в пяти от Элен. А она с ужасом разглядывала боевую раскраску на лице и груди Крэга — длинные черные полосы. Внезапно у нее в глазах потемнело. Все вокруг приняло неясные, зыбкие очертания. И только кинжал, огромный охотничий нож, Элен видела отчетливо. Все внутри у нее сжалось от страшного предчувствия.

«Ну хватит,— хотела было выкрикнуть она.— Не подходи близко. Это уже просто смешно». Но все эти слова только лишь промелькнули в ее мозгу. Так же, как и ужасная догадка, что происходящее — дело отнюдь на шуточное. И что Крэг сейчас убьет ее.

* * *

Весь окутанный клубами черного дыма, Доремус приблизился к воротам. Он тут же узнал автомобиль Элен с зажженными фарами и припарковал свой мотоллер прямо за «шевроле» Крэга. В ушах звенело от

завывания ветра и треска мотороллера. Спрыгнув на землю, Доремус тут же бросился к машине Крэга.

Багажник оказался незапертым.

Эми, скорчившись, лежала внутри спиной к Доремусу. На светлых волосах темнели пятна крови, впрочем, это могла оказаться и грязь. Вытащить девушку оказалось делом нелегким: Доремус боялся сделать ей больно. Одну руку он просунул девушке под мышку, а другой подхватил ее под бедра. Чуть потянул на себя, повернул на спину и наконец еле-еле извлек Эми из багажника. Голова Эми безжизненно откинулась назад, и Доремус грустно взглянул на ее перепачканное и мертвенно-бледное лицо. Он так и не смог определить, задохнулась ли девушка в багажнике. Кожа ее была холодной.

И вдруг где-то неподалеку раздался истошный и протяжный крик Элен.

Доремус рывком распахнул дверцу «шевроле» и бережно опустил Эми на сиденье лицом вверх. Захлопнув дверцу, он достал из-за пояса «кольт» и внимательно посмотрел на дом. Сначала следователь ничего не смог разглядеть. Снова раздался крик Элен, затем последовали странные звуки, похожие на треск детских хлопнушек. Или это...

— Пистоны,— решил Доремус и помчался к забору. Через несколько мгновений он стоял уже возле самого дома.

Сначала следователю показалось, что в саду вообще никого нет, но вот опять подул ветер, и кроны деревьев зашелестели. И тогда Доремус увидел два застывших силуэта: Питера в ковбойском костюме, Крэга — почему-то полуобнаженного. Оба они замерли на нижней террасе у подножия огромной скалы, примыкавшей к дому. Элен, видимо, упала и теперь пыталась подняться на ноги. Она находилась на грани истерики, и крики ее перешли в жалобные всхлипывания. Крэг стоял над нею, уперев руки в бока. Внезапно до следователя донесся громкий и высокий детский крик. Это Питер со своим игрушечным револьвером вскочил на очередной уступ.

Доремус увидел, как блеснуло лезвие ножа в руке у Крэга, и тот склонился над Элен. Женщина завизжала.

Доремус вскинул «кольт» и прицелился. Однако внезапно налетевший чудовищный ветер рванул в сторону руку Доремуса, и теперь дуло револьвера было нацелено на Питера, который как раз в этот момент застыл на месте.

— Убегай, Питер! — заорал следователь. — Беги отсюда!

Услышав эти слова, мальчик бросился в сторону Крэга и, как хорошо вымуштрованная мартышка, тут же оказался верхом на нем. Крэг пошатнулся и опустил руку с ножом, а Элен ничком рухнула на землю. Доремус так и не разобрал, успел Крэг нанести удар или нет. Следователь сломя голову понесся вниз по пологим ступеням, ведущим в сад.

— Майкл, — детским голоском окликнул Питера Крэг. — Ну-ка слезь с меня, Майкл. Дай мне, наконец, покончить с ней!

Он сбросил со спины ребенка и вновь угрожающе занес кинжал над распростертой на земле женщиной. Но в то же мгновение Питер обеими руками вцепился в его ноги и не давал сделать ни шагу. Крэг, высвободив ногу, со всего размаху пнул мальчонку.

— Не надо, — зарыдал Питер. — Мне больно! Не надо! Не надо!

Крэг поднял голову и заметил бегущего к ним Доремуса. Психолог яростно отшвырнул Питера сильнейшим ударом ноги, и мальчуган отлетел прямо к скалистой стене. А Крэг опрометью кинулся к дому. Теперь, когда Питер оказался в стороне, Доремус решил выстрелить. Прицелившись, он нажал на курок. Осечка. Затем раздался выстрел, но Крэгу хватило считанных долей секунды, чтобы увернуться, и пуля пролетела мимо.

Доремус бросился на нижнюю террасу, туда, где начиналась асфальтированная дорожка. Он опустился на колени рядом с Элен. Женщина без сознания лежала на земле. Следователь бережно приподнял Элен за плечо и заметил кровоточащую рану, всего в паре дюймов от шеи. Питер, раскачиваясь, как сомнамбула, сидел и однообразными, какими-то механическими движениями потирал ушибленную голову.

— Теперь ты у нас будешь шерифом, — объявил

Доремус, вручая мальчику игрушечный револьвер, который тот выронил при падении.

Взглянув вверх, следователь увидел, как Крэг, низко пригнувшись, крадется вдоль галереи. Он находился уже почти у выхода, когда Доремус вскинул свой «кольт» и, наспех прицелившись, выстрелил. Пуля, просвистев перед самым носом молодого человека, выбила из стены здоровенный кусок бетона. В следующий момент Крэг, выскочив из галереи, распахнул ворота и скрылся. Очередная пуля спустя мгновение впилась в дерево.

Доремус бросился вслед за Крэгом. Он вдруг споткнулся и, с ходу налетев на острый камень, разодрал на колене штанину и раскроил ладонь. Следователь тут же вскочил на ноги и попытался продолжить погоню, не переставая проклинать себя за двукратный промах, хотя «кольтом» он пользовался первый раз в жизни. Однако Доремусу пришлось ограничиться лишь быстрой ходьбой. При этом он еще прихрамывал на одну ногу.

Футов десять отделяли следователя от калитки, когда он услышал, как взревел мотор «шевроле». Взвизгнули шины — и Крэг рванулся с места, забыв снять машину с ручника. И тут Доремус как-то очень отстраненно подумал вдруг об Эми. Ведь надо быть полным идиотом, чтобы оставить девушку в машине этого полоумного. Все было бы ничего, если бы Доремус предусмотрительно вытащил ключи из замка зажигания.

Колеса «шевроле», похоже, уже начали дымиться. Внезапно послышался страшный скрип тормозов, и ночную тишину прорезал оглушительный скрежет. Две машины лоб в лоб столкнулись на полном ходу. Доремус добежал до ворот и увидел разбитый автомобиль Инока Милса с одной горящей фарой, как будто с ненавистью уставившейся на следователя. Машины врезались друг в друга как раз на выезде, где места едва хватало для одного большого автобуса. «Шевроле», отброшенный вправо на пару футов, сбил кирпичный столбик и загубил часть бесценного забора. В наступившей тишине было слышно лишь шипение пара, вырывавшегося из

пробитого радиатора в автомобиле шерифа. Затем раздался протяжный металлический скрежет — это открылась дверца со стороны водителя «понтиака», и оттуда, пошатываясь, выбрался помощник Милса — Чак. Он крепко прижимал к себе левую руку чуть ниже локтя. Молодой человек сделал еще пару неуверенных шагов, упал на колени и, перекатившись на бок, так и замер, прижавшись щекой к холодному асфальту.

Доремус, прихрамывая, добрался до противоположной дверцы искореженного «понтиака» и распахнул ее. Инок Милс с трудом оторвал голову от приборного щитка. Нижняя губа его была здорово разбита, и кровь тонкой струйкой стекала по подбородку. Инок пару раз тряхнул головой и, словно о чем-то сожалел, заявил Доремусу:

— Кажется, нам следовало бы чутко повременить. Доремус помог ему выбраться из автомобиля.

— Со мной все в порядке, — успокоил следователя Милс. — А что там с Чаком?

— Вырубился пока.

Они обошли автомобиль и приблизились к Чаку. И только теперь Доремус вдруг обратил внимание на клубы дыма, поднимавшиеся вокруг «шевроле». Следователь шагнул к автомобилю психолога и застыл на месте. Крэг Янг, словно выплыв из сизого дыма, пошатываясь, шел прямо на них. Боевая пунцовая раскраска сбила следователя с толку, и он не сразу понял, что Крэг ранен, и это течет кровь из его виска. Но самым непостижимым образом Крэг продолжал сжимать в руке кинжал.

Доремус направил дуло револьвера прямо ему в грудь.

— Бросай, — коротко скомандовал следователь.

Крэг замер и подозрительным взглядом обвел мужчин. Рука с ножом дернулась и угрожающе поползла вверх. Доремус хладнокровно взвел курок.

— Это что еще за маскарад? — удивился Милс, изумленно разглядывая Крэга. — Где его барахло?

— Отважные воины не носят одежды. Верно, Крэг? Кстати, с твоей тетушкой Элен все в порядке. Ты только слегка поранил ей плечо. А теперь давай-ка бро-

сай нож, сыграем в другую игру. Эта уже всем порядком осточертела.

Струйка крови стекала по левой щеке Крэга. Губы его раздвинулись, и он вдруг оскалился как зверь. Доремус заметил, что психолог сбрил свои усы. Без этих роскошных усов лицо Крэга казалось ужасно, неестественно худым. Оно выглядело как череп, обтянутый кожей. Доремус поймал себя на мысли, что он почти видит, как бьется сердце Крэга, пытаясь прорваться сквозь острые, выпирающие ребра. Кровь из виска потекла сильнее. Следовательно вдруг стало жаль молодого человека, и он тут же подумал: «Неужели и Хэп Уошбрук видел перед смертью нечто подобное!»

— Повторяю, Крэг. Бросай нож.— В тот же момент у Доремуса возникло смутное и неприятное ощущение, что он просто застрелит Крэга. И теперь он раздумывал над тем, как сделать это наименее жестоко, чтобы ни за что не корить себя после. Он знал, что на таком расстоянии невозможно промазать, что пуля угодит Крэгу прямо в сердце, и тот скончается на месте.

Его рука с «кольт» опустилась всего на несколько секунд, но и этих мгновений было достаточно Крэгу. Он издал боевой клич и, бросившись на мужчин, метнул нож. Тот рукояткой угодил в лоб Иноку Милсу, и шериф отступил назад, оседая на колени, словно его оглушили. Крэг внезапно развернулся и помчался в противоположную сторону через дорогу к известняковому утесу. Доремус медленно поднял «кольт» и тщательно прицелился. И тут же опустил револьвер. Крэг ловко, по-кошачьи, карабкался вверх по крутому склону. Следовательно засунул «кольт» за пояс и помог Милсу подняться на ноги.

— Куда это его черт понес? — проворчал шериф, потирая шишку на лбу.

— Я думаю, Крэг и сам не знает. Куда-то вверх. Может, он надеется улизнуть. Только это вряд ли ему удастся.

В полном молчании наблюдали они, как психолог продолжает карабкаться вверх. Судя по всему, он уже окончательно лишился рассудка. Они слышали, как

Крэг рычит и хрипит от ненависти, как скребут его ногти мягкий, податливый известняк. Мелкие камушки градом сыпались на дорогу. Крэг находился уже на высоте футов тридцати и казался снизу хрупким и тщедушным существом на фоне этой грозной и величественной скалы. Силы, видимо, начали оставлять Крэга. Каждым дюймом своего тела он пытался вдавиться в известняк. Ветер разбушевался, как будто пытаясь сбросить Крэга вниз со скалы. Раздался отчаянный вопль, но безумец все еще продолжал ползти вверх.

— Не знаю, выдержат ли мои нервы это испытание,— пробормотал Милс. Он подтащил Чака к «пontiаку», накренившемуся в сторону лопнувшей шины, и впихнул своего помощника внутрь автомобиля. Затем, подобрав с пола машины рацию, Милс проверил, работает ли она. Все это время Доремус, не шелохнувшись, наблюдал за Крэгом. Тот уже почти скрылся из виду, но голос его был хорошо слышен: каждый вопль, полный предсмертного ужаса, прорывался сквозь сильнеешие порывы ветра.

И тут он сорвался, увлекая за собой целое облако известняковой пыли. Он падал, словно птица без перьев, широко раскинув руки, будто из последних сил пытаясь уцепиться за что-нибудь, удержаться любой ценой... Крэг рухнул на асфальт, коснувшись его сначала ногами, а через долю секунды и голова его ударилась о поверхность дороги, в мгновение ока раскроившей его череп. Крэг неподвижно лежал на асфальте, и боевая раскраска индейцев тускло поблескивала в свете единственной фары «пontiака».

Внезапно следователь услышал царапанье. Звук доносился из «шевроле». Автомобиль все еще слегка дымился. Открылась правая дверца, и Доремус увидел руки, растрепанные белокурые волосы... Эми с трудом выбралась из машины и встала на ноги. Пошатнувшись, она тут же оперлась о «шевроле». Девушка недоуменно уставилась на поваленный забор, затем перевела взгляд на осколки известняка у своих ног. И тогда Эми увидела тело Крэга. Доремус только и успел подумать: «Как же я забыл об Эми?!»

— Кто-нибудь, пожалуйста, помогите мне,— ослабевшим голосом взмолилась девушка. Ноги ее подкосились, и она рухнула на руки Доремусу.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Она пробудилась в коттедже, где они проводили свой медовый месяц. Сознание возвращалось к ней вместе с шумом ласковых волн, набегавших на песчаный пляж всего в несколько ярдах от окна. Солнце только-только поднималось. Минут десять она блаженствовала, находясь где-то между сном и действительностью, в легком забытии.

Кондиционер был отключен, но все в комнате дышало свежестью, и она вспомнила, что ночью шел дождь. Она скинула с себя прозрачную, почти неосязаемую ткань, которую лишь с большой натяжкой можно было назвать ночной рубашкой, и та плавно опустилась на громадную кровать, туда, где всего пару часов назад спал Доремус. Посреди ночи его вдруг одолела навязчивая мысль, будто не вся рыба еще выловлена, и он, поднявшись ни свет ни заря и все еще не разлепив сонные глаза, побрел на рыбалку, спотыкаясь на каждом шагу.

Она покачала головой: такое пристрастие к рыбной ловле она встречает впервые! Затем она приняла душ.

Улыбаясь, она пошарила в шкафу и достала голубые шорты, а также яркую блузку. Оделась, сунула ноги в итальянские сандалии и вышла на веранду, немного постояла, любуясь окружающими красотами. Солнце светило ей в спину, но было пока не жарко. На небе — ни единого облачка. А на аккуратно подстриженном газоне, на пальмовых ветвях все еще переливались радужными искрами дождевые капли. У берега покачивалась большая лодка, в ней сидели двое мужчин. Увидев мужа, она снова тепло улыбнулась.

На пороге появился высокий официант в белоснежном фраке. На голове он осторожно держал поднос

с завтраком. Официант опустил поднос на маленький стеклянный столик.

— Доброе утро, мэм.

— Доброе утро, Джонас.

— Как ваши ожоги? Сегодня, кажется, уже гораздо лучше.

Она обвела грустным взглядом покрасневшую и шелушащуюся кожу на бедрах.

— Да, вроде полегче. Мне всегда казалось, что я отлично переношу солнце, но, видимо, я не умею правильно загорать.

— Да, мэм, солнце на Ямайке ядреное. И круглый год. Но вам еще повезло. Случаются такие ожоги, что несчастных даже увозят в больницу. А вы можете наслаждаться солнцем и здесь, сидя в тени.

— Да,— согласилась она, не сводя глаз с лодки, которая уже причалила.— Мне действительно повезло.

Официант набросил на столик накрахмаленную до хруста скатерть, составил с подноса блюда и зашагал к гостинице, расположенной неподалеку. Пустой поднос он засунул теперь под мышку.

Она налила себе горячего кофе и, застыв как изваяние у входа на веранду, продолжала следить за лодкой. Когда же, наконец, мужчины выбрались на берег, она стремительно бросилась к ним навстречу мимо овального бассейна, прямо на песчаный пляж. Доремус в рыбацких сапогах, плавках и огромной соломенной шляпе помогал своему напарнику вытаскивать лодку на берег.

— И кого же вы поймали? — спросила она и ослепительно улыбнулась.

Фредди — так звали второго мужчину — восхищенно кивнул в сторону лодки.

— Акулу, мэм. Настоящую акулу.

Волна окатила ее ноги, и женщина испуганно отпрянула:

— Что?!

— Это мако. Она не нападает на людей,— пояснил Доремус, нагибаясь в лодку и подхватывая добычу.

Она внимательно осмотрела рыбину и явно разочаровалась. Конечно, акула смахивала на своих свирепых

сестриц с газетных и журнальных фотографий, однако эта рыбешка была не более трех футов длиной.

— А я-то считала, что мальков принято выкидывать обратно в море! — воскликнула она.

Доремус рассмеялся.

— Да, но они не хотят больше расти. А не желаешь ли взглянуть на зубки этого «малька»?

— Ух ты! Подожди, я сейчас принесу фотоаппарат. Хотя это и малек, все равно надо щелкнуть на память.

Она помчалась обратно в коттедж, схватила фотоаппарат, который им подарили на свадьбу. Задержалась на минутку, наливая мужу кофе. И тут же кинулась обратно к лодке. Она с трудом переводила дыхание, запыхавшись от быстрого бега. Отдышавшись, она заставила мужчину подойти к акуле и сфотографировала их. Фредди забросил рыбину в лодку и отчалил.

— А завтра, — весело добавил он, — мы поплывем за скумбрией. Там ее целые косяки.

— Фредди, я на вас рассчитываю! — отозвался Доремус и, обняв жену за талию, не спеша побрел с ней в сторону коттеджа. — Я думал, ты сегодня не проснешься раньше полудня, — проворчал он.

— А я и не собиралась. Но знаешь, в морском прибое есть что-то завораживающее, и плеск волн может вытащить из самой мягкой и теплой постели.

Она чмокнула его в шею, ощутив на губах горьковатый привкус соли. Всего за какую-то неделю Доремус успел приобрести восхитительный золотистый загар, а ей приходилось теперь мучиться, сидя в тени на веранде. И все из-за того первого дня, когда они только-только приехали сюда. Дорвавшись до моря, она несколько часов подряд основательно поджаривалась на солнышке. Конечно же, результат не замедлил сказаться.

Зато радовало другое: Доремус начал набирать вес. Вот уже и ребра не торчат, как прежде. Она легонько ущипнула мужа, чтобы собственноручно убедиться в этом. Точно. Хотя чуть-чуть, но уже нагулял жирок. Доремус нагнул и сжал жену в объятиях. Рыбный дух, исходивший от него, заставил ее отпрянуть. Она с хохотом увернулась и уселась за стол. На завтрак принесли свежие тропические фрукты: папайю, дыню, ананас.

Кроме них здесь стояла яичница с ветчиной и целая корзиночка с плюшками. Тут же на блюде лежали два письма.

— А вот и почта,— радостно воскликнула женщина и вскрыла конверты.

Пока Доремус принимал душ, она успела пробежать глазами оба письма. Вернувшись, он непринужденно взял руку жены и коснулся ее губами, почувствовав, как шелушится обгоревшая кожа.

— И кто же нам пишет? — поинтересовался Доремус.

— Элен.

Он широко зевнул и, резко закрыв рот, щелкнул при этом зубами. Наливая себе вторую чашку кофе, Доремус спросил:

— Ну, и как там у них в Шейдс дела?

— Как всегда,— рассеянно откликнулась Эми, увлекшись чтением. На лице ее промелькнула печаль. Она отложила письмо в сторону и уставилась в морскую даль. На пляже появился всадник, спустя некоторое время он скрылся за коттеджами.

— Что-то случилось? — заволновался Доремус после долгой паузы.

— Что?.. Нет-нет, все в порядке.— Но тем не менее Эми поднялась из-за стола и повернулась к нему спиной.

— Надеюсь, у Пэгги все нормально?

— Да, все прекрасно. Они в выходные устраивали пикник. Втроем — Элен, Пэг и Питер. Элен пишет, что Питер теперь болтает без умолку, когда, конечно, забывается. А это обычно и происходит, если рядом с ним Пэгги. У них двоих теперь какой-то свой, ни на что не похожий маленький мирок.— Эми опустила голову.— А у нас — свой... Я еще никогда не была так счастлива, так почему же я никак не могу забыть всего, что произошло? Неужели этот кошмар будет преследовать меня до конца? И каждый раз я буду испытывать дрожь и страх, вспоминая о... Крэге?

Доремус опустил салфетку на стол, встал и, взяв жену под руку, повел к резной скамеечке.

— Нет, это не навсегда. Не забывай, что прошло совсем немного времени — всего пять месяцев. В жизни

случаются такие страшные вещи, которые не скоро забываются. То, что тебе пришлось пережить, сродни ощущениям солдат на поле боя. А ведь некоторым из них до сих пор снятся ужасы второй мировой войны. Время лечит, Эми.

Она кивнула, но внутреннее напряжение все равно не покидало ее. Доремус ласково обнял жену, и она, улыбнувшись, доверчиво прикинула к нему.

— Ты знаешь, у меня иногда возникает такое чувство, что тогда я должна была умереть. Временами мне кажется, что я просто не заслужила такого счастья, что я недостойна тебя. А вдруг вместе с теми страшными воспоминаниями исчезнет и наш с тобой мир?

— Ну вот еще! Попробуй только улизнуть от меня!

— Я так люблю тебя, Доремус. По-моему, я ни на минуту не перестаю думать о тебе. А когда ты ночью сбегаешь на рыбалку, мне становится страшно. А сейчас мне хорошо. И я чувствую в себе даже храбрость и уверенность. Но когда ты уходишь от меня, пусть даже всего на часок, я начинаю бояться. Наверное, я несущих ахинею, как...

— Настоящая жена, — закончил за нее Доремус. — А почему ты не поела?

Она робко подняла на него взгляд:

— Ну, раз уж мы завели такой разговор, то вот о чем я давно хочу спросить тебя. Может, это глупо, конечно... Почему ты выбрал именно меня? Я была уверена, что ты влюблен в Элен. Мне казалось, что в этих-то вещах я неплохо разбираюсь. Все было, как на ладони. У Эми начинается период отчаяния и депрессии. Доремус женится на Элен, а несчастная Эми поступает в Армию спасения или что-то в этом духе. И вдруг ты являешься ко мне и с ходу огорошиваешь: «По-моему, Эми, нам пора пожениться».

— Да, это у меня здорово получилось. А сколько романтики! — подхватил Доремус, улыбнувшись. — Что ж, если разговор пошел по душам, то и я должен кое-что открыть тебе: целый день я с ужасом ждал этого момента. Я-то ведь считал себя старичком, думал, что не подойду тебе. И вполне допускал, что ты дашь мне от ворот поворот, а я так и помру холостым.

— Ничего себе! А я-то как тебя встретила — вся зареванная. Но уже через мгновение мне казалось, что я самая счастливая девчонка на всем белом свете! Какой же ты старичок? Когда тебе исполнится всего сто девятнадцать, мне уже стукнет сто один. Но ты мне так и не ответил. Элен — очень симпатичная женщина, рассудительная и серьезная. У нее свое дело. И зачем тебе именно я понадобилась? Ведь не из одной только жалости ты на мне женился!

— Разумеется, нет.

— Ну, спасибо хоть на этом.

— Жалость я испытывал только к самому себе. Не мог заснуть, ворочался по ночам с боку на бок, как шестнадцатилетний юнец. Не находил себе места. Даже есть почти перестал. Я искренне жалел себя, потому что все это время думал только о тебе, Эми. И сейчас думаю, и всегда было так. О тебе, Эми, а не об Элен.

Она внимательно посмотрела на него, а потом кивнула:

— Все, оказывается, так просто!

— Да, и добавить, пожалуй, нечего. Я влюбился в Эми Лоулор и страшно рад, что мне хватило мужества признаться в своей любви. А теперь я голоден как волк, и, если ты сейчас же не перехватишь что-нибудь со стола, я в один момент смету с него все съестное. А потом, когда я наконец набью желудок, можно будет прогуляться до гостиницы и дать телеграмму в Чикаго Нельсону. Надо сообщить ему, что я согласен на его предложение и с радостью возьму на себя обязанности представителя сысского агентства в Сан-Франциско. Не забыть бы напомнить ему и о небольшом авансе, который он может переслать сюда, на адрес гостиницы. Ну, скажем, пару тысконок, поскольку у меня сейчас медовый месяц и я собираюсь обновить жене гардероб. А после этого мы усадемся в маленький «форд» и поедем...

— Тпру! — перебила его Эми и нежно поцеловала.

Доремус заключил ее в объятия и так долго прижимал к своей груди, что проходивший мимо высокий официант чуть шею не свернул, наблюдая за ними.

— А если хорошенько пораскинуть мозгами,— задумчиво протянул Доремус, и улыбка осветила его лицо,— сдается мне, что завтрак никуда не убежит, да и телеграмму можно отослать попозже, например, днем. Или вообще завтра.

— Да-да, именно завтра,— подхватила Эми и, просияв, последовала за мужем и коттедж.

СОДЕРЖАНИЕ

Роман

ДЖ. ФАРРИС. Когда звонит Майкл 5

Литературно-художественное издание

Серия БИБЛИОТЕКА УЖАСОВ

КОГДА ЗВОНИТ МАЙКЛ

Ответственный за выпуск Б. А. Борисов
Художественное оформление Л. В. Чистова
Корректор Л. В. Стружкова

Издательство «Вербо». 117647, Москва,
Профсоюзная ул. 115.

Сдано в набор 25.02.93. Подписано к печати 12.05.93.
Формат 84х108/32. Бум. типогр. Шрифт тип «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,72. Тираж 200 000 экз.
Зак. № 603. С 004.
Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»
Мининформпечати Российской Федерации.
127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Любителям мистики, кошмаров и ужасов!

Издательство «ВЕРБ О»

*предлагает в 1993 году лучшие произведения
известнейших мастеров этого жанра*

- * Айра Левин **«Ребенок Розмари»**
- * Джон Руссо **«Нелюди»**
- * Ричард Лэймон **«Подвал»**
- * Джон Фаррис **«Когда звонит Майкл»**
(с предисловием Стивена Кинга)

Джон Руссо **«Ночь живых мертвецов»**

Марк Сондерс **«Бедствие»**

Джеффри Конвиц **«Страж»**

Гай Эн. Смит **«Обреченный рейс»**

Дэвид Зельцер **«Знамение»**

Роберт Блох **«Психопат»**

Джеймс Герберт **«Выживший»**

Френсис П. Вильсон **«Застава»**

Уильям Джонстоун **«Кошачий глаз»**
и другие.

В эту серию также вошли 18 рассказов из многотомного сборника известного продюсера и литературного критика Герберта Ван Талля.

Произведения, помеченные * уже вышли в свет!

